

НАУЧНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА

НОМЕР 11(71) 2020

www.theoreticaleconomy.ru

ЖУРНАЛ «ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА»

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 - 74611 от 24 декабря 2018 г.

Учредитель журнала:
Ярославский государственный технический университет

Журнал издается с 2011 года, выходит 1 раз в месяц
с 06.06.2017 года включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Гордеев В.А. (Ярославль, Россия)

Заместитель главного редактора

Майорова М.А. (Ярославль, Россия)

Заместитель главного редактора

Родина Г.А. (Ярославль, Россия)

Члены редакционной коллегии

Алиев У.Ж. (Астана, Казахстан)

Альпидовская М.Л. (Москва, Россия)

Бабаев Б.Д. (Иваново, Россия)

Бондаренко В.М. (Москва, Россия)

Вахрушева Н.А. (Ярославль, Россия)

Дяо Сюхуа (Далянь, КНР)

Карасева Л.А. (Тверь, Россия)

Кузнецов А.В. (Москва, Россия)

Ладислав Жак (Прага, Республика Чехия)

Лемещенко П.С. (Минск, Беларусь)

Липов В.В. (Харьков, Украина)

Новиков А.И. (Владимир, Россия)

Николаева Е.Е. (Иваново, Россия)

Сапир Е.В. (Ярославль, Россия)

Шкиотов С.В. (Ярославль, Россия)

Юдина Т.Н. (Москва, Россия)

Научные консультанты журнала

Водомеров Н.К. (Курск, Россия)

Мелиховский В.М. (Ярославль, Россия)

Чекмарев В.В. (Кострома, Россия)

Ответственный секретарь:

Маркин М.И. (Ярославль, Россия)

Адрес редакции:

150023, г. Ярославль, Московский проспект, 88, Г-333

Телефон: (4852) 44-12-50

Сайт: www.theoreticaleconomy.ru

e-mail: theoreticaleconomy@edu.ystu.ru

РУБРИКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Гордеев В.А. Теоретическая экономия: в юбилей журнала внимание к ещё не сделанному.....	4
--	---

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Николаева Е.Е., Бабаев Б.Д. Хозяйственный механизм региональной социально-экономической системы: теоретический аспект.....	11
Примышев И.Н. Теоретическое обоснование формирования экономической самодостаточности России и Республики Крым	23
Родина Г.А. Пандемия COVID-19 как триггер перехода к новому мировому порядку.....	31

КОНФЕРЕНЦИЯ В ЯГТУ О ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Карасёва Л.А. Актуальные экономико-теоретические проблемы исследования цифровой экономики.....	39
---	----

НОВАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ: ТЕОРЕТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Савельева Н.К., Созинова А.А., Палкина М.В., Караулов В.М. Оценка инновационного развития депрессивных регионов.....	42
Золотарева В.П. Эволюция предметной области проблемы экономической безопасности в процессе модернизации России	61
Алтуфьева Н.В. Теоретические аспекты понятий «инновации» и инновационный потенциал» в системе социально-экономического развития	67
Шкиотов С.В., Маркин М.И. Влияние макроэкономической конъюнктуры на обеспечение продовольственной безопасности России.....	77

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Рублев В.В. Анализ влияния бюджетных авиакомпаний «Volotea» и «Vueling» на рынок пассажирских авиаперевозок Испании в условиях макроэкономической нестабильности	88
---	----

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Фролов А.С. Влияние процессов экологизации экономики на занятость населения.....	99
---	----

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ

Иродова Е.Е. Отзыв на статью В.И. Корнякова, Н.А. Вахрушевой «Технологическое отставание или нацеленное технологическое удушение?».....	107
Лобода А.А. Отзыв на статью В.И. Гордеева «Региональные финансы поют грустные романсы (на примере Ярославской области)»	114

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ: В ЮБИЛЕЙ ЖУРНАЛА ВНИМАНИЕ К ЕЩЁ НЕ СДЕЛАННОМУ

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет», кафедра «Экономика и управление»,
действительный член Академии философии хозяйства, зарубежный полный член Академии Metaepistemia Universum,
г. Ярославль, Российская Федерация.
E-mail: vagordeev@rambler.ru
SPIN-код: 1618-5817

Аннотация: В статье предлагается редакторский обзор материалов 11-ого (71-го) номера, с которым мы выступаем в момент десятилетнего юбилея организации нашего издания. В обзоре показано, что материалы номера, в той или иной мере направлены на решение ещё не исследованных или недостаточно исследованных аспектов в русле разработки и развития концепции теоретической экономики. Указано, какие именно направления этих решений. Отмечено, что они характеризуют и знакомых читателям, и новых авторов. Особое внимание традиционно уделено актуальным проблемам теоретической экономики, теоретико-экономическим аспектам исследования новой индустриализации, современным проблемам мировой экономики, творчеству молодых исследователей.

Ключевые слова: теоретическая экономика; цифровая экономика; новая индустриализация; современные проблемы мировой экономики; творчество молодых исследователей; научная жизнь.

JEL: A13; A14

THEORETICAL ECONOMY: NEW IDEAS, DEEP AND NOT VERY

Valery Gordeev, doctor of Economics,
chief editor of the journal Theoretical Economics,
Yaroslavl state technical University
Yaroslavl, Russian Federation

Abstract: The article offers an editorial review of the materials of the 11th (71st) issue, which we present at the time of the tenth anniversary of the organization of our publication. The review shows that the materials of the issue, to one degree or another, are aimed at solving not yet investigated or insufficiently studied aspects in the mainstream of the development and development of the concept of theoretical economy. The directions of these decisions are indicated. It is noted that they characterize both familiar readers and new authors. Special attention is traditionally paid to topical problems of theoretical economics, theoretical and economic aspects of the study of new industrialization, modern problems of the world economy, the work of young researchers..

Keywords: theoretical economy; digital economy; new industrialization; modern problems of the global economy; creativity of young researchers; scientific life.

Здравствуйте, уважаемый читатель!

Представляем Вам очередной, 11-ый (71-ый), номер нашего сетевого издания, с которым мы выступаем в момент десятилетнего юбилея его организации. Как когда-то говорил классик, лучший способ отметить юбилей – обратить внимание на ещё не сделанное. По нашему мнению, материалы

71-го номера в той или иной мере отвечают этой задаче, продолжая дело развития выдвинутой нами 10 лет назад концепции теоретической экономики как нового парадигмального мейнстрима в экономических исследованиях.

Сначала традиционно обращаем Ваше внимание на первую по порядку и главную рубрику «Актуальные проблемы теоретической экономики», где опубликованы три материала. Во-первых, работа под названием «Хозяйственный механизм региональной социально-экономической системы: теоретический аспект». Её подготовили хорошо знакомые Вам [см., например: 1; 2; 3; 4; 5; 6] два члена редколлегии нашего журнала из Ивановского государственного университета: Николаева Елена Евгеньевна, доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой экономической теории, экономики и предпринимательства, и Бабаев Бронислав Дмитриевич, доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник. В современных условиях, отмечают они, экономический рост страны во многом определяется развитием экономики регионов. Поэтому важно понимать механизм функционирования регионального общественного воспроизводства и рассматривать его расширительно, многоаспектно. Цель исследования – представить региональный хозяйственный механизм в аспекте взаимодействия саморазвития региона и управления со стороны государства в совокупности с регулирующим воздействием крупных бизнес-структур. Методологической основой исследования являются системно-воспроизводственный подход и синтез политической экономики и институционализма. Это позволяет представить региональное хозяйство как непрерывность взаимосвязанных процессов производства, обращения, потребления; как открытую многоуровневую рыночную систему «регион-муниципалитет-поселения», включенную в национальную и мировую экономики. Исследование регионального хозяйственного механизма отталкивается от характеристики самой системы региона как «движение». При этом содержательно хозяйственный механизм показан как единая система «экономические законы – институты – управленческие решения». Обращение к территориальному аспекту хозяйственного механизма социально-экономической системы позволило актуализировать тему «связности территории», инфраструктурного обустройства территории. В рамках воспроизводственного подхода представлена шестистадийная система общественного воспроизводства. В качестве первоначального пункта в системе общественного воспроизводства поставлена наука, научное обслуживание, а в качестве заключительного пункта добавлена «утилизация отходов, использованного продукта, результата». Расширенный хозяйственный механизм в регионально-пространственном аспекте показан как целостная система, объединяющая саморазвитие региона и внешнее управляющее воздействие с целью повышения благосостояния населения территории на основе инновационного развития. При этом обращено внимание на то, что хозяйственный механизм должен ориентировать хозяйствующих субъектов на соединение текущих целей с долгосрочными установками, что требует развития долгосрочного проектирования (планирования).

Во-вторых, в этой рубрике публикуется статья «Теоретическое обоснование формирования экономической самодостаточности России и Республики Крым». Её написал уже известный Вам предыдущими публикациями в нашем журнале [см.: 7; 8; 9] Примышев Игорь Николаевич, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории ФГБОУ ВО «Крымский Федеральный университет», (г. Симферополь, Российская Федерация). В статье раскрыта суть термина «экономическая самодостаточность». Охарактеризована система принципов экономической самодостаточности. Предложены взаимодополняемые и взаимосвязанные принципы самодостаточности экономики отраслевых составляющих Республики Крым. Выделены критерии оценки степени глобального влияния страны на развитие процессов обеспечения самодостаточности. Сделан вывод о том, что, идея самодостаточности, прежде всего экономической, может и должна стать двигателем экономического развития Российской Федерации и ее регионов.

Завершает данную рубрику статья «Пандемия covid-19 как триггер перехода к новому мировому

порядку». Ее автор Родина Галина Алексеевна, доктор экономических наук, профессор кафедры Экономики и управления ФГБОУ ВО Ярославского государственного технического университета. Статья посвящена анализу тех изменений, которым подвергается текущая либерально-рыночная мирохозяйственная модель. Называются причины её кризисного состояния. Подчёркивается роль эпидемии коронавируса в качестве ускорителя перехода к новой модели мировой экономики, основные характеристики которой только угадываются, но уже ясно, что она будет основана на сознательном управлении развитием социума.

Затем Вашему вниманию представляется рубрика «Конференция в ЯГТУ ...». В данном номере в этой рубрике мы знакомим Вас с материалом под названием «Актуальные экономико-теоретические проблемы исследования цифровой экономики». Его подготовила член редколлегии нашего журнала Карасёва Людмила Аршавировна, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономической теории ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», (г. Тверь, Российская Федерация). Она известна Вам публикацией о ней в связи с юбилеем [см.: 10]. В данной работе представлены тезисы доклада на конференцию. Автор анализирует четыре теоретико-методологические проблемы, связанные с переходом к цифровой экономике. Во-первых, проблема исследования социально-экономической природы экономики, в которой цифровизация рассматривается как движущая сила роста. Во-вторых, рассмотрение программы цифровизации с опорой на настоящее, поэтапность, эволюционность. В-третьих, взаимосвязь цифровизации с концепцией и программой развития экономики РФ в целом. В-четвертых, преодоление аспектности и переход к интегративному знанию.

В следующей рубрике - «Новая индустриализация: теоретико-экономический аспект» - публикуется в этом номере четыре материала. Во-первых, статья под названием «Оценка инновационного развития депрессивных регионов». Её написали исследователи из ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет» (г. Киров, Российская Федерация): Савельева Надежда Константиновна, кандидат экономических наук, доцент, директор института экономики и менеджмента; Созинова Анастасия Андреевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и маркетинга; Палкина Марина Викторовна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента и маркетинга; Караулов Василий Михайлович, кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры финансов и экономической безопасности. Первые двое авторов уже известны Вам [см.: 11 и 12], остальные двое публикуются у нас впервые. Актуальность настоящего исследования, считают они, продиктована необходимостью определения уровня развития инновационной деятельности в депрессивных регионах и уточнения на этой основе приоритетных направлений по ее активизации в них. Авторы отмечают, что на сегодня вопросы оценки развития и регулирования инновационной деятельности на региональном уровне в научной среде являются достаточно хорошо изученными. В то же время, проблематика развития инновационной деятельности в депрессивных регионах остается малоисследованной. Копирование опыта развитых регионов, как правило, не всегда является возможным и не дает желаемого результата в регионах такого типа. Все это подтверждает высокую актуальность и востребованность исследования. В настоящей работе предложена система показателей оценки масштаба и эффективности инновационной деятельности. Данные индикаторы позволили оценить уровень и динамику развития инновационной деятельности по каждому депрессивному региону как относительно предыдущих периодов, так и относительно других регионов за 2014-2017 гг., а также определить приоритетные направления развития инновационной деятельности в каждом из них.

Затем в этой рубрике со статьей под названием «Эволюция предметной области проблемы экономической безопасности в процессе модернизации России» выступает впервые в нашем журнале Золотарева Вера Петровна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика и менеджмент медиабизнеса» Московского политехнического университета, (г. Москва, Российская

Федерация). В статье рассмотрен процесс формирования и эволюции предметной области проблемы экономической безопасности хозяйственной системы России. Автор исследует его в ракурсе различных типов модели российской модернизации, характерных для нее во второй половине XIX–начале XXI в.: модели «наименьшего сопротивления», «мобилизационной», «гибридной» и «трансформационной». Выявлены такие важнейшие факторы, повлиявшие на формирование предметной области, как трансформация хозяйственных связей из-за изменения масштабов территории, приток иностранного капитала, увеличение государственного долга, изменение позиций России в мировом хозяйстве, защита внутреннего рынка, борьба с оттоком капитала. Подчеркивается, что в период с XIX до середины XX века произошло выделение отдельных аспектов проблемы, что позволило обозначить ее предметную область, однако сама проблема не получила самостоятельного статуса в экономической науке, ее активная разработка и оформление произошло уже в конце XX в. Автор приходит к выводу о взаимосвязи эволюции предметной области проблемы экономической безопасности с особенностями модернизационных процессов, осуществляемых в России.

Далее в данной рубрике представлена работа под названием «Теоретические аспекты понятий «инновации» и инновационный потенциал» в системе социально-экономического развития». Её автор, новый для нашего журнала, - Алтуфьева Наталья Валерьевна, младший научный сотрудник сектора экономической безопасности Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской Академии Наук, (г. Уфа, Российская Федерация). Статья посвящена проблеме изучения понятий «инновации» и «инновационный потенциал». Выявлено, что нет единого научного мнения к терминам «инновации» и «инновационный потенциал». Изучен отечественный и зарубежный опыт подходов к понятиям «инновации» и «инновационный потенциал». Представлены определения различных ученых к данным понятиям. Целью статьи является изучение отечественного и зарубежного опыта подходов к понятию терминов «инновации» и «инновационный потенциал», а также формирование структуры инновационного потенциала малых научно-исследовательских и инновационных предприятий. В статье проводится анализ различных подходов к понятиям «инновации» и «инновационный потенциал» как сложных экономических категорий. Выделены пять основных подходов к определению термина «инновации», в том числе: инновации как вовлеченность в экономический оборот, инновации как введение в употребление нового продукта, инновации как сдвиг производственной функции, инновации как процесс, в котором изобретение или идея приобретают экономическое содержание, инновации как способ удовлетворения потребностей. Также выделены подходы к понятию «инновационный потенциал», в том числе: ресурсный, методический, результативный, научный, ресурсно-методический, стратегический. Предложена структура инновационного потенциала малых научных и инновационных предприятий, куда входит восемь подсистем, в том числе: научно-информационная, материально-техническая, финансовая, социально-управленческая, правовая, творческая, безопасная, кадровая. Представлено авторское определение к понятию «инновации» и «инновационный потенциал».

Завершает данную рубрику статья под названием «Влияние макроэкономической конъюнктуры на обеспечение продовольственной безопасности России». Её представили авторы Её автор – уже известная Вам [см.: 17] Шкиотов Сергей Владимирович, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет» и Маркин Маским Игоревич старший преподаватель кафедры экономики и управления ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет». Предметом исследования является продовольственная безопасность России. Цель работы – с помощью методов экономико-математического моделирования оценить влияние макроэкономической конъюнктуры на состояние продовольственной безопасности России. В работе выдвинуты 2 гипотезы: 1) между динамикой реальных располагаемых доходов населения и экономической доступностью продуктов

питания существует прямая (статистически значимая) зависимость; 2) между динамикой курса евро по отношению к рублю и долей импорта основной сельскохозяйственной, рыбной продукции и продовольствия в структуре личного потребления существует обратная (статистически значимая) зависимость. С помощью корреляционного анализа по большой выборке данных (исследовались: доля импорта основной сельскохозяйственной, рыбной продукции и продовольствия в структуре личного потребления; динамика курса евро по отношению к рублю; динамика реальных располагаемых доходов населения; потребление основных продуктов питания в РФ) в долгосрочном временном интервале (8 лет) выдвинутые гипотезы верифицируются.

Далее мы представляем Вашему вниманию рубрику под названием «Современные проблемы мировой экономики». В ней мы знакомим Вас со статьей «Анализ влияния бюджетных авиакомпаний «Volotea» и «Vueling» на рынок пассажирских авиаперевозок Испании в условиях макроэкономической нестабильности». Её написал новый для нас автор Рублев Владимир Владимирович, аспирант Института экономики и менеджмента Владимирского государственного университета (г. Владимир, Российская Федерация). На основании данных о деятельности двух крупнейших бюджетных авиакомпаний Испании «Volotea» и «Vueling» представлено заключение о том, что важнейшим элементом построения маршрутной сети бюджетных авиаперевозчиков является развитие региональных направлений малой и средней дальности (от 500 до 1500 км). Это позволяет достигать высокого показателя эксплуатационной эффективности парка воздушных судов и выстраивать развитую сеть авиатранспортного сообщения региональных аэропортов.

В следующей рубрике, «Творчество молодых исследователей», публикуется статья под названием «Влияние процессов экологизации экономики на занятость населения». Её подготовил тоже новый для нашего журнала автор Фролов Алексей Сергеевич, аспирант Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (г. Вологда, Российская Федерация). Экологизация экономики, отмечает он, выступает одним из важнейших вызовов современности и на сегодняшний день имеет всё большее значение для развития любого государства. При этом она сохраняет природный потенциал окружающей среды, улучшает качество жизни населения и способствует увеличению темпов экономического роста. В статье рассматриваются сущность и тенденции процессов экологизации экономики, а также их влияние на занятость населения в современных условиях, определяются положительные и отрицательные последствия такого влияния на конъюнктуру рынка труда. В результате проведенного исследования было выяснено, что политика в области экологизации экономики может как содействовать увеличению уровня занятости населения, так и приводить к сокращению количества неэффективных рабочих мест и росту безработицы. В данной работе были использованы такие общенаучные методы, как синтез, анализ, описание, аналогия, обобщение.

В рубрике «Рецензии, отклики» публикуется в этом номере две работы. Во-первых, «Отзыв на статью В.И. Корнякова, Н.А. Вахрушевой «Технологическое отставание или нацеленное технологическое удушение?». Автор отзыва – известная Вам [см, например: 13] Иродова Елена Евгеньевна, доктор экономических наук, профессор, профессор ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», кафедра экономической теории, экономики и предпринимательства, (г. Иваново, Российская Федерация). В представленном материале дана оценка опубликованной в прошлом номере нашего журнала статьи В.И. Корнякова, Н.А. Вахрушевой «Технологическое отставание или нацеленное технологическое удушение?» Предложен комплекс исследовательских направлений, которые могли бы усилить авторские позиции. Сделан целый ряд научно-исследовательских срезов, в рамках которых можно конкретизировать дальнейший анализ. Актуализированы наиболее значимые аспекты поставленной проблемы. Развернуты ключевые идеи в рамках темы роста производительности труда и преодоления технологического отставания в современной российской экономике.

Во-вторых, в этой рубрике публикуется «Отзыв на статью В.И. Гордеева «Региональные

финансы поют грустные романсы (на примере Ярославской области)». Автор отзыва – впервые публикующийся в нашем журнале Лобода Алексей Андреевич, студент Института экономики и менеджмента ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет», (г. Ярославль, Российская Федерация). Дается оценка положений и выводов, содержащихся в рецензируемой статье. С отдельными положениями автор рецензии соглашается, другие дополняет или подвергает критике. В процессе критики поднимаются вопросы об использовании предложенных в рецензируемой статье конкретных инструментов для наполнения доходной части регионального бюджета Ярославской области.

Таково основное содержание материалов представленного 11-го (71-го) номера. Как видите, они, действительно, в определенной степени отвечают рекомендации классика отмечать юбилей акцентированием внимания на ещё не решенном, в данном случае в плане развития теоретической экономики как нового парадигмального мейнстрима в экономических исследованиях, чем мы и занимаемся в нашем сетевом издании вот уже десять лет.

В заключение позвольте высказать традиционное для завершения рубрики главного редактора пожелание: Успешной Вам работы над новым номером, уважаемый читатель!

С уважением В.А. Гордеев

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Николаева Е.Е. Конкуренция как экономическое отношение и как институт: методологический аспект / Е.Е. Николаева, Т.В. Азарова // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2017. — № 6. — С. 38-49. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
2. Николаева Е.Е. К вопросу о роли и месте человека в цифровой экономике [Текст] / Е.Е. Николаева // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. — № 7. — С. 42-45. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
3. Бабаев Б.Д., Бабаев Д.Б., Боровкова Н.В., Игнатьева Н.А. Реалии регионального воспроизводства и цифровая экономика (по материалам Ивановской области) / Б.Д. Бабаев, Д. Б. Бабаев // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. — № 8. — С. 50-53. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
4. Бабаев Б.Д., Бабаев Д.Б., Николаева Е.Н. Регион как открытая экономическая система: круг фундаментальных проблем / Б.Д. Бабаев, Д. Б. Бабаев // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. — № 9. — С. 11-22. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
5. Бабаев Б.Д., Бабаев Д.Б. Цифровая экономика: производственные зарисовки / Б.Д. Бабаев, Д. Б. Бабаев // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. — № 10. — С. 80-85. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
6. Николаева Е.Е. «Вперед и выше! (К 90-летию профессора Бронислава Дмитриевича Бабаева)» / Е.Е. Николаева // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. — № 2. — С. 95-98. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
7. Примышев И.Н. Факторы и современные модели экономического роста и развития / И.Н. Примышев // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. — № 4. — С. 53-61. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
8. Кузнецов А.В. Отзыв на статью Примышева И.Н. «Факторы и современные модели экономического роста и развития» / А.В. Кузнецов // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. — № 7. — С. 91-95. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

9. Примышев И.Н. Отклик на отзыв Кузнецова А.В. по статье Примышева И.Н. «Факторы и современные модели экономического роста и развития» / И.Н. Примышев // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. — № 8. — С. 106-108. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

10. Николаева Е.Е. Наши поздравления замечательному человеку – Людмиле Аршавири Карасевой! / Е.Е. Николаева // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2018. — № 1. — С. 142-145. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

11. Савельева Н.К., Данилова М.В. Рынки несовершенной конкуренции в энергетике: модели и перспективы развития / Н.К. Савельева // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. — № 7. — С. 61-68. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

12. Савельева Н.К., Созинова А.А. Анализ влияния мирового финансово-экономического кризиса на трансформацию хозяйственных систем / Н.К. Савельева // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. — № 5. — С. 80-86. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

13. Иродова Е.Е. Отзыв на статью Н.А. Вахрушевой, В.И. Корнякова, М.Л. Альпидовской «Экономическое развитие социума, его направление» / Е.Е. Иродова // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. — № 9. — С. 89-95. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ МЕХАНИЗМ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-010-00329 «Теоретико-методологические основы расширенного понимания хозяйственного механизма в современной экономике».

Николаева Елена Евгеньевна

доктор экономических наук, доцент, доцент,
заведующая кафедрой экономической теории, экономики и предпринимательства,
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»,
г. Иваново, Российская Федерация.
E-mail: dvn2002@yandex.ru

Бабаев Бронислав Дмитриевич

доктор экономических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»,
г. Иваново, Российская Федерация.
E-mail: politeconom@yandex.ru

Аннотация: В современных условиях экономический рост страны во многом определяется развитием экономики регионов. Поэтому важно понимать механизм функционирования регионального общественного воспроизводства и рассматривать его расширительно, многоаспектно. Цель исследования – представить региональный хозяйственный механизм в аспекте взаимодействия саморазвития региона и управления со стороны государства в совокупности с регулирующим воздействием крупных бизнес-структур. Методологической основой исследования являются системно-воспроизводственный подход и синтез политической экономики и институционализма. Это позволяет представить региональное хозяйство как непрерывность взаимосвязанных процессов производства, обращения, потребления; как открытую многоуровневую рыночную систему «регион-муниципалитет-поселения», включенную в национальную и мировую экономики. Исследование регионального хозяйственного механизма отталкивается от характеристики самой системы региона и представляется как «движение». При этом содержательно хозяйственный механизм показан как единая система «экономические законы – институты – управленческие решения». Обращение к территориальному аспекту хозяйственного механизма социально-экономической системы позволило актуализировать тему «связности территории», инфраструктурного обустройства территории. В рамках воспроизводственного подхода представлена шестистадийная система общественного воспроизводства. В качестве первоначального пункта в системе общественного воспроизводства поставлена наука, научное обслуживание, а в качестве заключительного пункта добавлена «утилизация отходов, использованного продукта, результата». Расширенный хозяйственный механизм в регионально-пространственном аспекте показан как целостная система, объединяющая саморазвитие региона и внешнее управляющее воздействие с целью повышения благосостояния населения территории на основе инновационного развития. При этом обращено внимание на то, что хозяйственный механизм должен ориентировать хозяйствующих субъектов на соединение текущих целей с долгосрочными установками, что требует развития долгосрочного проектирования (планирования).

Ключевые слова: хозяйственный механизм; регион; воспроизводство; саморазвитие; управляющее воздействие.

JEL: B40, R10, R11, R50, R58

ECONOMIC MECHANISM OF THE REGIONAL SOCIO-ECONOMIC SYSTEM: THEORETICAL ASPECT

Nikolaeva Elena Evgenievna,
Doctor of Economics, associate professor,

Head of the Department of Economic Theory, economy and entrepreneurship Ivanovo State University, Ivanovo, Russia,

Babaev Bronislav Dmitrievich
Doctor of Economics, professor,
Leading researcher Ivanovo State University,
Ivanovo, Russia,

Abstract: In modern conditions, the country's economic growth is largely determined by the development of the regional economy. Therefore, it is important to understand the mechanism of functioning of regional social reproduction and consider it in a broad, multidimensional way. The purpose of the research is to present the regional economic mechanism in the aspect of interaction between the region's self - development and state management in conjunction with the regulatory impact of large business structures. The methodological basis of the research is the system-reproduction approach and the synthesis of political economy and institutionalism. This allows us to present the regional economy as a continuity of interrelated processes of production, circulation, and consumption; as an open multi-level market system «region-municipality-settlements», included in the national and global economy. The study of the regional economic mechanism is based on the characteristics of the regional system itself and is presented as a «movement». At the same time, the economic mechanism is shown as a single system of «economic laws – institutions – management decisions». Addressing the territorial aspect of the economic mechanism of the socio-economic system allowed us to update the topic of «connectivity of the territory», infrastructure development of the territory. Within the framework of the reproduction approach, a six - stage system of social reproduction is presented. As the initial point in the system of social reproduction, science, scientific service is set, and as the final point, «recycling of waste, used product, result» is added. The extended economic mechanism in the regional-spatial aspect is shown as an integral system that combines the self-development of the region and external management influence in order to improve the well-being of the population of the territory on the basis of innovative development. At the same time, attention is drawn to the fact that the economic mechanism should focus economic entities on connecting current goals with long-term goals, which requires the development of long-term design (planning)..

Keywords: economic mechanism; region; reproduction; self-development; controlling influence..

В последнее время все заметнее проявляется тенденция, связанная с тем, что рост экономики страны все больше определяется социально-экономическим развитием регионов. Поэтому необходимо исследовать вопросы саморазвития региональных социально-экономических систем и управления регионами, территориально-производственными комплексами, факторы устойчивости и стабильности социально-экономического развития России в целом и отдельных территорий.

Для российской экономики, представленной 85 регионами, важно понимать механизм функционирования регионального общественного воспроизводства. В связи с тем, что территория страны огромна, а регионы существенно отличаются друг от друга по природно-климатическим, сырьевым, производственным, демографическим, социальным, культурным и другим характеристикам, хозяйственный механизм необходимо рассматривать многоаспектно: как взаимосвязь разнообразных элементов производительных сил, экономических отношений и институтов; как единство природных, технико-экономических, социальных процессов; взаимодействие реальной и виртуальной экономики; как социально-экономическое пространство. Один из аспектов – взаимодействие саморазвития региона и управления со стороны государства в совокупности с регулирующим воздействием крупных бизнес-структур – чрезвычайно актуален для экономической системы России.

Методологической основой исследования являются системно-воспроизводственный подход и синтез политической экономии и институционализма.

Системно-воспроизводственный подход включает ряд методологических принципов.

1. Принцип системности предполагает рассмотрение объекта (в нашем случае региона) с выделением системно-содержательного (компонентного), системно-структурного, системно-функционального аспектов. Регион выступает как многоуровневая система, включающая уровень региона в целом, муниципальных районов и отдельных поселений (городских и сельских). При этом

региональная система является более открытой, чем национальная. Это накладывает отпечаток на исследование ее компонентов и подсистем.

2. Принцип интегративности, означающий взаимосвязь и объединение объектов, субъектов, процессов (природных, экономических, социальных, политических, культурных и др.) в единое целое. Здесь акцент на управлении системой как сочетании самоорганизации, саморазвития и внешнего управляющего воздействия. Внешнее воздействие оказывают не только другие регионы как партнеры, покупатели, поставщики, но и национальная экономика, а также мировое хозяйство. Интегративность предполагает формирование единого пространства как территориального, так и экономического, правового, социокультурного и в рамках макрорегионов, образование которых является результатом действия интегративных процессов.

3. Принцип воспроизводимости. Это традиционно понимаемый принцип, предполагающий анализ условий, предпосылок, возможностей непрерывного возобновления региональной хозяйственной деятельности в аспекте экономического роста и развития. Здесь оценивается потенциал региона, ключевые (опорные) виды производства, хозяйственные комплексы (кластеры).

4. Противоречия как движущая сила. Диалектика развития предполагает движение хозяйственной системы. Противоречия подразумевают наличие проблем, возникающих в рамках регионального воспроизводства, противоположность интересов хозяйствующих субъектов. Но в ходе разрешения этих противоречий происходит качественное изменение системы, нахождение компромисса (равновесия, стабильности), движение вперед.

Таким образом, системно-воспроизводственный подход позволяет представить региональное хозяйство как непрерывность взаимосвязанных процессов производства, обращения, потребления; как открытую многоуровневую рыночную систему «регион-муниципалитет-поселения», включенную в национальную и мировую экономики.

Синтез политической экономии и институционализма предусматривает взаимопроникновение и взаимодополняемость этих двух ветвей экономической теории, соединение объективных основ процессов и явлений (политико-экономический аспект) с определением условий и предпосылок их реализации и использования (институциональный аспект, упор на субъективную сторону) [см.: 1, 2, 3]. Политическая экономия в центр исследования ставит экономические законы, познание которых является основой осуществления социально-экономических процессов, хозяйственной деятельности людей. На этой базе дается принципиальная оценка реальной жизни, предлагаются решения принципиального плана. В рамках институциональной экономики формулируются нормы и правила экономического поведения, то есть создаются институты. Соединение экономических законов с институтами и управленческими решениями выводит исследователя на понятие хозяйственный механизм социально-экономической системы, представляемый как цепочка взаимодействия: «экономические отношения и экономические законы – институты – управленческие решения». Синтез политэкономии и институционализма важен как для понимания хозяйственной системы, так и хозяйственного механизма и дает возможность выйти в сферу региональной хозяйственной политики.

Рассмотрение хозяйственного механизма неразрывно связано с характеристикой самой региональной социально-экономической системы. В принципиальном плане региону как системе свойственны следующие черты.

1. Региональная экономика – это открытая система, встроенная в национальную хозяйственную систему, которая, в свою очередь, включена в систему мировой экономики. Одновременно сам регион является сложной системой, в которой имеются системы нижестоящего уровня – муниципальная и поселенческая экономики [3, 4].

2. Регион как рынок является частью национального и мирового рынков. Региональный рынок как сложная система состоит из муниципальных и местных (локальных) рынков, на которых

действует множество субъектов. В соответствии с этим виды хозяйственной деятельности можно классифицировать, во-первых, с учетом ввоза-вывоза продукта, и, во-вторых, с выделением внутреннего и внешнего рынка, внутрорегионального и внешнего по отношению к региону использования продукции.

1) «Ввоз ресурса – его переработка в регионе – вывоз за его пределы». Это «проточная экономика», обеспечивающая занятость и доход. В Ивановской области к этому виду хозяйственной деятельности относится производство хлопчатобумажных тканей.

2) «Ввоз – переработка – реализация на внутреннем рынке – потребление в границах региона». Регион приобретает в свое распоряжение те ресурсы, которых у него нет или их недостает. Продукция, получаемая из ввозимого ресурса, частично потребляется в самом регионе, частично вывозится. Это в целом очень развитый вариант хозяйственного оборота. Типичный пример для Ивановской области – производство хлеба и хлебобулочных изделий, поскольку мука в основном завозится из других регионов. Часть производства хлопчатобумажных тканей, идущая на региональный рынок, тоже попадает в этот вид деятельности.

3) «Собственные ресурсы – их переработка – вывоз». Этот вид предполагает завоевание внешних по отношению к данной территории рынков, выступает предпосылкой формирования дополнительных рабочих мест и получения дохода, нужного для расширенного воспроизводства. Примером является лес и лесопромышленность (половина территории Ивановской области покрыта лесами).

4) «Внутренний ресурс – его переработка – внутреннее потребление». Эта хозяйственная деятельность, представленная водоснабжением, теплоэнергетикой, означает местную экономику, ориентированную на более полное использование имеющихся региональных возможностей экономического оборота [См. подробнее: 3, с. 164-165].

Такая группировка видов хозяйственной деятельности соотносится с трактовкой региона как открытой системы и позволяет сделать акцент на важности самозарабатывания средств за пределами региона, то есть на самофинансировании. Чем выше доля вывоза производимой продукции, тем больше у региона потенциал для обеспечения расширенного воспроизводства.

3. Регион – это система регионального воспроизводства. Поэтому важно обеспечение нормального функционирования всех стадий общественного воспроизводства (производство – распределение – обмен – потребление). Участник грантового проекта «Теоретико-методологические основы расширенного понимания хозяйственного механизма в современной экономике» профессор Б.Д. Бабаев предложил расширить перечень стадий общественного воспроизводства, добавив к ним в качестве первой науку, так как невозможно сегодня представить развитие экономики и общества без сферы НИОКР как сектора экономики, а в качестве шестой воспроизводственной стадии – утилизацию отходов производства и бытовых отходов [5, с. 46, 112, 169, 184, 214, 285]. В современных условиях утилизация отходов является острой экологической задачей регионального, национального и мирового масштаба, поэтому отдельный сбор, сортировка и переработка отходов выделяются в самостоятельный вид хозяйственной деятельности, образуют новые бизнес-структуры, сектор хозяйства.

4. Регион выступает как совокупность взаимодействующих природных, экономических, социокультурных, институциональных процессов. Такой взгляд на регион близок к идее социоэкономической системы региона, выдвигаемой А.Н.Пыткиным, В.А.Сухих и А.А.Урасовой [6], а также рассмотрению другими уральскими учеными (А.И.Татаркиным, А.Ю. Даванковым, Г.Н. Пряхиным, В.В. Седовым, А.Ю.Шумаковым) территориальных систем муниципального и регионального уровня как социо-эколого-экономических систем, взаимодействующих с институтами власти территориальных сообществ [5]. Мы также развиваем этот подход, активно вовлекая в воспроизводственную цепочку не только экономические, социальные и экологические процессы, но

и институты.

5. Регион – это пространственная категория, включающая центр и периферию, совокупность крупных и малых поселений на территории региона. Пространственный аспект рассматривается многими авторами [7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14 и др.]. При таком взгляде на регион актуализируются темы внутрорегиональной социально-экономической дифференциации, роли городов в развитии региональной экономики, размещения производительных сил и населения, инфраструктурного обустройства и связанности территорий, разноразмерности производства и развития экономики. Что касается последнего аспекта, то в соответствии с законом необходимого разнообразия содержание экономических процессов, структура ресурсов, имеющихся у хозяйствующих субъектов, среда, в которой происходит их взаимодействие, – все это в совокупности требует разноразмерности (крупный, средний и малый бизнес; крупные, средние, малые города и сельские поселения).

От понятия региональная система перейдем к механизму её функционирования. Тема хозяйственного механизма активно разрабатывалась в 60–80-е гг. XX века Л. И. Абалкиным [15], Ю.М.Осиповым [16], П. Г. Буничем [17] и многими другими. В современной литературе эта тема не очень популярна, хотя в 2000-е годы появились работы о хозяйственном механизме функционирования отдельных предприятия, отраслей, комплексов. Если же говорить о хозяйственном механизме применительно к социально-экономической системе в целом, то можно назвать публикации И. С. Авериной [18], Г.С.Михалева [19], А. Н. Проклина [20], М. Н. Яньшиной [21]. Следует обратить внимание на статью В.И. Бархатова, в которой анализируются существующие подходы к определению хозяйственного механизма, выделяется его структура, хозяйственный механизм рассматривается как сложная многоуровневая система, основные этапы эволюции хозяйственного механизма в российской экономике и роль отношений собственности в формировании нового хозяйственного механизма. Автор отмечает, что «хозяйственный механизм любой экономической системы представляет собой сложную соподчиненную (иерархическую) совокупность подсистем. Ядром хозяйственного механизма является совокупность специфических экономических законов, отражающих господство определенных отношений собственности и вытекающих из этого экономических интересов субъектов. Эффективность хозяйственного механизма зависит от того, насколько субъекты осознают экономические законы и насколько их действия адекватны этим законам» [22, с.11]. Мы солидарны с этим взглядом и предлагаем трактовать хозяйственный механизм расширительно и многоаспектно: как взаимосвязь разнообразных элементов производительных сил, экономических отношений и институтов; как единство природных, технико-экономических, социальных процессов; как взаимодействие реальной и виртуальной экономики; как социально-экономическое пространство [5, с.97-251].

Хозяйственный механизм приводит в движение социально-экономическую систему. Можно рассматривать движение как «нормальное», соответствующее требованиям экономических законов, обеспечивающее экономический рост и развитие, либо как «депрессивное», «движение вспять», связанное с отклонениями от «нормы», с диспропорциями и деформациями в системе, как «нулевой рост». В основе экономического движения лежат экономические законы, связанные с законами природы и техническими законами. Эти законы институционализируются, принимают конкретную форму институтов (норм, правил, юридических законов, структур, организаций и проч.). Для управления хозяйственными процессам принимаются управленческие решения, осуществляется экономическая политика. Это движение социально-экономической системы страны или региона может осуществляться за счет импульсов, идущих изнутри системы, и/или за счет внешних импульсов (воздействие крупных сетевых структур, структур федерального значения, государственного регулирования). Поэтому регион в рамках темы хозяйственного механизма можно рассматривать как сочетание механизмов саморазвития и внешнего управляющего воздействия.

Саморазвитие территории предполагает предпринимательскую активность, инициативу

населения, деятельность управленческих структур. Саморазвитие (самодвижение) основано на инновационности как свойстве экономической системы региона, поскольку человек как хозяйствующий субъект стремится экономнее расходовать ресурсы, получать максимальный полезный эффект в процессе производства и потребления новых продуктов и услуг. Движущей силой экономической деятельности выступает объективный экономический интерес, превращающийся в побудительную силу при осознании его субъектом деятельности.

Региональная экономика должна встроиться в вышестоящие системы, используя свои воспроизводственные ресурсы, ориентируясь как на внутренние потребности, так и запросы других регионов, страны в целом и мирового хозяйства, зарабатывая средства вне региона. Для экономического роста нужны не только активность и нацеленность на результат предпринимателей, но и наличие необходимых ресурсов, особенно кадров, в том числе управленческих. Вопросы подготовки квалифицированных специалистов и закрепления на местах требуемых работников задача не только внутрирегиональная, но и государственная. Для этого есть целый ряд мер (рост числа бюджетных мест, распределение выпускников-бюджетников в организации, где острый дефицит таких специалистов, обеспечение их жильем и др.). Государственное управление территорией использует в качестве действующей силы систему стимулирующих, санкционирующих, контролирующих рычагов.

Таким образом, хозяйственный механизм – это механизм, приводящий в движение хозяйственную систему, в том числе региональную. При этом механизм представляет собой целостную систему, призванную реализовать определенные цели и включающую ряд составляющих ее элементов, каждый из которых выполняет определенные функции и занимает свое место в структуре социально-экономической системы.

Возвращаясь к системно-воспроизводственному подходу рассмотрения регионального хозяйственного механизма, отметим, что в соответствии с технико-экономическими законами на стадии производства формируются определенные внутрипроизводственные пропорции под влиянием имеющихся ресурсов и технологий их переработки. На стадии распределения они трансформируются в учетно-нормативные пропорции, обеспечивая формирование необходимых воспроизводственных фондов. В сфере обращения (распределение + обмен) рынок через механизмы спроса и предложения, через ценовой механизм корректирует сложившиеся в соответствии с законами производства пропорции. Например, в условиях пандемии многие предприятия регионов страны меняют свои производственные программы под влиянием ситуации во внешней среде, начинают производить необходимые для системы здравоохранения предметы (оборудование, технические приспособления, инструменты, одежду и проч.). Так, Ивановский парашютный завод перевел одну из своих производственных линий на выпуск противочумных костюмов для медицинских работников своего региона и Московской области. Многие текстильные предприятия, швейные цеха области, ателье и предприятия индустрии моды перешли на выпуск защитных масок (одноразовых и многоразовых). Сработал и ценовой механизм в условиях дефицита средств индивидуальной защиты (фиксировался рост цен до 70-100 рублей за маску при цене до пандемии не более 15 рублей). Правда, в приведенном примере кроме рыночного спроса на средства защиты для медиков и населения управляющее воздействие на производственную деятельность региона оказало и государство, обозначив в качестве приоритета сохранение здоровья людей, обеспечив финансовую поддержку отрасли, создав соответствующие институты и активизировав уже имеющиеся (в частности, через проверки ФАС, воздействуя на аптечные сети как посредников, вплоть до лишения лицензий и возбуждения уголовных дел; через льготное кредитование предприятий, субсидии и другие инструменты).

Результаты рыночной корректировки могут быть улучшающими, нейтральными или ухудшающими. Улучшающий результат означает соблюдение или положительное изменение

общественно необходимых воспроизводственных пропорций, повышение экономической, экологической, социальной, финансовой эффективности, качества социально-экономических процессов в обществе. Ухудшающий результат означает противоположное действие. Экономическая необходимость и потребности могут входить в противоречие с социальными нуждами. В связи с этим в хозяйственный процесс включается государство через госзаказы, льготы по налогам, другие меры поддержки бизнеса, что и демонстрирует сейчас РФ. Происходит трансформация институтов, институциональной среды в ответ на изменения в экономических отношениях между хозяйствующими субъектами. Институциональная среда может выступать как фактором, способствующим позитивным сдвигам в системе региона и страны в целом, так и тормозом социально-экономического развития в случае деформации самих региональных экономических и управленческих институтов. На предпосылки и особенности институциональной деформации регионального развития обращают внимание С. С. Гордеев, С. Г. Зырянов, А. В. Подопригора [23].

Иерархическое устройство российской социально-экономической системы предусматривает государственное управление на федеральном уровне (министерства, ведомства и пр.), на региональном уровне (региональные администрации и правительства), а также муниципальное самоуправление. Местное самоуправление, отражая интересы людей конкретных поселений, предполагает действия негосударственных структуры управления. Но на практике региональные власти дают рекомендации, которые должны быть выполнены, и контролируют эти процессы. У каждого уровня управления в регионе есть своя зона ответственности, и вмененные функции должны подкрепляться ресурсами, прежде всего финансовыми. На это указывает и В. Н. Парахина [24]. Во многих регионах страны большинство муниципальных районов имеют несамостоятельные консолидированные бюджеты. Так, в Ивановской области половина доходов указанного бюджета формируется за счет перечислений из вышестоящего бюджета. Поэтому местное самоуправление существенно ограничено в своих действиях, что сказывается на качестве жизни населения. Бюджеты многих регионов страны являются дотационными, что сдерживает возможности региональных властей поддерживать муниципалитеты и обеспечить их самостоятельность. На поселенческом уровне ситуация еще хуже из-за отсутствия серьезной материальной базы, предпринимательской деятельности, наличия собственных налоговых доходов. В некоторых из поселений речь идет просто о выживании или даже о «доживании». Не секрет, что для Центра России остро стоит проблема обезлюдивания деревень. По количеству сел без жителей в середине 2018 г. первое место в России занимала Тверская область (2234 населенных пункта). На втором месте в списке регионов с «мертвыми» деревнями Вологодская область (2106 деревень), на третьем – Псковская (1923 деревни). Ивановская область на 9-м месте (634 деревень, в которых стоят дома, но не живёт ни одного человека) [25]. Причинами вымирания села чаще всего является отсутствие мест работы, то есть предпринимательской деятельности, прекращение функционирования объектов социальной инфраструктуры (больниц, фельдшерских пунктов, клубов, школ) и надежного транспортного сообщения (разрушение мостов, дорог, пристаней). Поэтому важным фактором развития выступает инфраструктурная обустроенность территории (транспортная, коммуникационная, социальная и др.).

Если рассматривать инфраструктуру через призму регионального хозяйственного механизма, то она выступает для региональных властей важным инструментом управления, поскольку воздействует на все стороны жизни общества и напрямую влияет на качество жизни населения, позволяет снизить дифференциацию внутрирегионального и межрегионального социально-экономического пространства. Министерством регионального развития РФ в 2013 г. утвержден перечень из 40 показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов. Среди них есть оценка населением деятельности руководителей местных органов власти и унитарных предприятий, учреждений, акционерных обществ (с контрольным участием государства/муниципального образования), осуществляющих

оказание услуг населению, получаемая на основе социологических опросов, интервьюирования и анкетирования граждан. При изучении мнения жителей учитывается их удовлетворенность качеством автомобильных дорог, работой общественного транспорта, организацией тепло-, энерго-, газо- и водоснабжения и др., то есть качеством инфраструктуры. Наличие и качество объектов инфраструктуры влияет на сохранение и приумножение численности жителей и их хозяйственную активность в поселениях. Но проблемным территориям без государственной помощи сложно осуществить реализацию многих инфраструктурных проектов. И здесь важную роль может сыграть взаимодействие органов государственной власти с крупными бизнес-структурами.

В рамках регионального хозяйственного механизма как сочетания саморазвития и внешнего управляющего воздействия с необходимостью следует указать на взаимосвязь, с одной стороны, государственного, регионального и муниципального хозяйств с частным предпринимательством, с другой стороны. Это может принимать различные формы, в том числе государственно-частного партнерства. При таком взаимодействии и объединении государственных ресурсов с частными ресурсами увеличиваются возможности реализовывать крупные инвестиционные проекты, обеспечивать строительство инфраструктурных объектов, способствующих хозяйственному освоению территорий, решать сложные демографические проблемы, регулировать миграционные потоки, переселение людей. Все это – важные объекты управляющего воздействия в рамках хозяйственного механизма.

В качестве примера такого взаимодействия можно указать на успешное решение проблемы скоростного железнодорожного сообщения между Ивановской областью и Москвой. Десятилетия этот вопрос обсуждался на разных уровнях, но все упиралось в отсутствие электрификации участка железнодорожной ветки от г. Владимир до г. Иваново, предлагались разные варианты, которые по разным причинам (в том числе из-за дороговизны) не были реализованы. В ноябре 2017 г. компанией ОАО «РЖД» совместно с правительством Ивановской области было достигнуто соглашение: на Коломенском заводе был сконструирован уникальный и пока единственный для РЖД тепловоз, который на неэлектрифицированном участке передает скоростной «Ласточке» электроснабжение и развивает скорость до 160 км/ч, сокращая время в пути с 6 часов до 3 часов 40 минут. Возможность быстро добраться до Москвы получили и жители г. Шуя, через который проходит скоростной состав. Летом 2020 г. осуществлен запуск скоростного пригородного поезда (рельсового автобуса «Орлан») между областным центром и Кинешмой, вторым городом области, стоящим на берегу Волги, сократив время в пути с 2,5 до 1,5 часов. Все это немедленно сказалось на экономике городов, региона в целом. Реализация этих проектов позволила привлечь в Ивановскую область новых инвесторов, несколько крупных компаний приняли решения разместить свои подразделения в Иваново. Активизировался туристический поток в регион. Скоростной поезд потребовал реконструкции перрона и вокзала г. Иваново – объекта культурного наследия регионального значения. Обновленный вокзал стал для города не просто частью транспортной инфраструктуры, но и местом культурного притяжения. Один из залов ожидания предназначен для использования как социокультурное пространство, интересное для ивановцев и гостей города.

Решение вопросов демографического плана, занятости, хозяйственного освоения территории, высокой дифференциации внутрирегионального пространства требует тесного взаимодействия рыночных и государственных механизмов регулирования. Речь о поддержке малого и среднего бизнеса в муниципалитетах, организации ярмарок и торговых мест для реализации сельхозпродукции за пределами поселений, надежного транспортного сообщения для возможности проживания в малом городе или поселке, а работы в крупном райцентре или областной столице. Для выбора наиболее оптимальных вариантов связи между центром и периферией региона необходимо познание и использование экономических законов и формирование адекватной их требованиям институциональной среды.

Усложнение структуры производства, многоуровневость социально-экономической системы, множество нерешенных проблем в экономике страны приводят к необходимости возрождения и развития планомерности на базе программно-целевого управления. Участие в государственных программах помогает регионам страны реализовывать крупномасштабные проекты, работы, для финансирования которых у регионов не хватает собственных средств. В 2018 г. Ивановская область вошла в федеральную программу по развитию малых городов и исторических поселений. И уже третий год подряд города региона побеждают на Всероссийском конкурсе проектов благоустройства малых городов и исторических поселений. В 2019 г. в регионе в рамках 12 национальных и 67 федеральных проектов реализовывалось 49 региональных проектов (почти 5,1 млрд руб. из федерального бюджета, свыше 820 млн руб. – из областного бюджета). В рамках нац. проекта «Безопасные и качественные дороги» региону выделено из федерального бюджета более 1,6 млрд руб., еще 860 млн руб. – дополнительные трансферты из федерального бюджета. Это позволяет улучшать транспортную обустроенность региона, связанность территории, повышать качество жизни населения. В рамках федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» в 2019 году в Ивановской области на благоустройство территорий населенных пунктов региона направили более 500млнруб. Участие в госпрограммах и проектах позволило региону увеличить свой потенциал как в экологическом, экономическом, так и в социальном и институциональном плане.

В качестве элементов планомерности региональной системы можно рассматривать формирование и развитие макрорегионов и кластеров (межрегиональный и межотраслевой уровни), требующее согласования интересов всех участвующих сторон. Кластерные концепции активно разрабатываются и исследуются учеными разных регионов [см. 26, 27, 28]. В рамках кластера действует система внутренних заказов, которая обеспечивает стабильное функционирование предприятий, входящих в территориально-производственный комплекс. Таким образом, кластеризация привносит элементы планомерности. В качестве примеров кластерообразования возьмем недавнее событие в ивановском регионе. В марте 2020 г. было объявлено о намерении создания холдингом «Технодинамика» парашютного кластера в Ивановской области, предполагающего полный цикл производства парашютов различного назначения, который будет сконцентрирован в регионе. Помимо ивановского парашютного завода «Полет» в объединение войдет «Ивановская текстильно-галантерейная фабрика», выпускающая ленты – комплектующие для парашютов, а также московский НИИ текстильных материалов, переведенный в Ивановскую область.

Взаимодействие саморазвития и внешнего управляющего воздействия актуально и для сферы образования, в которой происходит подготовка и воспитание кадров для нужд региона. Региональная экономика дает запрос на те или иные профессии и специальности. Система образовательных учреждений разного уровня с определенным временным лагом на эти вызовы отвечает. Но, во-первых, выпускники колледжей, вузов нацелены на работу в разных регионах, а, во-вторых, региональные учреждения среднего профессионального и высшего образования не могут готовить необходимые кадры по всем направлениям. Поэтому требуется внешнее воздействие со стороны государственных структур, принятие новых управленческих решений, совершенствование институционального подкрепления этих решений. Речь идет о выделении большего числа бюджетных мест региональным вузам, расширение системы целевой подготовки (особенно это важно для медицинских и педагогических специальностей и направлений), программ материальной поддержки выпускников, остающихся работать в своем регионе и другие меры. Ведь без отвечающих современным задачам кадров (в том числе и управленцев) невозможно обеспечить нормальное развитие экономики. Поэтому сфера образования становится важнейшей составляющей хозяйственного механизма.

В заключение еще раз отметим, что современная экономика является многоуровневой и многослойной системой, хозяйственный механизм которой предполагает наличие развитой системы предприятий материальной и нематериальной сферы. Каждый уровень экономики

представлен хозяйствующими субъектами, ведущими экономическую деятельность, с присущими им потребностями и экономическими интересами. Поэтому можно сказать, что сама экономическая система берет на себя функции хозяйственного механизма в плане саморазвития, самодвижения. Первичным звеном системы, ее первым слоем выступают основные экономические субъекты, являющиеся носителями экономических интересов и самостоятельными в своих решениях – домохозяйства, предприятия производственной сферы и сферы услуг, государственные организации и учреждения, а также внешние (иностранцы) партнеры. Второй слой представлен общественными материальными и нематериальными потребностями, требующими удовлетворения с помощью осуществления хозяйствующими субъектами экономической деятельности, направленной на конкретный результат. Третий слой – это экономическая деятельность как таковая по производству товаров, оказанию услуг, выполнению работ в ее разнообразии, которая сама по себе выступает как некая упорядоченность (ресурсы – производственный процесс – результат – распределение – реализация – доход – потребление). Здесь реализуются такие черты субъектов хозяйствования как самостоятельность, ответственность, эффективность, самоконтроль, инновационность и др., и обеспечивается саморазвитие, самодвижение.

Хозяйственный механизм может рассматриваться с разных точек зрения. В данной статье затронут только один аспект внутренних и внешних импульсов и координации развития. В этом смысле задача государственного управления системой заключается в согласовании интересов отдельных индивидов, предприятий с общественными интересами (для этого могут использоваться налоговые регуляторы, страхование, субсидирование и др.). А действия власти должны учитывать мнение общества (через общественные слушания, социологические опросы, народное голосование и др.). Знание механизма хозяйствования региона как системы согласованных между действующими субъектами целей, потребностей и интересов позволит принимать хозяйственные решения на научной основе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабаев Б. Д., Бабаев Д. Б. Взаимосвязь политической экономии и институционализма – важное направление совершенствования экономико-теоретического знания / Б.Д. Бабаев, Д.Б. Бабаев // Журнал экономической теории. – 2013. – № 2. – С. 84–93.
2. Бабаев Б.Д., Бабаев Д.Б. Политическая экономия в соединении с институциональной экономикой: концептуальные основы и роль в экономической теории / Б.Д. Бабаев, Д.Б. Бабаев // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Экономические науки. –2019. – № 1(19). – С. 94–108.
3. Бабаев Б. Д., Николаева Е. Е. Концептуальные основы исследования региона как открытой экономической системы: синтез политэкономии и институционализма / Б.Д. Бабаев, Е.Е. Николаева // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика» = Perm University Herald. Economy. – 2018. – Том 13. – № 2. – С. 159–176. doi: 10.17072/1994-9960-2018-2-159-176.
4. Управление сбалансированным развитием территориальных систем: вопросы теории и практики /Ред. кол.: Академик А.И. Татаркин (руководитель), д.э.н., проф. А.Ю. Даванков, д.э.н., доц. Г.Н. Пряхин, д.э.н., проф. В.В. Седов, к.э.н., проф. А.Ю. Шумаков. Челябинск: ЧелГУ, 2016. 295 с.
5. Расширенная концепция хозяйственного механизма современной социально-экономической системы России: теоретико-методологический подход: науч. изд. / Б. Д. Бабаев, Е. Е. Николаева, Д. Б. Бабаев, А. Б. Берендеева, Н. В. Боровкова, И. В. Пузырев; под общ. ред. Б. Д. Бабаева и Е. Е. Николаевой. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. 308 с.
6. Пыткин А.Н. Инновационная социоэкономическая система региона в современных условиях /А.Н. Пыткин, В.А. Сухих, А.А. Урасова//Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, 2015.–157 с.

7. Артемова О. В. Неоднородность регионального пространства и ее влияние на качество жизни населения в субъектах Российской Федерации/ О.В. Артемова, А.Н. Савченко // Социум и власть. 2020. N 2 (82). С. 65–79. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-65-79.
8. Глушакова О. В. Социальное и экономическое пространство регионов: концептуальные подходы к измерению и методика оценки (на примере регионов Сибирского Федерального округа)/ О.В. Глушакова, Я.А. Вайсберг// Вестник Томского государственного университета. – 2013. – N2 (22). – С.159–173.
9. Демьяненко А.Н. Регион и экономическое пространство /А.Н. Дьяменко// Регионалистика. – 2018. –Т. 5. – N 3. – С. 5–12. DOI: 10.14530/reg.2018.3.5
10. Иванов С.А., Ложко В.В. О пространственном подходе в теории региональной экономики / С.А. Иванов, В.В. Ложко// Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». – 2015. – Т. 9. – N 1. – С.18–25.
11. Лапаева М.Г., Лапаев С.П. Регион как пространственная социально-экономическая система государства / М.Г. Лапаева, С.П. Лапаев // Вестник ОГУ N8(144) / август 2012. – С.133–143.
12. Минакир П.А. Пространство и регионы / П.А. Минакир // Регионалистика. 2014. Т. 1. N 1. С. 6–7.
13. Полякова А.Г., Симарова И.С. Управление региональным развитием Западной Сибири с учетом связанности экономического пространства/ А.Г. Полякова, И.С. Симарова // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2014. – N 3. – С.141–161.
14. Структуризация экономического пространства региона: сущность, факторы, проектирование: монография / под общей редакцией д-ра экон. наук, проф. Р.Ф. Гатауллина. Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2016. – 216 с.
15. Хозяйственный механизм общественных формаций / под общ. ред. Л.И. Абалкина. М.: Мысль, 1986. – 269 с.
16. Осипов Ю. М. Основы теории хозяйственного механизма. М.: Изд-во МГУ, 1994. 368 с.
17. Бунич П. Г. Хозяйственный механизм развитого социализма: сущность, структура, проблемы и перспективы. М.: Наука, 1980. 351с.
18. Аверина И.С. Эволюция и классификация феномена «хозяйственный механизм» /И.С. Аверина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. –2012. – N 2 (21). – С. 12–16.
19. Михалев Г.С. Хозяйственный механизм как научная категория /Г.С. Михалев// Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М.Ф. Решетнева. – 2005. – N 4. – С. 121–124.
20. Проклин А.Н. Хозяйственный механизм интегрированной формы экономической системы: вопросы теории / А.Н. Проклин// Известия ЮФУ. Технические науки. – 2008. – N 10 (87). – С. 63–67.
21. Яньшина М.Н. Трактовка понятия «хозяйственный механизм» в современной экономической теории / М.Н. Яньшина// Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2011. – N 9 (63). – С. 97–100.
22. Бархатов В.И. Природа и эволюция хозяйственного механизма в России/ В.И. Бархатов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2016. –N2(384). Сер.: Экономические науки. Вып.52. С.9–15.
23. Гордеев С. С. «Эффект колеи» в развитии социально-экономического пространства региона. Часть 2. Кризисная трансформация «эффекта колеи» и её последствия для Челябинской области / С.С. Гордеев, С.Г. Зырянов, А.В. Подопротора // Социум и власть. – 2020. –N1(81). – С. 30–43. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-30-43
24. Парахина В.Н. Муниципальный уровень регионального хозяйственного механизма / В.Н. Парахина // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. – 2005. – N

1. –С. 139–147.

25. Количество обезлюдевших сёл и деревень по регионам России. 25.августа 2018 г. URL: <https://zen.yandex.ru/media/cifra/kolichestvo-obeziudevshih-sel-i-dereven-po-regionam-rossii-5b80dd979e7a3400aa0e28a0> (дата обращения 12.03.2020).

26. Использование кластерного подхода в модернизации экономического пространства Российской Федерации / под ред. акад. РАН А. И. Татаркина. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2013. 535 с.

27. Кластерный подход к региональным точкам экономического роста: теоретико-методологические аспекты / Б. Д. Бабаев, Н. В. Боровкова, М.Г. Казаков, М. В. Медведева, А. И. Новиков; под общ. ред. Б. Д. Бабаева. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2009. 312 с.

28. Теория и практика формирования кластерной политики региона / И.В.Макарова, А.П. Петров, Л.М. Аверина. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2012. 169 с.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ САМОДОСТАТОЧНОСТИ РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Примышев Игорь Николаевич

кандидат экономических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Крымский Федеральный университет»,
кафедра экономической теории,
г. Симферополь, Российская Федерация.
E-mail: igor.primyshev@yandex.ru

Аннотация: В статье раскрыта суть термина «экономическая самодостаточность». Охарактеризована система принципов экономической самодостаточности. Предложены взаимодополняемые и взаимосвязанные принципы самодостаточности экономики отраслевых составляющих Республики Крым. Выделены критерии оценки степени глобального влияния страны на развитие процессов обеспечения самодостаточности. Сделан вывод о том, что, идея самодостаточности, прежде всего экономической, может и должна стать двигателем экономического развития Российской Федерации и ее регионов

Ключевые слова: экономическая самодостаточность, экономическое самоопределение, экономическое самосознание, самоорганизованность экономической системы, экономическая самозначимость.

JEL: O10, O41, F63

METHODOLOGICAL JUSTIFICATION OF THE MODEL OF SELF-SUFFICIENT DEVELOPMENT OF THE REGIONAL ECONOMY

Primyshev Igor Nikolaevich,
candidate of economic sciences, associate professor,
Associate Professor of the Department of Economic Theory of the Crimean Federal University
Simferopol, Russian Federation

Abstract: In the article, the author reveals the essence of the term «economic self-sufficiency». The system of principles of economic self-sufficiency is characterized. Complementary and interrelated principles of self-sufficiency of the economy of the sectoral components of the Republic of Crimea are proposed. Criteria for assessing the degree of global influence of the country on the development of self-sufficiency processes are highlighted. It is concluded that the idea of self-sufficiency, primarily economic, can and should become the engine of economic development of the Russian Federation and its regions.

Keywords: economic self-sufficiency, economic self-determination, economic self-awareness, self-organization of the economic system, economic self-significance.

Теория экономического развития охватывает широкий круг многоплановых концептуальных подходов, а его модели формируются и обосновываются в результате обобщений противоречивых процессов мирохозяйственной эволюции. Теоретические модели экономического развития должны формулироваться с абстрагированием от статистических и эмпирических материалов, характеризующих экономическую динамику отдельных стран, и раскрывать общие черты парадигмального характера, которые не подлежат конъюнктурным колебаниям и являются относительно стабильными в течение длительного времени для тех или иных групп стран или регионов мира [1].

На современном этапе экономического развития наряду с такими закономерностями, как

становление глобальной по своей природе экономики знаний, асимметричность развития, возрастание роли человеческого капитала, интеллектуализация экономических отношений, достаточно актуальной является тенденция обеспечения самодостаточности социально-экономического развития, действие которой определяется на всех уровнях экономической системы – от домохозяйств до глобальной макроэкономической системы.

Мировая практика красноречиво свидетельствует, что в настоящее время только самодостаточные страны уверенно определяют правила и характер процессов глобальной интеграции. Это те страны, которые смогли трансформировать механизмы собственного экономического развития и занять лидирующие позиции в мире, активно влияя и на трансформацию других стран.

Целью научной статьи является теоретическое обоснование формирования модели самодостаточного развития региональной экономики и Российской Федерации.

В качестве стратегической цели социально-экономического развития экономики АПК Республики Крым необходим переход к самодостаточному типу воспроизводства. Достижение самодостаточности в иерархии целей должно быть первичным, поскольку именно оно будет определять поступательный путь развития аграрной экономики региона до необходимых уровней конкурентоспособности.

Формирование экономической модели развития региона предусматривает определение цели экономического развития, установления требований к субъекту и визуализацию путей трансформации объекта. Цель экономического развития является наиболее развитой формой экономических интересов, определяет направление и способ действий субъекта управления.

Субъектом модели выступает управленец (система государственной власти), который задает параметры целенаправленного воздействия на количественно-качественные параметры экономической системы. Под объектом модели понимается формализованный и кодифицированный мысленный образ экономической системы, который определяется характером управленческих решений субъекта. Исходя из таких исходных положений, считаем возможным обосновать основные концептуальные положения модели самодостаточного развития экономики Крыма.

Понятие «экономическая самодостаточность» и «самодостаточная экономика» сегодня стали достаточно широко используемыми терминами, которые употребляются не только в экономических и политических кругах, но и в обществе в целом. Между тем, как определенные научные категории эти глобальные феномены остались без внимания ученых и исследователей [2].

При всей своей глобальности и монолитности понятие «экономическая самодостаточность» может рассматриваться в контексте таких категорий, как принцип, цель, концепция и результат экономического развития [3].

Как теоретическое обобщение, определяющее основную идею, содержание, определенные тенденции и закономерности развития экономической системы, «экономическая самодостаточность», представляет собой экономический принцип, суть которого раскрывается как система следующих принципов:

- экономическое самоопределение;
- экономическое самосознание;
- самоорганизованность экономической системы;
- самоконтроль;
- экономическая самозначимость.

Экономическое самоопределение – это активный процесс установления и анализа экономическими субъектами собственных возможностей, способностей, особенностей, целей с целью понимания своего места в глобальной экономической системе и выбора своего места в ней [4]. Суть данного процесса заключается в выявлении и утверждении собственной позиции по субординации национального и наднационального путем сопоставления присущих «национальному» и

«глобальному» атрибутивных качеств, на основе которых обеспечивается их рациональное сочетание и решается проблема национального самоопределения в глобальном экономическом пространстве.

Как осознанный процесс понимания и оценки глобальных изменений в обществе, самоопределение предполагает необходимость выработки собственного отношения к тому, что в нем происходит и, таким образом, становится неотъемлемой составляющей процессов, связанных с принятием жизненно важных решений. Кроме того, самоопределение включается в систему национальных ценностей, идентификация с которыми выводит активность экономических субъектов на принципиально другой уровень – уровень расширения границ собственных возможностей, уровень самосовершенствования, уровень управления собственным развитием.

Экономическое самосознание – совокупность взглядов и оценок, мнений и отношений, выражающих содержание, уровень и особенности представлений экономических субъектов относительно современного состояния и будущих перспектив своего экономического развития [5]. Экономическое самосознание включает объективные компоненты (собственно осознание своей роли и функции в экономическом развитии) и субъективные компоненты (формируются вследствие взаимодействия с другими экономическими субъектами), т.е. содержание ее составляют самопознание и самоотношения.

Самосознание экономических субъектов представляет собой ядро в национальном экономическом сознании и выступает стержнем системы оценочных отношений и рациональных представлений, необходимых для самоопределения их в экономической жизни общества. Функции самосознания заключаются в самопознании, то есть в информации о себе, в формировании ценностей и саморегуляции. Как процесс, посредством которого лицо признает себя в качестве субъекта экономической деятельности, самосознание тесно связано с самооценкой и анализом результатов экономической деятельности, способствует самосовершенствованию и попыткам саморазвития.

В свою очередь, самоорганизованность экономической системы – это целенаправленная деятельность и способность экономических субъектов, связанная с умением создавать, воссоздавать, упорядочивать и совершенствовать процессы организации экономической системы, что проявляется в активности, обоснованности мотивации, планировании деятельности, самостоятельности и скорости принятия решений, чувстве долга и ответственности за них [6]. Самоорганизованность в современной парадигме экономического управления выступает антитезой самоорганизации экономической системы, стихийному рынку и неурегулированным механизмам экономического развития.

Как система общественных отношений экономика предполагает урегулированность форм и способов организации этих отношений, органическую взаимосвязь и сочетание интересов субъекта с активными управленческими действиями по изменению экономической структуры и их функций. Для эффективного управления экономикой обществу нужны самоорганизованные личности, способные выполнять функции организации и адаптации по отношению к себе, обществу и окружающей среды.

Как элемент самоорганизации и самоуправления, самоконтроль осуществляется для оценки качества и эффективности деятельности в процессе решения поставленных экономических задач. Самоконтроль выполняет глобальную функцию самоменеджмента, который строится на рациональной основе и доводах разума, волевых качествах экономических субъектов, умении своевременно принимать необходимые решения.

Экономическая самозначимость – реальное оценивание себя и своей роли в развитии местной, отраслевой, региональной, национальной и глобальной экономики в конкретный момент времени [7]. Она является объективным закономерным процессом, в котором чувства самозначимости и общности являются диалектически взаимосвязанными: усиление чувства самозначимости без развитого чувства общности ведет к формированию патологического комплекса превосходства,

что вырастает, как правило, на основе комплекса неполноценности, и, в конце концов, приводит к изоляции.

Стремление к самозначимости должно строиться на объективных достижениях страны и является условием самосовершенствования продуктивной деятельности, ведь самозначимые страны знают, чего они хотят, и знают, как этого достичь.

Итак, по нашему мнению, «экономическую самодостаточность» можно признать как общую тенденцию (закономерность), предполагающую постановку четких целей, формулирование требований и задач, определение рациональных и оптимальных способов достижения экономической самодостаточности.

Актуальность вопроса об определении цели развития предстает перед каждой страной в моменты системных внутренних или внешних изменений. Постановка цели развития является важной управленческой задачей, решение которой требует не только достижения общественного консенсуса, а и глубокой научной проработки, и методологического обоснования.

Парадигма лидерства стран, при которой обязательно существуют страны-лидеры и страны-периферии, осталась в XX в. Сегодня, в эпоху изменения технологических укладов, вероятность выхода стран на более высокий уровень развития значительно повышается, и потенциально каждая из них может обеспечить высокий конкурентный статус и рост благосостояния населения [8]. На смену парадигмы лидерства приходит парадигма самодостаточности. Между тем достижения самодостаточности является сложным динамическим процессом, требующим активности и усилий по ее обеспечению и поддержанию.

Первое десятилетие XXI века показало, что глобальная экономическая система утратила достигнутое в XX в. равновесие, а глобальный экономический кризис поставил на повестку дня вопрос самодостаточности уже и самих ведущих экономик мира. Цель мирового лидерства для большинства стран-лидеров сегодня рассматривается в новом контексте – обеспечение самодостаточного развития.

Преобразование Республики Крым в самодостаточный, низко дотационный субъект Российской Федерации зависит от ее перехода к парадигме самодостаточного развития. Признание обеспечения самодостаточности, как цели развития, требует сущностных трансформаций субъекта управления и обновления парадигмы государственного управления. Сегодня, в эпоху глобальной интеграции, когда сложилась стабильная структура распределения мирового богатства, выйти на более высокий уровень развития стране и ее регионам крайне сложно. Способность решения данной задачи заключается не в модернизации существующей, а в установлении новой современной модели управления, в основу которой должны быть положены такие признаки, как наличие глобального мышления, инновационная ментальность, горизонтальная иерархия, личностное мастерство, преобладающее лидерство, выполнение задач и работа в команде, непрерывное обучение и самосовершенствование.

Сложность поставленных задач в Республике Крым обуславливается также отсутствием твердой воли и имеющейся конъюнктурности в четком определении цели дальнейшего развития структурных составляющих региональной экономики и обеспечении стабильности следования стратегии национального развития.

Отметим, что экономические факторы являются преобладающими и для властных структур, и для рядовых граждан, что наиболее наглядно проявляется в электоральных предпочтениях, которые формируются у разных групп населения. Несмотря на важную роль культурных, исторических, этнических, религиозных и других гуманитарных факторов, основным остается экономический – разный уровень доходов, порожденный деформированной и до сих пор не возрожденной и неэффективной структурой экономики [9].

Именно поэтому, по нашему мнению, идея самодостаточности, прежде всего экономической, может и должна стать двигателем экономического развития республики Крым, как субъекта РФ. Ведь заметные и реальные темпы экономического роста способны быстрее, чем любые другие факторы,

стать важным шагом к самодостаточности.

Укрупненно, в самом общем виде, механизм формирования и использования экономического потенциала региона включает в себя несколько ключевых элементов [12]:

1) совокупность принципов, на основе которых происходит формирование и реализация экономического потенциала региона;

2) совокупность инструментов, с помощью которых происходит формирование и реализация экономического потенциала региона, а также управление им;

3) совокупность методов и методик оценки экономического потенциала региона

В ходе проведенного исследования считаем возможным выделить ключевые взаимосвязанными и взаимообусловленными принципы самодостаточного развития отраслевых составляющих региональной экономики (таблица 1).

Таблица 1 – Систематизация принципов самодостаточности экономики отраслевых составляющих Республики Крым

Наименование принципа	Характеристика
Принцип системности	<ul style="list-style-type: none"> • разработка национально-региональной модели в контексте выполнения страной определенной роли и особой миссии в глобальной экономической системе; • усиление связи между элементами, качественно или существенно новой интегративной целостности, сущность которой раскрывается в соответствующей структуре, иерархичной целостности ради достижения цели; • комплексность мероприятий по реформированию социально-экономических отношений
Принцип динамичности развития в процессе реализации государственной политики	<ul style="list-style-type: none"> • ускорение глобального круговорота продуктивных сил требует от страны быстрой реакции на изменения, а, следовательно, и нецелесообразности промедления с реформированием системы социально-экономических отношений; • новые технологические достижения могут создавать новые возможности для специализации; • волатильность цен вызывает необходимость внедрения гибкости маркетинговых стратегий компаний и контроля себестоимости
Принцип приоритета общечеловеческих ценностей	<ul style="list-style-type: none"> • человекоцентризм при принятии управленческих решений национального уровня; • внедрение общественной как составляющей новой модели экономического развития; • обеспечение благосостояния населения как приоритет государственной политики; • потребности человека в глобальном мире как ориентир при формировании новой модели промышленной политики; • приоритет долгосрочного развития в противовес достижению краткосрочных целей

Наименование принципа	Характеристика
Принцип экономической свободы	<ul style="list-style-type: none"> • поддержка экономической инициативы как приоритета экономической политики; • безопасность и гарантия экономической свободы; • обеспечение и поддержание оптимального уровня мобильности людей, товаров, капитала, идей и т. п.; • упрощение бюрократических и административных процедур
Сбалансированность интересов и справедливость	<ul style="list-style-type: none"> • согласованность интересов государства и регионов между административно-территориальными единицами; • достижение консенсуса между различными социальными, профессиональными группами и тому подобное; • реализация широкого круга форм и методов поддержки населения и бизнеса; • уменьшение конфликтности общественного развития; • распространение государственно-частного партнерства; • создание условий для взаимодействия институтов хозяйственного общества, государства, бизнеса, институций образования и науки.
Интеллектуализация как принцип самостоятельного развития	<ul style="list-style-type: none"> • внедрение интеллектуальных систем мониторинга развития общества и подготовки информации для управленческих решений; • интеллектуализация предпринимательства, необходимость активного внедрения образования в течение жизни; • формирование институциональной основы интеллектуального взаимодействия в обществе и развитие инновационной культуры
Открытость как принцип самостоятельного развития	<ul style="list-style-type: none"> • сочетание эндогенных и экзогенных факторов развития; • инициирование проектов международного сотрудничества и подключение к существующим как приоритет развития в различных сферах общественной жизни; • содействие интернационализации отечественного бизнеса; • использование механизмов информационной открытости как фактора оптимизации и минимизации затрат экономических субъектов
Принцип постоянства	<ul style="list-style-type: none"> • закладка предпосылок повышения эффективности использования ресурсов, социальной ответственности и достижения гармоничного и сбалансированного развития
Принцип устойчивости	<ul style="list-style-type: none"> • ответственное потребление ресурсов и природопользование, развитие зеленых технологий, обеспечение для всех равных шансов для достижения высокого качества жизни

Оценка и самооценка как принципы самодостаточного развития предусматривают установление четких критериев эффективности. Учитывая рефлексивность данной категории, первоочередными критериями являются внешние критерии глобального уровня. Среди критериев оценки степени глобального влияния страны на развитие процессов обеспечения самодостаточности, следует определить следующие основные: глобально-институциональный, глобально-коммерческий, глобально-структурный.

Глобально-институциональный критерий демонстрирует усиление роли страны в международной среде и характеризует динамику ее позиционирования в мире. Рентабельность и

конкурентоспособность страны на мировых рынках будет определяться, прежде всего, ее активной рационально-созидающей деятельностью в глобализированном мировом пространстве в качестве равноправного международного субъекта и его вклада в создание глобальных общественных благ.

Поэтому насколько весомой будет сегодня и в будущем участие России в межгосударственном сотрудничестве и в международных организациях, таким и будет уровень поддержки отечественных инициатив в мире.

Глобально-коммерческий критерий позволяет с помощью совокупности показателей определять, насколько возрастает значение отечественных ресурсов, услуг и готовой продукции в глобальной экономике. Количество заключенных международных контрактов, особенно с мировыми лидерскими компаниями, присутствие в транснациональных сетях отечественной продукции (крайне желательно – не сырьевой, а высокотехнологичной и инновационной), интеграция в логистическую международную систему, а также рост объемов внешней торговли объективно покажут направление и скорость движения России и ее субъектов к ориентирам самодостаточной экономики.

Необходимо также отметить, что устойчивость развития страны имеет прямую пропорциональную зависимость от уровня интенсивности международного экономического сотрудничества. Она выступает определенной характеристикой поведения субъекта (страны и ее регионов) во внешней среде. Поэтому, разрабатывая стратегию развития, следует внимательно отнестись к избранию критериев устойчивого развития и понимания их сущности. Обеспечение устойчивости развития требует концентрирования усилий на тех сферах жизни общества, в которых страна может получить значительные международные конкурентные преимущества, и проведение реформ такого уровня, которые способны системно повлиять на активизацию динамики международного экономического сотрудничества [10, 11].

С целью формирования нового экономического механизма развития государства следует преодолеть такие системные слабые стороны: несоответствие отраслевой структуры отечественной экономики требованиям будущего – глобальной экономики знаний; низкую производительность труда; непродуктивную систему социальной защиты; подавление малого и среднего бизнеса; деградацию человеческого капитала; бутафорность государственной политики в сфере развития науки и инноваций; дисбаланс в аллокации ресурсов и неравенство доступа к ресурсам; деформированную конкурентную среду и отсутствие механизмов защиты конкуренции; чрезмерное государственное административное бремя и изменение правил ведения бизнеса.

Формирование реальной и действенной модели требует учета сущностных изменений, происходящих в национальной экономике. Вместе с тем называть те процессы, которые происходят сегодня в России и Крыму, трансформационными, крайне преждевременно, так как можно говорить лишь об определенных позитивных тенденциях, которые в будущем смогли бы обеспечить реальные трансформации.

Таким образом, при разработке как научных рекомендаций, так и стратегии трансформации национальной модели социально-экономического развития Крыма на этапе глобальной интеграции следует учитывать, что развитие новой экономики является общей закономерностью развития ведущих стран мира в эпоху глобальной интеграции, что обуславливает необходимость совершенствования принципов формирования стратегии развития и ее обновление на базе нового видения участия страны в глобальных инновационных процессах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нестеренко Е.С. Современные модели экономического роста и развития / Е.С. Нестеренко // Материалы круглого стола «Проблемы микроэкономического моделирования и развития производственных систем». ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского». – 2020. – С. 31-33.
2. Цикин А.М. Самодостаточность как основа повышения конкурентоспособности российской

экономики /А.М. Цикин// Электронный научный журнал «Теоретическая экономика». – 2018. – № 2. – С. 81-87.

3. Даулетова А.А., Саркитова З.П. Экономическая самодостаточность регионов Российской Федерации на примере республики Ингушетия / А.А. Даулетова, З. П. Саркитова // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 45-летию образования Института экономики и финансов «Проблемы и перспективы экономического развития регионов». – 2017. – С. 42-47.

4. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Феномены экономического самоопределения: социально-психологические механизмы действия / А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко // Психология в экономике и управлении. – 2012. – №2. – С.6-16.

5. Александров Д.С. Теоретико-методологические подходы исследования национального самосознания /Д.С. Александров // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskie-podhody-issledovaniya-natsionalnogo-samosoznaniya> (дата обращения: 02.07.2020).

6. Кусый М.Ю. Самоорганизация и рефлексивные процессы в социально-экономических системах / М.Ю. Кусый // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. – 2016. – № 3 (36). – С. 143-140.

7. Caffrey-Maffei L. Education, Self-Importance, and the Propensity for Political Participation // Perceptions. – 2019. – Т. 5. – №. 1. URL: <https://doi.org/10.15367/pj.v5i1.143> (дата обращения: 05.07.2020).

8. Ганченко Д.Н. Сетизация экономики как драйвер в обеспечении качества управления /Д.Н. Ганченко// В сборнике: «Национальные экономические системы в контексте формирования глобального экономического пространства». – 2019. – С. 430-435.

9. Нестеренко Е.С. Трансформация институциональной среды российской федерации в условиях цифровизации экономики / Е.С. Нестеренко// В сборнике: Дни науки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. – 2019. – С. 307-308.

10. Гордеев В.А. Теоретическая экономия: ещё один шаг разработки и развития / В.А. Гордеев // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика». – 2018. – № 5. – С. 4-7.

11. Зайкова И.А. Устойчивое экономическое развитие как фактор обеспечения экономической безопасности страны / И.А. Зайкова// Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2017. – № 3 – (348). – С.442-447.

12. Бережной А.Н. Концепт механизма управления экономическим потенциалом региона в условиях усиления территориальной самодостаточности / А.Н. Бережной, К.В. Чуканова// Социально-экономические явления и процессы. – 2015. – №6. – С. 7-12.

ПАНДЕМИЯ COVID-19 КАК ТРИГГЕР ПЕРЕХОДА К НОВОМУ МИРОВОМУ ПОРЯДКУ

Родина Галина Алексеевна

доктор экономических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет»,
кафедра «Экономика и управление»,
г. Ярославль, Российская Федерация.
E-mail: galinarodina@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу тех изменений, которым подвергается текущая либерально-рыночная мирохозяйственная модель. Называются причины её кризисного состояния. Подчёркивается роль эпидемии коронавируса в качестве ускорителя перехода к новой модели мировой экономики, основные характеристики которой только угадываются, но уже ясно, что она будет основана на сознательном управлении развитием социума. Автор выделяет ростки трансформационных процессов в производительных силах и системе производственных отношений, обращая внимание на те изменения, которые породила к-пандемия и меры борьбы с ней. В заключении сделаны выводы о становлении нового индустриального общества второго поколения через вынужденный возврат на мировой арене к регионализации, что позволяет сформулировать тезис об обновлении модели глобализации, которая эволюционирует от планетарной («первая глобализация») к блоковой («вторая глобализация»).

Ключевые слова: капитализм, постмодерн, мир-система, глобализация, экономические интересы, научно-технический прогресс.

JEL: O19, O33, P16, P36

COVID-19 PANDEMIC AS A TRIGGER FOR THE TRANSITION TO A NEW WORLD ORDER

Rodina Galina Alekseevna,
Dr. Sc. (Econs), Professor of the Department of Economics and Management, Institute of Economics and Management,
Yaroslavl State Technical University
Yaroslavl, Russian Federation

Abstract: The article is devoted to the analysis of changes taking place in the current liberal-market world economic model. In essence, it is capitalist, since it is oriented towards the accumulation of capital. At the global level, the system manifests itself in a globalization model. This model is based on the casting of national and world principles: the place of the state is taken by supra- and multinational entities. The author reveals the reasons for the crisis state of the modern globalization model. Its goal was the liberalization of world economic relations. According to the theory of comparative advantage in international exchange, all countries participating in globalization should have won. However, the world order, based on a liberal model of social life, over time turned into an increase in social inequality. The second reason for the crisis is the inability of the modern model of globalization to respond to the challenges of the next technological revolution due to its speculative and financial degeneration. The coronavirus epidemic has played a role in accelerating the transition to a new model of the global economy. The main characteristics of this model are only guessing. It will be based on the conscious management of the development of society. The author highlights the beginning of transformation processes in productive forces and the system of production relations.

The author comes to the conclusion about the formation of a new industrial society of the second generation. It will be realized through a forced return to regionalization in the world arena. This allows us to formulate the thesis about the renewal of the globalization model: it is evolving from a planetary model («first globalization») to a block model («second globalization»).

Keywords: productive forces; production relations; technological order; world economic order; C-pandemic; new industrial society of the second generation; neonomics.

Постановка проблемы в общем виде

Когда мир только ещё начал погружаться в к-пандемию, сверхактуальными казались вопросы

такого рода:

- Скоро ли мир вернётся на свои привычные рельсы?
- Вернётся ли мир на свои привычные рельсы?
- Если бы не COVID-19, то картина мира оставалась бы без изменений?
- Или, наоборот, переход к новому мировому порядку уже созрел, а пандемия просто «запустила»/

ускорила/исказила этот процесс?

- В таком случае что можно сказать о постковидном мире?

• Чуть позже этот вопрос переформатировался следующим образом: никакого постковидного мира не будет, эта зараза останется с нами навсегда, следовательно, будущий навсегда ковидный мир должен как-то приспособиться к ней. Значит ли это, что вопрос развития заменяется вопросом выживания?

• Сколько людей выживут? А вдруг правы конспирологи/современные неомальтузианцы, и беда является рукотворной как средство ограничить население Земного шара раз в 7-8? Тогда идея «золотого миллиарда избранных» (а Россия со своим 49-м местом по индексу человеческого развития в группе стран с очень высоким индексом вроде бы имеет шанс войти в этот вожделенный миллиард, а то уже и вошла [1]) трансформируется в совершенно иной гипостасис: количество избранных – всего миллион, а 999 миллионов – это его обслуживающий персонал. Таким образом, вместо «золотого миллиарда избранных» - «золотой миллион избранных из миллиарда выживших».

• И т.д., и т.п. По мере того, как время шло, а коронобеда затягивала мировую экономику во всё более тяжёлый кризис, тональность вопросов приобретала всё более агрессивный и апокалиптический характер.

Пожалуй, на этом мы остановимся в своём кратком обзоре эволюции повестки дня, не добравшись ни до «Глубинного правительства», ни до его ультраглобалистской фракции, ловко организовавшей финансовый реванш глобализма, прикрывшись фейковой пандемией. Наша задача: проанализировать вектор изменения мировой экономики, по отношению к чему пандемия COVID-19 выступает не как причина, а как катализатор, ускоряющий процесс, но не расходуемый в ходе реакции.

От какой модели мировой экономики отказывается мир?

Большинство исследователей называют эту модель капиталистической, добавляя некоторые уточняющие параметры. Так, у А.В. Бузгалина это «поздний капитализм» [2]. Э. Валлерстайн, ушедший от нас год назад, считал, что современную мировую систему можно трактовать как капиталистическую, находящуюся на последней стадии структурного кризиса, т.е. на стадии прекращения своего существования по причине запуска механизма самоликвидирующейся геополитической квазимонополии [3]. Жить этой стадии, по мнению автора, осталось максимум – до середины текущего столетия.

Капиталистическая по сущности, ориентирующаяся на накопление капитала, система на мировом уровне проявляется в глобализационной модели, в основе которой лежит рокировка национального и мирового: место государства занимают над- и многонациональные образования.

Костяк этого мирового экономического порядка был заложен Бреттон-Вудской и Ямайской конференциями, МВФ, Всемирным банком, ГАТТ-ВТО и другими международными организациями, сформированными после Второй мировой войны и призванными либерализовать мировые экономические отношения, что должно, согласно теории сравнительного преимущества в международном обмене Д. Рикардо, обеспечить максимальную выгоду для всех участников. Однако призывы к снятию протекционистских барьеров всегда служат интересам лидирующих экономик, поэтому мировой порядок, основанный на либеральной модели жизни общества, со временем обернулся не сокращением, а увеличением социального неравенства.

Представим, что существуют две страны – X и Y, расположенные примерно в одинаковом климатическом поясе, имеющие приблизительно одинаковое по численности население, но разный уровень экономического развития. В терминах экономической науки, кривая производственных возможностей страны X располагается выше кривой производственных возможностей страны Y. При этом, исходя из демонстрационного эффекта и либеральной модели мироустройства, минимальный достойный уровень жизни у этих стран один и тот же. Но страна X может обеспечить его своим гражданам (в виде определённого набора предметов потребления ПП1) и, помимо этого, имеет резерв ресурсов и технологий для развития средств производства; поэтому в перспективе её КПВ смещается вправо, что расширяет её возможности и в отношении обеспечения уровня жизни своих граждан («товаров для настоящего»), и в отношении создания более совершенных средств производства («товаров для будущего»); и т.д. А стране Y изначально не хватает собственного потенциала для обеспечения ПП1 своим гражданам, поэтому она должна докупать их на мировом рынке, принося в жертву будущее развитие; поэтому в перспективе её КПВ смещается влево со всеми вытекающими последствиями. Богатые страны богатеют, бедные беднеют (рис. 1).

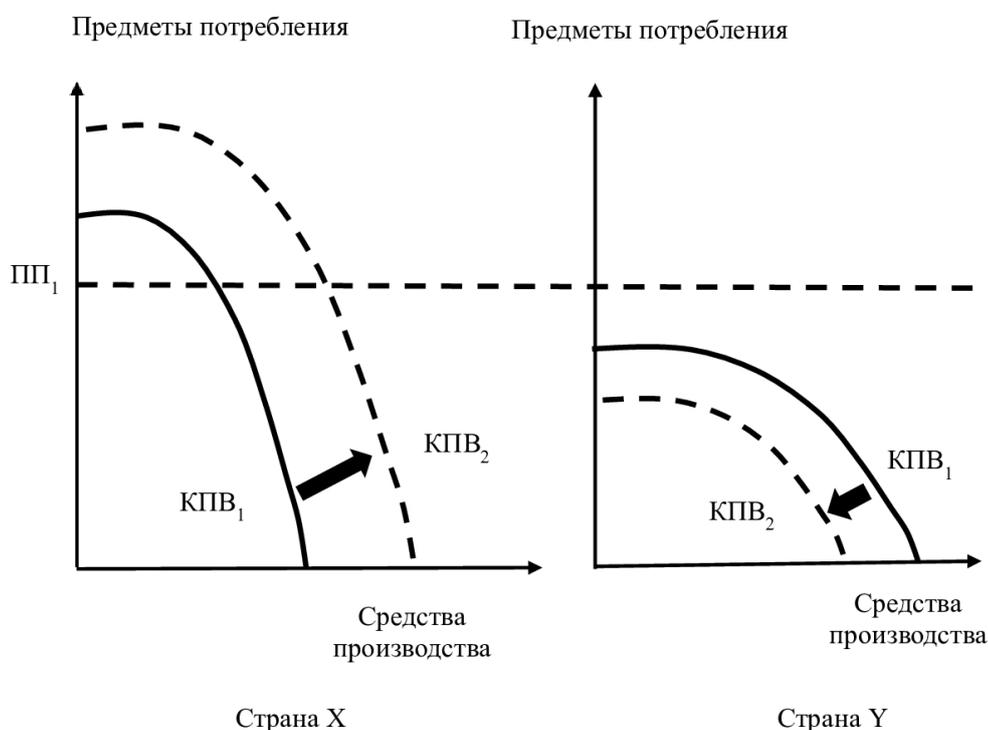

Рисунок 1 – Иллюстрация последствий функционирования либерального мирового порядка (составлено автором)

Достаточно ли нарастания социального неравенства для погружения современной экономической модели в такое глубокое кризисное состояние, что выход из него видится лишь в качественной трансформации этой модели? Нет. Необходимы соответствующие подвижки в производительных силах в виде назревшего перехода – через очередную технологическую революцию – к новому технологическому циклу, который просто ждал триггера, способного запустить данную трансформацию. Роль этого спускового крючка сыграла к-пандемия.

Социуму предстоит освоить в качестве основных движущих сил прогресса нанотехнологии, генную инженерию, водородную энергетику, квантовый компьютер, искусственный интеллект, киборгизацию, принципиально новые материалы (например, самозалечивающиеся), создание

организмов с полностью искусственным геномом, выращивание новых органов из клеток пациента, регенеративную медицину и многое другое, что составляет ядро шестого технологического уклада.

Технологическое овладение данными направлениями составляет основу новой модели. Между тем старая модель отрастила «хвост» в виде спекулятивно-финансового перерождения и превратилась в дракона, охраняющего несовместимую с современными вызовами либерально-рыночную реальность.

К какой модели мировой экономики переходит мир?

Об этом можно говорить лишь в самых общих чертах, т.к. новая система ещё не родилась, а только-только начинает формироваться.

Жизнь моего поколения похожа на сказку, но не в том смысле, которым вдохновлялись наши отцы и деды: ведь они были «рождены, чтоб сказку сделать былью», а в том, что сказочный герой постоянно сталкивается с выбором, какой дорогой двигаться дальше. Мы только из одной, можно сказать, внутренней, бифуркации выбрались (и далеко не самым лучшим образом), как впереди – новая развилка, теперь уже в мировом масштабе.

Эта развилка предполагает несколько вариаций.

Во-первых, поскольку того, «что будет», ещё нет, постольку есть место для иллюзии, будто можно отделаться бутафорскими преобразованиями, руководствуясь принципом «как бы всё изменить, чтобы ничего не менялось». Это означает:

- сохранение существующего неравенства под прикрытием лозунгов борьбы за справедливость (которая приобрела к середине 2020 года специфическую окраску борьбы за расовое равноправие);
- сохранение эксплуататорского отношения «сильных» стран к «слабым» под прикрытием разных разговоров, например, о «зелёном» капитализме;
- уничтожение среднего класса под прикрытием рассказов о власти меритократии;
- наконец, сохранение финансиализации как основного канала накопления капитала, оставляющей после себя выжженную пустыню и «конченные территории».

Тактически какое-то время ещё можно продолжать двигаться этим путём по инерции, стратегически – вряд ли.

Во-вторых, можно признать, что старая система уступает место новой. Старая – это капитализм, в формационной системе координат, или индустриализм со всеми своими вариациями, в цивилизационной матрице. Тогда новая система должна быть либо коммунизмом (в трактовке А.В. Бугалина, - социализмом XXI века), либо постиндустриализмом. Но что здесь нового? Между тем новое почти тактильно ощущается, можно сказать, разлито в воздухе. Тем более, что чем глубже и дольше будет длиться депрессия, тем больше шансов для перехода к принципиально новой модели. Можно, в ожидании проявления сущностных характеристик нарождающейся системы просто использовать слово «новый»: «неосистема», «нью социум», «новый мировой порядок», отмежевавшись от первой точки зрения. Можно ухватиться за реальную, скорее всего, поверхностную черту и провозгласить наступление цифровой эры, увидев в ней новое основание, в отличие от несколько поднадоевшей информационной эпохи, - Big Data и искусственный интеллект (в трактовке оппонентов – цифровой Левиафан).

Давайте обозначим зарождающиеся трансформации в системе производственных отношений.

С учётом развития smart-роботизации производство выталкивается на периферию экономических отношений, а отношения распределения, обмена и потребления становятся основными в новой системе экономических отношений [4]. Примат распределительных отношений позволяет назвать новую систему распределительно-цифровой [5].

Частная собственность на глобальном уровне, с учётом её деперсонализации и социализации, перерастает в коллективную, предполагающую совместное использование своего объекта.

Границы между рабочим и свободным временем, между необходимым и творческим трудом становятся всё более подвижными и прозрачными.

Целеполагание на макроуровне смещает акцент с политики роста на политику устойчивости, с изменений – на воспроизводство ожидаемых условий жизни.

Пандемия коронавируса высветила грядущие изменения, которые войдут в новую экономическую модель и по её окончании:

- ограничения на культуру массового потребления;
- переход на новую модель потребления, более умеренного: от т.н. рационального потребителя, максимизирующего общее удовольствие, - к достаточному, довольствующемуся приемлемым потребительским набором;
- распространение дистанционного обучения и, с одной стороны, изменение образовательной среды, а с другой стороны, - углубление на этой основе противоречия между образованным населением и теми, кто не имеет доступа к высокоскоростному Интернету;
- вытеснение розничной торговли онлайн-торговлей и в целом традиционного бизнеса – онлайн-бизнесом;
- сокращение общественного питания в пользу приготовления пищи на дому и доставки еды на дом;
- сокращение страховой медицины в пользу государственной, которой предстоит восстановить мобилизационные мощности и отказаться от «оптимизации»;
- реформирование рынка труда: сокращение офисных работников, преподавателей, юристов, рестораторов; увеличение IT-специалистов, работников на удалёнке (на дому и в коворкинг-центрах) и служб доставки, а также, с учётом существенно возросшей скорости технического прогресса, снижение возможности своевременной переадаптации сферы занятости;
- реформирование трудовых отношений: ориентация на результат, ослабление роли профсоюзов;
- реформирование социальных отношений: в связи с грядущим массовым сокращением работников, занятых рутинным трудом, - распределение «не работы» на каждого члена общества через безусловный базовый доход для населения и законодательное ограничение рабочего времени для занятых (а ведь ещё в 1931 г. Дж.М. Кейнс, предвидя последствия развития трудосберегающих технологий через 100 лет, предлагал трёхчасовой рабочий день при 15-часовой рабочей неделе).

Перечисленные тенденции позволяют ставить вопрос либо о социальном государстве, способном бороться с такими угрозами, как к-пандемия, сообщая, – новом индустриальном обществе второго поколения (НИО.2), развивающемся в перспективе до нооэпохи, либо о реализации антиутопических сценариев (от «мягких» вариантов в духе Р. Брэдбери до «жесткого» тоталитаризма Дж. Оруэлла).

Допуская некоторую возможность развития второго сценария, считаем более вероятным (и желанным) формирование НИО.2, сущность которого, по мнению С.Д. Бодрунова, состоит «в обретении нового качества самим материальным производством, становящимся знаниеинтенсивным производством знаниеемких продуктов, в которых технологические знания получают преобладающее значение как с точки зрения обеспечения принципиально иного качества продукта, удовлетворяющего возрастающие потребности человека, так и с точки зрения доли затрат в производстве такого продукта» [6]. Производство постепенно эволюционирует в сторону техносферы (ноопродукта), что выводит человека за пределы материального производства. Бесконтрольное развитие техносферы опасно, разумная человеческая деятельность в интересах большинства людей – вот содержание грядущих перемен. Неoliberalная модель мироустройства обозначила свой предел, т.к. эту целенаправленность обеспечить не может [7]. Общественное регулирование ограничивает и вытесняет свободную рыночную конкуренцию, покоящуюся на обособленности

товаропроизводителей. Уже сегодня можно наблюдать, как суживаются границы капиталистической конкуренции, за пределами которых общество реализует свой нормативный интерес ко всё большему количеству благ, законодательно регулируя продолжительность рабочего дня, соблюдение экологических параметров, цены на предметы первой необходимости и др. В скандинавских странах треть благ производится на некоммерческой основе при обеспечении равного доступа всех граждан к этим благам. Постепенно вызревает новая система общественных отношений.

С.Ю. Глазьев оценивает переход к новому мировому порядку как формационный – «от экономики товарного производства к экономике знаний, составляющей основу ноономики... И в этом царстве свободы от тяжкого труда производственные отношения будут замещены социальными» [8]. Поэтому технологическая революция, качественно изменив производительные силы, потянет за собой социально-политическую революцию в виде перехода от имперского к интегральному мирохозяйственному укладу, обеспечивающему сознательное управление социально-экономическим развитием. Это переход от американского цикла накопления капитала к азиатскому, основанному на механизмах личной ответственности граждан за повышение благополучия общества, ядром которого будут Китай и Индия. Данная гипотеза С.Ю. Глазьева зарегистрирована ещё в 2016 г. Международной академией авторов научных открытий и изобретений. Однако автор гипотезы не одинок в своих выводах: «Пандемия коронавируса обозначила переход эпицентра мировой цивилизации с Запада на Восток. И это шанс для системного перестроения России» [9]. Финансовую пирамиду американских долговых обязательств ожидает крах, и роль главного конкурента финансового капитала вернётся к промышленному капиталу. Результаты президентских выборов-2020 в США свидетельствуют о том, что время этого возврата ещё не наступило.

Переходный период от того, «что есть», к тому, «что будет»

Этот переход сопровождается началом глобальной депрессии, уже окрещённой «Великой рецессией» - по аналогии с «Великой депрессией» 1929-1933 гг. Наибольшие потери пришлось на второй квартал 2020 года (разброс потерь ВВП по странам составил от 10 до 33%), однако и прогнозы по всему 2020 году неутешительные. Ожидаемый спад мировой экономики, по оценкам МВФ, -4,4% при восстановительном росте в 2021 г. – 5,2% (по другим оценкам, 4,8%). При этом Еврозона «просядет» более, чем на 8%, Великобритания потеряет около 10%, Россия – 4% (при восстановительном росте в 2021 г. на уровне 3%, т.е. мы в течение следующего года ещё не преодолеем рецессионные последствия). В плюсе заканчивает 2020 год один Китай (1,9%). Подобная глубина падения ВВП позволяет говорить о том, что такие количественные показатели выходят за границы квантитативности и свидетельствуют о качественных изменениях в мировой системе. Они будут сопровождаться хаотизацией экономик больших стран, погружением в нищету значительных регионов (например, Латинской Америки), что опять же обернётся хаосом, потерей управляемости (в том числе, в Европейском Союзе), деиндустриализацией и дезинтеграцией.

Глобальные рынки распадутся на макрорегионы, ориентирующиеся на производство базовых, необходимых для жизни вещей внутри своих границ. Например, единый сегодня континентальный европейский рынок будет представлен, как минимум, четырьмя: скандинавским, центрально-европейским, восточно-европейским и балканским [10]. Плюс запрос социума на общественное образование, здравоохранение и культуру, т.к. пандемия высветила понимание того, что эти сферы не просто важны сегодня, но приоритетны, т.к. обеспечивают национальную безопасность. Актуальным становится не только усиление государственно-хозяйственной суверенности России, но и «мобилизационная опора на собственные силы вплоть до гибридной автаркии при движении страны от пореформенной и изрядно глобализированной к постреформенной – независимой, самодостаточной и вполне в самой себе уверенной!» [11].

Что это: своеобразная реинкарнация феодальной раздробленности (что-то часто стал мелькать

термин «феодализм» в аналитических обзорах близкого будущего мировой экономической системы)? Сужение сферы свободной конкуренции с её сравнительными выгодами международного обмена? Хотя о какой свободной конкуренции можно говорить в XXI веке, когда её не было уже в XX столетии? Да и вопрос о том, была ли она вообще когда-либо на практике, всё ещё не нашёл однозначного ответа. Однако к началу к-пандемии около 90% товарооборота в рамках стран Большой двадцатки попадает в те или иные формы, прежде всего, нетарифных ограничений (Brexit, санкции, разрыв интеграционных проектов и переориентация на интересы внутренних рынков), что оборачивается нарушением экономических связей и натурализацией хозяйственной жизни. Если 10 лет назад темпы роста мировой торговли втрое опережали рост мирового ВВП, то в настоящее время они в 1,5 раза отстают от него.

Что наверняка потеряется при вытеснении глобального производства локальным, так это доступ национальных экономик к ёмкости глобального рынка, что потянет за собой неизбежный рост издержек и не только сокращение, но и закрытие производств, выходящих на минимальные издержки лишь при возможности производства в таких объёмах, которые могут найти сбыт только на глобальных рынках.

С другой стороны, приобретается большая автономия и независимость от колебаний мировой конъюнктуры, что повышает значение национальных валют, открывает дорогу протекционизму и поиску новых, политически более надёжных цепочек поставок в составе новых макрорегиональных объединений.

В противостоянии «прибыль vs надёжность» побеждает надёжность. Фактором становления новой парадигмы управления социально-экономическим развитием становится экономическая безопасность.

Пандемия COVID-19 и карантинные меры в связи с ней, заморозившие авиаперелёты, мировой бизнес, зарубежные турпотоки, международные научные, культурные и спортивные мероприятия своими ограничениями, ускорили переход от планетарной к блоковой модели глобализации.

Но на вопросы типа «отгородятся ли жители Поднебесной от мира своим проектом «Пояс и Путь» или «насколько продвинется российская экономика в конструировании самодостаточного экономического пространства», ответы пока давать преждевременно.

Основные результаты исследования

Мы пришли к выводу, что спекулятивно-финансовая неолиберальная модель глобализации исчерпала себя. Значит ли это, что мир отказывается от глобализации? Вовсе нет. На протяжении многих лет, а то и десятилетий, та модель мировизации (наверное, сейчас мало, кто помнит, но тридцать лет назад термины «мировизация» и «глобализация» ещё боролись за право отразить трансформации мировой экономики конца XX века, однако последний термин вышел в этой битве победителем), которая получила практическое воплощение, отождествлялась с самой глобализацией (как название корпорации Xerox стало синонимом процесса копирования, несмотря на то, что подобную технику выпускают и Kyocera Document Solutions, и Sharp Corporation, и др.). В действительности это была, если так можно выразиться, «первая глобализация».

Впереди – новое индустриальное общество второго поколения, эволюционирующее в ноономику.

А пока, в процессе перехода к нему, – своеобразный «шаг назад», к макрорегионализации, протекционизму, многополярности и многовалютности в рамках «второй глобализации», глобализации в малом формате.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Human Development Report 2019: Beyond income, beyond averages, beyond today: Inequalities in human development in the 21st century. United Nations Development Programme. URL: <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2019.pdf> (время доступа 06.11.20).
2. Бузгалин А.В., Ленчук Е.Б. Глобальные проблемы и вызовы обуславливают возрастание экономической роли государства // Вопросы политической экономии. 2020. № 1. С. 112-119.
3. Валлерстайн Э. Структурный кризис, или Почему капиталисты могут считать капитализм невыгодным // Есть ли будущее у капитализма? Сб. статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна. / пер. с англ. под ред. Г. Дерлугьяна. М.: Изд-во Института Гайдара. 2015. URL: <https://discours.io/articles/chapters/immanuel-vallerstayn-strukturnyy-krizis-ili-pochemu-kapitalisty-mogut-schitat-kapitalizm-nevygodnym> (время доступа 06.11.20).
4. Рязанов В.Т. Новое индустриально-технотронное общество: грядущее под вопросом // Экономическое возрождение России. 2017. № 2. С. 47-54.
5. Делягин М.Г. Конец эпохи. Осторожно, двери открываются! Т. 1: Общая теория глобализации. М.: Книжный мир. 2019.
6. Бодрунов С.Д. Возвращение индустриализации – возвращение Гэлбрейта: от НИО.2 к ноосферной цивилизации // Экономическое возрождение России. 2017. № 2. С. 17-21.
7. Воейков М.И. Государство, материальное производство и экономика будущего (размышления над книгой С.Д. Бодрунова «Ноономика») // Вопросы политической экономии. 2019. № 3. С. 157-166.
8. Глазьев С.Ю. Ноономика как стержень формирования нового технологического и мирохозяйственного укладов // Экономическое возрождение России. 2020. № 2. С. 15-32.
9. Гузев М.М. Философско-хозяйственные уроки коронавируса COVID-19 // Философия хозяйства. 2020. № 4. С. 32-49.
10. Нижегородцев Р.М. Коронакризис: становление вирусно-цифровой экономики // Философия хозяйства. 2020. № 3. С. 125-152.
11. Осипов Ю.М. Под ударными переменами // Философия хозяйства. 2020. № 2. С. 259-267.

АКТУАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Карасёва Людмила Аршавировна

доктор экономических наук, профессор,
заведующая кафедрой экономической теории,
ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»,
г. Тверь, Российская Федерация.
E-mail: karasevatvgu@yandex.ru

Аннотация: Представлены тезисы доклада на конференцию. Автор анализирует четыре теоретико-методологические проблемы, связанные с переходом к цифровой экономике. Во-первых, проблема исследования социально-экономической природы экономики, в которой цифровизация рассматривается как движущая сила роста. Во-вторых, рассмотрение программы цифровизации с опорой на настоящее, поэтапность, эволюционность. В-третьих, взаимосвязь цифровизации с концепцией и программой развития экономики РФ в целом. В-четвертых, преодоление аспектности и переход к интегративному знанию

Ключевые слова: цифровизация экономики; проблема исследования социально-экономической природы цифровой экономики; эволюционность цифровизации; взаимосвязь цифровизации с общей программой развития экономики; от аспектности к интегративному знанию.

JEL: G00

ACTUAL ECONOMIC-THEORETICAL PROBLEMS OF DIGITAL ECONOMY RESEARCH

Karaseva Lyudmila Arshavirovna,
Doctor of Economics, Professor,
Head of the Department of Economic Theory, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Tver State University»
Tver, Russian Federation

Abstract: The abstracts of the report for the conference are presented. The author analyzes four theoretical and methodological problems associated with the transition to the digital economy. First, the problem of studying the socio-economic nature of the economy, in which digitalization is viewed as a driving force of growth. Secondly, consideration of the digitalization program based on the present, phased, evolutionary. Third, the relationship between digitalization and the concept and program for the development of the Russian economy as a whole. Fourth, the overcoming of aspect and the transition to integrative knowledge.

Keywords: digitalization of the economy; the problem of studying the socio-economic nature of the digital economy; evolutionary digitalization; the relationship of digitalization with the general program of economic development; from aspect to integrative knowledge

На обсуждение автором выносятся ряд экономико-теоретических проблем, связанных с исследованием постепенного перехода к цифровой экономике.

Проблема первая – теоретическая. Минкомсвязью России подготовлена программа «Цифровая экономика Российской Федерации». «Программой определены цели, задачи, направления и сроки реализации основных мер государственной политики по созданию необходимых условий для развития в России цифровой экономики» [1]. По мнению авторов Программы, цифровая экономика это экономика, «в которой данные в цифровом виде являются ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности, что является необходимым условием

повышения конкурентоспособности страны, качества жизни граждан, обеспечения экономического роста и национального суверенитета» [1]. Тем самым, становится очевидным, что речь идет о смене инструмента функционирования экономики, а потому «цифровая экономика» не может выражать ее социально-экономическую природу, а является лишь одной из ее характеристик, хотя и важных. В связи с этим остается теоретическая проблема исследования социально-экономической природы экономики, в которой цифровизация рассматривается как движущая сила роста. Но, как известно, современная экономическая теория пока существует вне цифровой культуры, которая влияет и будет влиять на социально-экономическую природу и нормы социально-экономических отношений. Это означает, что экономическая теория не включает свой потенциал экономико-теоретической методологии к осознанному изучению зарубежного опыта реализации стратегии развития цифровой экономики [2], формированию соответствующих организационно-экономических и институциональных норм реализации цифровизации в России.

Проблема вторая – методологическая. Она связана с существующей традицией Правительства проектирования из будущего без соответствующей опоры на настоящее. Мы убеждены, что без проектирования эволюционной (поэтапной) модели перехода к цифровой экономике не обойтись. Тем самым актуализируется применение системного подхода – метода структурных уровней, позволяющего комплексно подойти к разработке соответствующих переходных организационно-экономических и институциональных норм, разворачивающих постепенно экономику на новые инструменты функционирования через мотивационные механизмы хозяйствующих субъектов, участвующих в этом процессе.

Проблема третья – комплексная, методолого-теоретическая. Невозможно рассматривать программу цифровой экономики вне связи с концепцией и программой развития экономики России, ее хозяйственной системы. Иначе мы повторим ошибки, связанные с реализацией программ модернизации экономики, ее инновационного развития, импортозамещения [2]. Здесь принципиальное значение имеет тезис о том, что качественные изменения в развитии производительных сил, связанные с цифровизацией, означают и изменение функционального механизма хозяйственной системы: социально-экономических, организационно-экономических, институциональных форм и норм своего осуществления. В частности, необходимо изучение специфики реализации криптовалютных отношений для установления и регулирования норм и правил их механизма, для последующего их институционального закрепления.

Функциональный механизм в таком понимании представляет собой объективно нормативное обеспечение новой ступени в развитии производительных сил. Однако без деятельности субъектов хозяйственной системы, которые субъективно осознают свое место в общественном производстве, интересы, институциональные и организационные условия своей хозяйственной деятельности, механизм не «заработает». Поэтому функциональный механизм – это объект непосредственного общественно сознательного целенаправленного воздействия, которое позволяет постепенно нивелировать социально-экономические и хозяйственные формы и нормы, не способствующие реализации поставленной цели и задачам по становлению и реализации новых инструментов функционирования экономики, корректировать сохраняющиеся, формировать новые. Субъективно устанавливаемая совокупность хозяйственных форм и норм (институциональных, организационно-экономических, собственно хозяйственных) образует субъективный функциональный механизм хозяйственной системы. Недооценка устойчивого и изменчивого в функционировании экономики не позволит ответить на принципиальный вопрос методологического и теоретического характера: как объективное становится субъективным, а субъективное приобретает объективный характер в механизме функционирования хозяйственной системы.

Проблема четвертая – преодоления аспектности и перехода к интегративному познанию. Речь идет о том, что сегодня невозможно решать сложные комплексные проблемы, не опираясь на

исследования ученых из других областей знаний (философов, социологов, историков, психологов и др.). Применительно к обсуждаемой теме обратим внимание на необходимость более пристального внимания экономистов к учету ценностного пространства на предполагаемые изменения, связанные с цифровизацией, для формирования новых типов коммуникаций и решения, связанных с этими проблемами ценностей. Это важно в трех аспектах. Во-первых, потому, что, если ценности получают формальную институализацию, становясь нормами, представленными соответствующими официальными документами, то они превращаются в инструмент влияния государства на принятия решений хозяйствующими субъектами. Во-вторых, если ценности, официально не институализированы, но воспроизводятся снова и снова, они приобретают статус институтов, существенно влияющих на хозяйственное поведение, не совпадающее по замыслу с официальным. В-третьих, как показывает практика, сегодня предлагаемые правительством институциональные нормы, не развертывают субъектов экономики на содержание деятельности, не стимулируют их на прогрессивное развитие, а воспроизводят в качестве двигателя изменений – успех любой ценой. Для становления цифровой экономики формирование ценностного пространства субъектов, участвующих в этом процессе, представляется едва ли не самым важным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017г. №1632-р об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации». <http://government.ru/docs/28653/>
2. См. например, *Gospodarka i społeczeństwo cyfrowe*. http://europa.eu/european-union/topics/digital-economy-society_pl; *Zrozumieć politykę Unii Europejskiej – Europejska agenda cyfrowa*. Bruksela, Belgia. 2014. http://europa.eu/pol/index_pl.htm и др.
3. Карасёва Л.А. Экономико-теоретические основы модернизации экономики (к вопросу о действительной и мнимой модернизации) //Л.А. Карасёв //Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. №. 33. С. 11–17.; Карасева Л.А. Инновационные иллюзии и действительные проблемы «инновационного развития экономики» В сборнике: Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Перезагрузка //Сборник материалов Санкт-Петербургского Международного Экономического Конгресса (СПЭК-2017). Под общей редакцией С.Д. Бодрунова. – 2018. – С. 193-202 и др.

ОЦЕНКА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ДЕПРЕССИВНЫХ РЕГИОНОВ

Савельева Надежда Константиновна

кандидат экономических наук, доцент,
директор института экономики и менеджмента,
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»,
г. Киров, Российская Федерация.
E-mail: nk_saveleva@vyatsu.ru

Созинова Анастасия Андреевна

кандидат экономических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»,
кафедры менеджмента и маркетинга,
г. Киров, Российская Федерация.
E-mail: nk_saveleva@vyatsu.ru

Палкина Марина Викторовна

доктор экономических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»,
кафедры менеджмента и маркетинга,
г. Киров, Российская Федерация.
E-mail: palmavik@yandex.ru

Караулов Василий Михайлович

кандидат физико-математических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»,
кафедры финансов и экономической безопасности,
г. Киров, Российская Федерация.
E-mail: v.karaulov@mail.ru

Аннотация: Актуальность настоящего исследования продиктована необходимостью определения уровня развития инновационной деятельности в депрессивных регионах и уточнения на этой основе приоритетных направлений по ее активизации в них. Необходимо отметить, что на сегодня вопросы оценки развития и регулирования инновационной деятельности на региональном уровне в научной среде являются достаточно хорошо изученными. В то же время, проблематика развития инновационной деятельности в депрессивных регионах остается малоисследованной. Копирование опыта развитых регионов, как правило, не всегда является возможным и не дает желаемого результата в регионах такого типа. Все это подтверждает высокую актуальность и востребованность исследования. В настоящей работе предложена система показателей оценки масштаба и эффективности инновационной деятельности. Данные индикаторы позволили оценить уровень и динамику развития инновационной деятельности по каждому депрессивному региону как относительно предыдущих периодов, так и относительно других регионов за 2014-2017 гг., а также определить приоритетные направления развития инновационной деятельности в каждом из них.

Ключевые слова: слова: инновации, инновационная деятельность, государственное регулирование инновационной деятельности, Российская Федерация, депрессивные регионы.

JEL: R19

ASSESSMENT OF THE INNOVATIVE DEVELOPMENT OF DEPRESSED REGIONS

Savelyeva Nadezhda Konstantinovna, Candidate of economic sciences, associate professor
Director of the Institute of Economics and Management of FSBOU VO Vyatka State University
Kirov, Russian Federation

Anastasia Andreevna Sozinova, Candidate of economic sciences, associate professor
Associate Professor of Management and Marketing, FSBOU VO Vyatka State University
Kirov, Russian Federation

Palkina Marina Viktorovna, Doctor of economic sciences, associate professor
Professor of the Department of Management and Marketing, FSBOU VO Vyatka State University
Kirov, Russian Federation

Karaulov Vasily Mikhailovich, candidate of physical and mathematical sciences, associate professor
Associate Professor, Department of Finance and Economic Security, FSBOU VO Vyatka State University
Kirov, Russian Federation

Abstract: The relevance of this study is dictated by the need to determine the level of development of innovation in depressed regions and to clarify on this basis the priority areas for its activation in them. It should be noted that today the issues of assessment of development and regulation of innovation at the regional level in the scientific field are quite well studied. At the same time, the issue of the development of innovation in depressed regions remains unexplored. Copying the experience of developed regions is usually not always possible and does not give the desired result in regions of this type. All this confirms the high relevance and relevance of the study. The present work proposes a system of indicators for measuring the scale and effectiveness of innovation. These indicators made it possible to assess the level and dynamics of innovation development for each depressed region both relative to previous periods and relative to other regions for 2014-2017, as well as to determine priority directions for the development of innovation in each of them.

Keywords: innovations, innovative activity, state regulation of innovative activity, Russian Federation, depressive regions

Введение

В современных условиях хозяйствования, усиливающейся глобализации и международной конкуренции, существенно возросла роль и значение инноваций. Поэтому проблематика развития инновационной деятельности стала объектом пристального внимания органов власти на всех уровнях управления. Особую актуальность в решении данных проблем приобретает уровень регионов. Стоит отметить, что экономически благополучные регионы достаточно успешно справляются с решением таких вопросов, демонстрируя высокий уровень и положительную динамику результатов инновационной деятельности. Чего нельзя сказать о депрессивных регионах, общее состояние экономики которых характеризуется негативными темпами развития промышленного производства, высоким уровнем безработицы, низкими объемами валового регионального продукта и производства промышленной продукции на душу населения. Особенностью депрессивных регионов является то, что в прошлом эти регионы были развитыми, обладали высоким уровнем производственно-технического потенциала, значительной долей промышленного производства и высококвалифицированными кадрами [4, с. 101-129]. По разным причинам эти регионы утратили свое экономическое значение и потенциал, не могут в полной мере самостоятельно решать проблемы собственного развития и нуждаются в поддержке извне. К категории таких регионов в Российской Федерации в настоящее время отнесены следующие субъекты: Ивановская область; Орловская область; Смоленская область; Псковская область; Волгоградская область; Чувашская Республика; Кировская область; Ульяновская область; Курганская область; Алтайский край [25].

Целью настоящего исследования является оценка инновационного развития депрессивных регионов.

Научная новизна исследования заключается в установлении уровня эффективности и масштабов развития инновационной деятельности в регионах данного типа и уточнении приоритетных направлений развития инновационной деятельности в них.

Материалы и методы

Изучение научных трудов российских ученых [1, 2, 3, 9, 10, 11, 12, 13, 15, 18, 20, 21, 22, 24, 28, 29] по теме исследования показало, что вопросам инновационного развития депрессивных регионов уделяется недостаточно внимания. Ряд работ посвящен совершенствованию теоретико-методологических аспектов активизации инновационной деятельности в депрессивных регионах и ряд работ - разработке практических мер по развитию инновационной сферы в них. Свои разработки, как правило, авторы строят на базе результатов анализа состояния инновационной деятельности какого-то одного из депрессивных регионов.

Теоретико-методологические аспекты инновационного развития депрессивных территорий и регионов рассматриваются в научных работах Исянбаева М.Н. и Швеца И.Ю. Так, в работе Исянбаева М.Н., в рамках обоснования методических подходов и механизмов управления социально-экономическим развитием депрессивных территорий, представлены экономические, социальные и экологические механизмы управления их инновационным развитием [9]. Определяющее значение среди экономических механизмов, по мнению автора, имеет стимулирование. В частности, для целей активного продвижения технологических инноваций в промышленности таких территорий, предлагается создание льготной системы налогообложения. Такая льготная система налогообложения должна включать: снижение ставки по налогу на прибыль; освобождение от налога на имущество и от арендной платы за земельные участки; снижение ставки налога на землю. Автор считает, что стимулирование инновационного развития депрессивных территорий должно базироваться на использовании механизма государственно-частного партнерства; развитии инновационной инфраструктуры; субсидировании расходов по кредитам, привлекаемым для технического перевооружения и модернизации производства. Социальные механизмы инновационного развития депрессивных территорий должны активизировать человеческий капитал; совершенствовать сферу образования территорий; усиливать интеграцию образования и науки; повышать уровень квалификации занятых в промышленности. Экологические механизмы инновационного развития депрессивных территорий должны стимулировать внедрение ресурсосберегающих технологий и инновационных проектов.

Следует отметить, что разработки ученого строились на базе результатов анализа уровня социально-экономического развития муниципальных образований (городов и сельских районов) Республики Башкортостан, проводившегося по 13 показателям. Причем сама Республика Башкортостан к числу депрессивных регионов не относится [25]. Муниципальные образования, отстающие по социально-экономическому развитию (от уровня в среднем по региону) по 8 и более таким показателям, были отнесены Исянбаевым М.Н. к категории депрессивных территорий. Таким образом, результаты развития муниципальных образований ученый использует для обоснования экономических, социальных и экологических механизмов управления инновационным развитием любых депрессивных территорий, к которым могут быть отнесены и депрессивные регионы (субъекты Российской Федерации).

И.Ю. Швеца, в своей работе предлагает ряд принципов, которые должны быть положены в основу концепции развития таких регионов. Соблюдение этих принципов, по мнению автора, обеспечит объективность и реалистичность избранной для реализации в них инновационной стратегии [23, с. 124-126]. Подводя итог своего исследования, автор делает вывод о потенциальной готовности депрессивных регионов к инновационному развитию и, в связи с этим, необходимости выделения особенного места в стратегии развития таких регионов инновационно-активным хозяйствующим субъектам. Необходимо отметить, что самого анализа инновационного развития депрессивных регионов за какой-либо период в работе не приводится.

А. Г. Кайгородов и С. В. Шекшуева анализируют уровень инновационного развития депрессивных регионов на примере одного из таких – Ивановской области. Анализ региона проводится в сравнении с другими регионами федерального округа, в состав которого он входит,

развивающимися в аналогичных экономических условиях [10, с. 11-13]. Авторы исследуют уровень и динамику рейтинга данных регионов в рейтинге инновационного развития субъектов Российской Федерации за 6 лет и выявляют факторы негативного и благоприятного влияния. Рейтинг построен на основе российского регионального инновационного индекса (НИУ «ВШЭ»). В свою очередь российский региональный инновационный индекс (НИУ «ВШЭ») рассчитывается на базе четырех субиндексов, характеризующих социально-экономические условия инновационной деятельности, научно-технический потенциал, инновационную деятельность, качество инновационной политики. Субиндексы учитывают тридцать семь показателей, сгруппированные в четыре тематических блока. Российский региональный инновационный индекс представляет собой среднее арифметическое нормализованных значений всех включенных в него показателей. Ученые установили, что за 6 лет Ивановская область не улучшила свои позиции в рейтинге субъектов Российской Федерации по значению российского регионального инновационного индекса, хотя в других исследуемых регионах положение в сфере инновационной деятельности улучшалось. Наибольшее отрицательное влияние на величину и динамику российского регионального инновационного индекса в Ивановской области, по мнению ученых, оказало резкое снижение научно-технического потенциала региона. Снижение ранга по индексу научно-технического потенциала в Ивановской области за 6 лет составило 30 пунктов, что характеризует его состояние как близкое к разрушению и делает, по мнению авторов, маловероятным переход экономики региона на инновационное развитие в перспективе. При том, что регион обладает достаточно большим количеством кадров, занятых наукой, по числу передовых производственных технологий, разработанных в регионе в расчете на миллион человек экономически активного населения, наблюдается значительное отставание от других российских регионов. Наиболее вероятной причиной такого положения дел, по мнению ученых, является недостаток финансовых средств. Так как многие предприятия в таком регионе убыточны, существует острая нехватка собственных финансовых ресурсов даже для обеспечения текущей производственной деятельности. Подобное состояние дел в депрессивном регионе было установлено и в отношении возможностей регионального и муниципальных бюджетов. Нулевой удельный вес ассигнований на гражданскую науку из средств консолидированного бюджета региона, отсутствие средств из регионального и муниципальных бюджетов на технологические инновации, по мнению авторов, характеризует проявление ограниченных возможностей депрессивного региона.

В ходе анализа ученые установили проблемы развития инновационной деятельности в депрессивном регионе, которые носят организационный и управленческий характер. В частности: отсутствие зон приоритетного развития инновационной деятельности; отсутствие специализированной программы государственной поддержки развития инновационной деятельности; отсутствие специализированных региональных институтов поддержки субъектов инновационной деятельности или реализации инновационных проектов.

В заключении А. Г. Кайгородов и С. В. Шекшуева делают общий вывод о низком качестве региональной инновационной политики, недостаточности финансовых средств в региональном и местном бюджетах, недостаточности финансовых средств непосредственно у самих предприятий и, как следствие, высокой потребности вмешательства федерального центра в таких регионах.

В работе А. Н. Петрова также представлен сравнительный анализ динамики показателей инновационного развития экономики одного из депрессивных регионов – Ивановской области. Среди показателей, на основе которых автор проводил анализ, следующие: доля выпуска инновационной продукции в региональной структуре инновационной продукции Российской Федерации и федерального округа, в состав которого входит регион; удельный вес предприятий региона, осуществлявших технологические инновации; численность персонала, занятого исследованиями и разработками в регионе; доля региона в региональной структуре внутренних затрат на научные исследования и разработки Российской Федерации и федерального округа, в состав которого входит

регион; доля убыточных предприятий региона; величина убытков убыточных предприятий региона; сальдированный финансовый результат деятельности промышленности региона; оценка рейтингового агентства «Эксперт РА» инвестиционного климата региона; физический объем инвестиций в основной капитал; объем инвестиций в основной капитал на душу населения. За 7 лет, которые анализирует автор, доля региона в выпуске инновационной продукции федерального округа, в состав которого он входит, сократилась в 10 раз. Численность персонала, занятого исследованиями и разработками в этом регионе, снизилась. Темп снижения численности такого персонала в исследуемом депрессивном регионе оказался значительно выше, чем в среднем по Российской Федерации. Число организаций, занимающихся научно-исследовательскими разработками также снижалось более высокими темпами, чем в среднем по Российской Федерации. Более всего сократилось количество проектных организаций и конструкторских бюро. Доля региона в региональной структуре внутренних затрат на научные исследования и разработки по Российской Федерации сократилась в несколько раз. Промышленность региона работала на протяжении всего анализируемого периода с убытком. По объему инвестиций в основной капитал на душу населения регион отстает от среднероссийского показателя в несколько раз. Автор делает общий вывод, что основная проблема инновационного развития экономики любого депрессивного региона заключается в «отсутствии достаточного объема финансирования внедрения технологических инноваций как за счет собственных средств предприятий, так и за счет внешних инвесторов» [15, с. 85-86].

Другой автор, Балакина Г.Ф., на основе анализа показателей развития научной сферы, состояния инновационной системы и инновационной сферы в целом на примере одного из дотационных депрессивных регионов (Республика Тыва), рассмотрела особенности и предложила пути развития инноваций в таком регионе. Ученым анализировались такие показатели, как: численность докторов и кандидатов наук в регионе; динамика возрастного состава ученых региона; число публикаций в отечественных и зарубежных рецензируемых журналах, патентов на изобретения и авторских свидетельств; объем и источники финансирования научно – исследовательских работ; финансирование развития материально – технической базы научных и образовательных учреждений; уровень заработной платы в отрасли «Наука и научное обслуживание» по отношению к уровню заработной платы в среднем по региону [3, с. 37-39].

Анализ, проведенный автором, показал следующее. Хотя за анализируемый период число ученых в регионе существенно увеличилось и темп роста числа дипломированных ученых достаточно высокий, возрастной состав научных кадров региона остается неудовлетворительным. Доля исследователей в возрасте до 40 лет существенно меньше доли исследователей старше 60 лет, что не обеспечивает обновления научных кадров в данном регионе и в перспективе ведет не к укреплению и развитию, а сокращению и потере научного потенциала региона. Также ученый констатирует, что количество публикаций в отечественных и зарубежных рецензируемых журналах, патентов на изобретения и авторских свидетельств на протяжении всего анализируемого периода в данном регионе остается низким. Финансирование научно-исследовательских работ осуществляется в основном за счет средств федерального бюджета.

Факторами, сдерживающими инновационное развитие региона, по мнению Балакиной Г.Ф. являются: не соответствующий требованиям экономики региона качественный состав научных сотрудников и преподавателей, работающих в научных и образовательных организациях региона; недостаточное количество докторов и кандидатов в расчете на 1000 занятых в экономике в сравнении со среднероссийскими значениями; при выраженной аграрной специализацией экономики региона в составе высококвалифицированных работников преобладают специалисты гуманитарного профиля; недостаточный объем финансирования развития материально-технической базы научных и образовательных учреждений; ограниченность научных контактов сотрудников и преподавателей, работающих в научных и образовательных организациях региона; низкий уровень развития

коммуникационной среды; ограниченность доступа исследователей к международной сети Интернет; недостаточная мотивация молодых и перспективных кадров оставаться и приезжать в регион; низкий уровень оплаты труда в отрасли «Наука и научное обслуживание» в сравнении со средним уровнем оплаты труда по региону; отсутствие важных элементов региональной инновационной инфраструктуры; дефицит квалифицированных кадров для работы в области коммерциализации научных разработок и трансфера технологий; несогласованность научных исследований, проводимых научными организациями в регионе; низкий платежеспособный спрос предприятий региона на инновации; недостаток собственных источников финансирования для обновления технологий и оборудования; низкий уровень кредитоспособности предприятий региона; низкий уровень инвестиционной привлекательности предприятий региона

По мнению автора, развитие инноваций в дотационном депрессивном регионе предполагает: создание инновационно – промышленного кластера; совершенствование нормативной правовой базы инновационной деятельности; укрепление интеллектуального потенциала региона; развитие малого инновационного предпринимательства; совершенствование конкурсного отбора инновационных программ и проектов; увеличение расходов на развитие инноваций в регионе из регионального бюджета, в том числе для целей финансирования проектов, существенно пополняющих доходы регионального бюджета; создание в структуре органов государственной власти региона профильного ведомства, либо регионального инновационно – исследовательского центра и пр.

В зарубежных научных работах вопросам инновационного развития неблагополучных регионов, каковыми являются депрессивные регионы, уделяется не так много внимания. Было выявлено всего несколько исследований, посвященных данной проблематике [26, 27]. В частности, в работе Richard Harrisla, Qian Cher Li a and Mary Trainor, на примере одного из неблагополучных регионов Великобритании, изучается вопрос о том, окажет ли увеличение налоговых льгот на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в неблагополучных регионах значительное влияние как на объем научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, так и на уровень производительности [27, с. 202-205]. Авторы проанализировали влияние дополнительного расширенного налогового кредита на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы на стоимость расходов на эти виды работ и впоследствии на спрос на них. Было установлено, что в долгосрочной перспективе снижение стоимости расходов на 10% приведет к увеличению спроса на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы на 13%. В своем исследовании ученые пришли к следующему выводу: чтобы оказать существенное влияние на производительность (и, следовательно, объем производства) в неблагополучных регионах, необходимо значительное увеличение налогового кредита на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы.

Другие исследователи Coronado, D., Acosta, M., Fernandez, A. в своей работе [26, с. 10019-10021] на примере региона (Андалусия), находящегося в неблагоприятных условиях хозяйствования, продемонстрировали, что стоимость инноваций и уровень задолженности предприятий в них оказывают статистически значимое и негативное влияние на их отношение к инновациям, тогда как техническая квалификация сотрудников, склонность к экспорту и размер предприятия (измеряется числом сотрудников) оказывают существенное и положительное влияние на отношение предприятий к инновациям. Кроме того, ученые выявили, что технологические возможности и местоположение также оказывают положительное влияние на отношение предприятий к инновациям в таких регионах.

Обобщая вышеупомянутые исследования, можно сказать, что актуальность и потребность в инновационном развитии депрессивных регионов высока, но оценка степени такого развития данных регионов и обоснование приоритетных направлений развития инновационной деятельности на основе результатов такой оценки в них до сих пор остаются малоизученными. Ученые, как правило, анализируют состояние какого-то одного из таких регионов и обосновывают свои предложения для

всей совокупности регионов такого типа на результатах этого анализа. В то же время, для выработки направлений, учитывающих общие тенденции и особенности развития инновационной деятельности именно в таких регионах, и, как следствие, обеспечивающих ускоренное инновационное развитие их экономик, необходим анализ данных по большему числу депрессивных регионов. Также, по нашему мнению, выработка указанных направлений должна строиться на базе результатов анализа, объектами которого должны быть регионы, которые в Российской Федерации признаются частью территории, обладающей общностью различных условий (природных, социальных, национальных, экономических и др.) и совпадают с границами территории либо одного из субъектов Российской Федерации, либо объединяют территории нескольких субъектов Российской Федерации (Юридическая энциклопедия, 2001). Поэтому в настоящей статье для оценки инновационного развития депрессивных регионов был использован перечень из 10 регионов - субъектов Российской Федерации, которые российскими учеными отнесены к таковым [25].

Методология

Исследование проводилось на основе выбранных вручную из опубликованных в сборниках Росстата статистических данных об инновационной деятельности регионов России за 2014-2017 гг. [5, 6, 7, 8, 16].

Оценку инновационного развития депрессивных регионов предлагается проводить по показателям, характеризующим эффективность и масштаб инновационной деятельности в таких регионах. Показатели эффективности инновационной деятельности: доля инновационной продукции в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг; объем инновационной продукции в расчете на один рубль инновационных затрат или на душу населения. Показатели масштаба инновационной деятельности: совокупные затраты на технологические инновации в расчете на душу занятого населения; совокупный выпуск инновационных товаров и услуг в расчете на душу занятого населения.

Для обеспечения сопоставимости региональных показателей в территориальном и временном аспекте стоимостные показатели были пересчитаны в объемах фиксированных потребительских наборов товаров и услуг (ФПК) регионов. В частности, такой же подход для сопоставимости региональных показателей используется в расчете рейтинга инновационного развития субъектов Российской Федерации в [8].

По своей природе инновационной деятельности присущи значительные риски, что может отражаться на ее масштабах и эффективности. Поэтому для повышения надежности выводов исследования дополнительно были рассчитаны среднегодовые показатели в среднесрочной перспективе – за три года.

Предлагаемая ниже система показателей характеризует эффективность и масштаб инновационного развития депрессивных регионов.

В качестве граничных значений, отражающих высокий уровень инновационной деятельности в регионах, рассматриваются соответствующие показатели в целом по Российской Федерации и средний уровень по депрессивным регионам (табл. 1).

Для вычисления показателей в целом по депрессивным регионам использовалась следующая методика. Для учета региональных различий и инфляционных процессов стоимостные показатели выражались в количестве фиксированных потребительских корзин регионов. Далее определялась общая характеристика для депрессивных регионов путем суммирования региональных показателей. Относительные показатели эффективности и масштаба инновационной деятельности в целом депрессивных регионов вычислялись в форме отношений общих (совокупных) показателей депрессивных регионов. В частности, при расчете последнего (12-го) показателя по депрессивным

регионам за фиксированный год общая сумма совокупного выпуска инновационных товаров и услуг (в количестве ФПК) за этот год делилась на общее количество занятых в этот год в депрессивных регионах. Средние показатели за 2015-2017 гг. по РФ, по отдельным регионам и по депрессивным регионам в целом вычислялись как средние арифметические значения годовых показателей.

Таблица 1 - Показатели инновационного развития депрессивных регионов Российской Федерации (в среднем за 2015-2017 гг.) [Рассчитано авторами по 5, 6, 7, 8, 16, 19].

Показатели	Обозначение	По Российской Федерации	По депрессивным регионам
Эффективности инновационной деятельности			
Доля инновационных товаров, услуг: промышленное производство в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %	y_1/Y_1	7,67%	4,41%
Доля инновационных товаров, услуг: связь, деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и информационных технологий, предоставление прочих видов услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %	y_2/Y_2	13,20%	14,0%
Доля всех инновационных товаров, услуг (в п. 1 и 2) в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %	$(y_1+y_2)/(Y_1+Y_2)$	8,20%	5,20%
Объем инновационных товаров, услуг. на 1 руб. затрат на технологические инновации промышленного производства, руб.	y_1/z_1	4,41	2,93
Объем инновационных товаров, услуг на 1 руб. затрат на технологические инновации на вычислит. технику, информационные услуги, прочие услуги; руб.	y_2/z_2	1,29	1,29
Объем всех инновационных товаров, услуг (в п. 4 и 5) на 1 руб. всех затрат на технологические инновации; руб.	$(y_1+y_2)/(z_1+z_2)$	3,20	3,12
Масштаба инновационной деятельности			
Затраты на технологические инновации: промышленное производство в расчете на душу занятого населения, количество ФПК.	z_1/N	0,82	0,46
Затраты на технологические инновации: вычислит. техника, информационные услуги, прочие услуги, в расчете на душу занятого населения, количество ФПК.	z_2/N	0,52	0,07
Совокупные затраты (в п. 7 и 8) на технологические инновации в расчете на душу занятого населения, количество ФПК.	$(z_1+z_2)/N$	1,34	0,54

Показатели	Обозначение	По Российской Федерации	По депрессивным регионам
Выпуск инновационных товаров, услуг: промышленное производство в расчете на душу занятого населения, количество ФПК.	y_1/N	3,40	1,22
Выпуск инновационных товаров, услуг: вычислит. техника, информационные услуги, прочие услуги, в расчете на душу занятого населения, количество ФПК.	y_2/N	0,63	0,35
Совокупный выпуск (в п. 10 и 11) инновационный товаров и услуг в расчете на душу занятого населения, количество ФПК.	$(y_1+y_2)/N$	4,03	1,57

Для вычисления показателей в целом по депрессивным регионам использовалась следующая методика. Для учета региональных различий и инфляционных процессов стоимостные показатели выражались в количестве фиксированных потребительских корзин регионов. Далее определялась общая характеристика для депрессивных регионов путем суммирования региональных показателей. Относительные показатели эффективности и масштаба инновационной деятельности в целом депрессивных регионов вычислялись в форме отношений общих (совокупных) показателей депрессивных регионов. В частности, при расчете последнего (12-го) показателя по депрессивным регионам за фиксированный год общая сумма совокупного выпуска инновационных товаров и услуг (в количестве ФПК) за этот год делилась на общее количество занятых в этот год в депрессивных регионах. Средние показатели за 2015-2017 гг. по РФ, по отдельным регионам и по депрессивным регионам в целом вычислялись как средние арифметические значения годовых показателей.

Для обеспечения однородности исходных данных и получения необходимых показателей использовались в основном данные, опубликованные в статистическом сборнике «Индикаторы инновационной деятельности»: 2017, 2018, 2019 [6, 7, 8]. В исключительных случаях недостающие данные (по Псковской области за 2015-2016 гг.) были дополнены из сборника Регионы России [16].

Результаты

Анализ таблицы 1 позволяет выразить общую специфику инновационной деятельности в депрессивных регионах. В частности, в целом в депрессивных регионах уровень масштабов инновационной деятельности не превосходит и половины среднероссийских показателей (даже менее 40%). Показатели эффективности более неоднородные: в форме доли инновационной продукции в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг составляют менее 65% среднего российского уровня, а с точки зрения объема инновационной на 1 рубль затрат продукции показатель практически достигает средний российский уровень. При этом эффективность инновационной деятельности в традиционной сфере – промышленного производства – значительно уступает среднему российскому уровню (более 30%), а в сфере сервисных отраслей показатели соответствуют среднему российскому уровню.

В таблице 2 представлены рассчитанные по предложенной методике показатели оценки инновационного развития депрессивных регионов. Желтым фоном отмечены показатели, значение которых превышает значения по Российской Федерации в целом, красным фоном – самые низкие значения.

Результаты нашего исследования показывают, что практически все депрессивные регионы имеют значения показателей эффективности и масштаба инновационной деятельности ниже

общероссийских, за исключением Ульяновской области, которая за период исследования демонстрирует превышение общероссийских значений по 9 из 12 анализируемых показателей. Наибольшее количество показателей (8 из 12) с самым низким значением среди всех регионов наблюдается у Ивановской области.

Таблица 2 - Инновационное развитие депрессивных регионов Российской Федерации (среднегодовые показатели за период 2015-2017 гг.) [Рассчитано авторами по 5, 6, 7, 8, 16, 19].

Показатели	Российская Федерация	Депрессивные регионы	Ивановская область	Орловская область	Смоленская область	Псковская область	Волгоградская область	Чувашская Республика	Кировская область	Ульяновская область	Курганская область	Алтайский край
Эффективность инновационной деятельности												
1	7,67	4,41	0,60	1,00	3,03	1,67	0,63	13,07	6,27	12,07	3,33	4,67
2	13,20	14,00	1,10	1,27	2,33	1,27	27,90	11,63	3,77	20,57	3,17	1,93
3	8,20	5,02	0,63	1,02	3,00	1,69	3,16	12,93	6,11	12,94	3,34	4,46
4	4,41	2,93	15,96	1,63	2,03	3,10	0,71	6,25	4,04	8,54	5,57	4,30
5	1,29	1,29	1,25	5,34	1,12	2,30	61,73	1,17	0,41	8,65	0,91	0,91
6	3,20	3,12	2,11	1,57	1,92	3,08	4,26	4,55	3,01	7,73	4,41	3,83
Масштаб инновационной деятельности												
7	0,82	0,46	0,03	0,14	0,46	0,10	1,04	0,51	0,39	0,44	0,17	0,22
8	0,52	0,07	0,02	0,01	0,04	0,01	0,02	0,20	0,14	0,17	0,06	0,04
9	1,34	0,54	0,05	0,15	0,50	0,11	1,06	0,71	0,53	0,61	0,22	0,26
10	3,40	1,22	0,09	0,23	1,01	0,33	0,26	2,95	1,50	3,84	0,94	0,99
11	0,63	0,35	0,01	0,02	0,04	0,01	1,17	0,23	0,06	0,71	0,05	0,03
12	4,03	1,57	0,10	0,25	1,05	0,34	1,43	3,18	1,56	4,55	1,00	1,02

У Чувашской Республики и Ульяновской области наблюдается превышение среднероссийских значений по большинству показателей эффективности инновационной деятельности. Более того, у них наблюдаются самые высокие среди рассматриваемых депрессивных регионов средние значения показателей доли инновационной продукции в общем объеме произведенной предприятиями региона продукции и объема инновационной продукции, приходящегося на 1 рубль затрат на технологические инновации. У остальных депрессивных регионов (кроме Кировской области) доля инновационной продукции в общем объеме произведенной продукции значительно ниже среднероссийского значения.

Если рассматривать структуру инновационной продукции, которая производится в депрессивных регионах, то в шести из них преобладает инновационная продукция отраслей промышленного производства, и в четырех – инновационная продукция сервисных отраслей: «связь», «деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и информационных технологий», «предоставление прочих видов услуг». Превышение среднероссийского значения доли инновационной продукции, произведенной в отраслях промышленного производства, было установлено у Чувашской Республики и Ульяновской области, доли инновационной продукции сервисных отраслей – у Волгоградской и Ульяновской областей. У остальных восьми регионов

значение доли инновационной продукции было ниже среднероссийского значения.

Наибольшее значение доли инновационной продукции, произведенной в отраслях промышленного производства, среди всех депрессивных регионов наблюдается у Чувашской Республики, наименьшее – у Ивановской области. Наибольшее значение доли инновационной продукции, произведенной в сервисных отраслях, наблюдается у Волгоградской области, наименьшее – у Ивановской области.

Анализ отдачи на 1 рубль всех затрат на технологические инновации в виде объема произведенной инновационной продукции показал, что у пяти депрессивных регионов этот показатель превышает среднероссийский уровень: Волгоградская область, Чувашская Республика, Ульяновская область, Курганская область и Алтайский край. У семи регионов из десяти наибольшая отдача в виде объема произведенной инновационной продукции на 1 рубль всех затрат на технологические инновации была в промышленном производстве, у трех – в сервисных отраслях. Значение объема инновационной продукции на 1 рубль всех затрат на технологические инновации в промышленном производстве превысило среднероссийское у следующих депрессивных регионов: Ивановская область, Чувашская Республика, Ульяновская область, Курганская область, в сервисных отраслях – у Орловской, Псковской, Волгоградской и Ульяновской областях.

Наибольшее значение объема инновационной продукции на 1 рубль всех затрат на технологические инновации в промышленном производстве среди депрессивных регионов было установлено у Ивановской области, наименьшее – у Волгоградской области. Наибольшее значение объема инновационной продукции на 1 рубль всех затрат на технологические инновации в сервисных отраслях – у Волгоградской области, наименьшее – у Кировской области.

Анализ показателей масштаба инновационной деятельности депрессивных регионов позволил выявить следующее. У всех депрессивных регионов, кроме Ульяновской области, значения показателей масштаба инновационной деятельности ниже среднероссийских.

Анализ структуры затрат на технологические инновации в расчете на душу занятого населения (по количеству ФПК) показал, что во всех депрессивных регионах преобладали затраты в отраслях промышленного производства. Превышение среднероссийского значения по затратам на технологические инновации в расчете на душу занятого населения (по количеству ФПК) в отраслях промышленного производства было только у Волгоградской области. Превышение среднероссийского значения по затратам на технологические инновации в сервисных отраслях не было установлено ни у одного депрессивного региона.

Наибольшая сумма затрат на технологические инновации в расчете на душу занятого населения (по количеству ФПК) в отраслях промышленного производства среди всех депрессивных регионов была выявлена у Волгоградской области, наименьшая – у Ивановской области. Больше всего затрат на технологические инновации в расчете на душу занятого населения (по количеству ФПК) в сервисных отраслях было установлено Чувашской Республики, наименьшее – у Орловской и Псковской областей.

Среди всех депрессивных регионов наибольшая величина совокупных затрат на технологические инновации в расчете на душу занятого населения (по количеству ФПК) была отмечена у Волгоградской области, наименьшая – у Ивановской области.

Во всех депрессивных регионах кроме Ульяновской области совокупный выпуск инновационной продукции в расчете на душу занятого населения (по количеству ФПК) не превышал среднероссийского значения. Наибольшее значение этого показателя среди депрессивных регионов было зафиксировано у Ульяновской области, наименьшее – у Ивановской области.

Анализ структуры выпускаемой инновационной продукции в расчете на душу занятого населения (по количеству ФПК) в разрезе сфер деятельности показал следующее. В 9 из 10 регионов выпуск инновационной продукции в расчете на душу занятого населения (по количеству ФПК) в отраслях промышленного производства выше, чем в сервисных отраслях. В Ульяновской области

в промышленном производстве выпуск инновационной продукции в расчете на душу занятого населения (по количеству ФПК) больше, чем в среднем по Российской Федерации. Среди всех депрессивных регионов Ульяновская область имеет наибольшее значение по этому показателю. Наименьшее значение этого показателя у Ивановской области.

По выпуску инновационной продукции в расчете на душу занятого населения (по количеству ФПК) в сервисных отраслях среди депрессивных регионов лидируют две области – Волгоградская и Ульяновская. Худшее значение показывают две области – Ивановская и Псковская.

Для комплексной оценки уровня инновационного развития депрессивных регионов было сделано совмещение рассмотренных ранее результатов анализа показателей эффективности и масштаба инновационной деятельности депрессивных регионов. С целью обеспечения сопоставимости показателей были рассчитаны соответствующие индексы. Интегральный индекс эффективности инновационной деятельности региона (I эффективности ИД региона) вычислялся как произведение значений индексов, рассчитанных путем деления значений соответствующих показателей таблицы 1 по каждому региону на значения этих показателей по Российской Федерации:

$$I_{\text{эффективности ИД региона}} = \frac{П_3 \text{ региона}}{П_3 \text{ РФ}} \times \frac{П_6 \text{ региона}}{П_6 \text{ РФ}}$$

где $П_3$ региона – значение показателя «Доля всех инновационных товаров, услуг (в п. 1 и 2 таблицы 1) в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %» по депрессивному региону; $П_6$ региона – значение показателя «Объем всех инновационных товаров, услуг (в п. 4 и 5 таблицы 1) на 1 руб. всех затрат на технологические инновации; руб.» по депрессивному региону; $П_3$ РФ – значение показателя «Доля всех инновационных товаров, услуг (в п. 1 и 2 таблицы 1) в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %» по Российской Федерации; $П_6$ РФ – значение показателя «Объем всех инновационных товаров, услуг (в п. 4 и 5 таблицы 1) на 1 руб. всех затрат на технологические инновации; руб.» по Российской Федерации.

Интегральный индекс масштаба инновационной деятельности региона (I масштаба ИД региона) рассчитывался аналогично:

$$I_{\text{масштаба ИД региона}} = \frac{П_9 \text{ региона}}{П_9 \text{ РФ}} \times \frac{П_{12} \text{ региона}}{П_{12} \text{ РФ}}$$

где $П_9$ региона – значение показателя «Совокупные затраты (в п. 7 и 8 таблицы 1) на технологические инновации в расчете на душу занятого населения, количество ФПК» по депрессивному региону; $П_{12}$ региона – значение показателя «Совокупный выпуск (в п. 10 и 11 таблицы 1) инновационных товаров и услуг в расчете на душу занятого населения, количество ФПК» по депрессивному региону; $П_9$ РФ – значение показателя «Совокупные затраты (в п. 7 и 8 таблицы 1) на технологические инновации в расчете на душу занятого населения, количество ФПК» по Российской Федерации; $П_{12}$ РФ – значение показателя «Совокупный выпуск (в п. 10 и 11 таблицы 1) инновационных товаров и услуг в расчете на душу занятого населения, количество ФПК» по Российской Федерации.

Таким же образом были вычислены интегральные индексы эффективности и масштаба в целом по депрессивным регионам.

Регионы, значения интегральных индексов у которых выше значений по всем депрессивным регионам в целом, были отнесены в группу с высоким уровнем исследуемой характеристики инновационного развития. Регионы, значения интегральных индексов у которых ниже значений по депрессивным регионам в целом, были отнесены в группу с низким уровнем исследуемой характеристики инновационного развития. Результаты расчета интегральных индексов отражены на рисунке 1.

Сравнение значений интегральных индексов эффективности и масштаба инновационной деятельности, рассчитанных по каждому из депрессивных регионов, с показателями депрессивных

регионов в целом (рисунок 1), позволило сформулировать следующие выводы. Ивановская, Орловская, Смоленская, Псковская и Курганская области обладают низким уровнем эффективности и масштаба инновационной деятельности. Как было отмечено ранее, Ивановская область среди всех депрессивных регионов имеет наибольшее количество показателей оценки инновационного развития с худшими значениями. У Волгоградской области низкий уровень эффективности инновационной деятельности, но одновременно с этим высокий уровень масштаба инновационной деятельности. В Кировской области и Алтайском крае – наоборот, высокий уровень эффективности, но низкий уровень масштабов деятельности. У Ульяновской области и Чувашской Республики установлен высокий уровень как эффективности, так и масштаба инновационной деятельности.

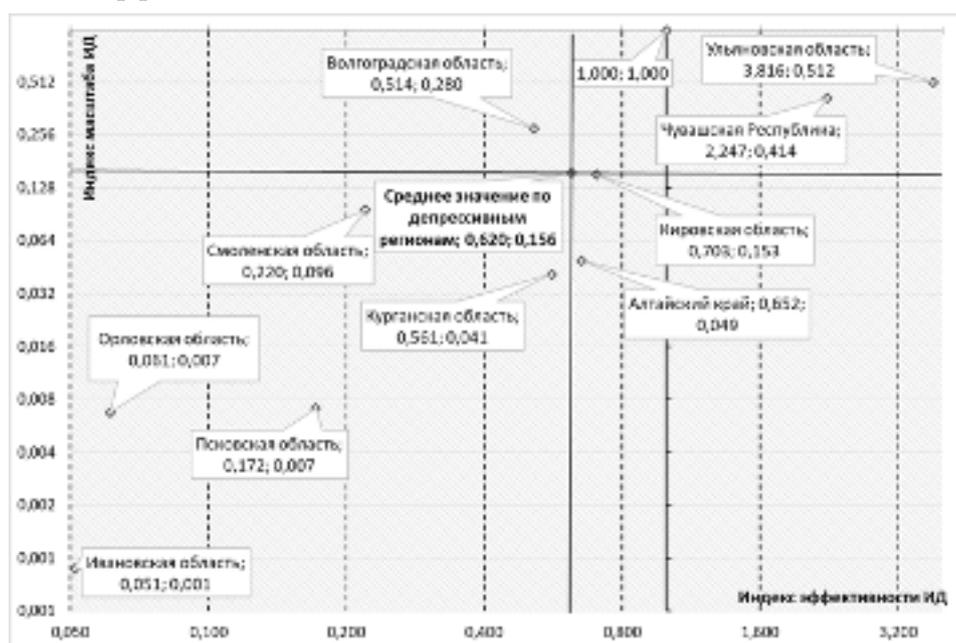

Рисунок – 1 - Интегральные индексы инновационного развития депрессивных регионов Российской Федерации

На основе результатов сравнения значений интегральных индексов по каждому депрессивному региону с показателями депрессивных регионов в целом были объединены в 4 группы.

Регионы, для которых $I_{\text{эффективности ИД}} \geq 0,620$ и $I_{\text{масштаба ИД}} \geq 0,156$, обладают по сравнению с остальными депрессивными регионами более высоким уровнем эффективности и масштаба инновационной деятельности, и, как следствие, инновационного развития в целом. В этих регионах самая высокая среди остальных депрессивных регионов доля инновационной продукции в общем объеме произведенной на их территории продукции и объем произведенной инновационной продукции на 1 рубль всех затрат на технологические инновации. Также в этих регионах выше среднего уровень всех затрат на технологические инновации и выпуск инновационной продукции в расчете на душу занятого населения (в ФПК). Поэтому регионы данной группы (Ульяновская область и Чувашская Республика) наиболее перспективны в отношении оказания им государственной поддержки (финансовой, информационной и пр.) в сфере инноваций, расширения инновационной инфраструктуры, привлечения государственных и частных инвестиций в целях ускоренного развертывания инновационной деятельности в них. В целом по индикатору инновационного развития данные регионы можно вывести из статуса «Депрессивный регион». Данный вывод позволяет сделать общую оценку инновационного развития региона:

$$I_{\text{ИД региона}} = I_{\text{эффективности ИД региона}} \times I_{\text{масштаба ИД региона}}$$

Так для Ульяновской области ИИД=1,954 почти в двое превышает аналогичный показатель

по Российской Федерации в целом. Такой результат обеспечивается, в первую очередь, за счет высокой эффективности инновационной деятельности (ИЭффективности ИД=3,816). Для Чувашской Республики ИИД=0,930, т.е. уровень инновационной деятельности близок к среднему уровню по РФ. Для остальных депрессивных регионов ИИД<0,150, а для депрессивных регионов в целом ИИД=0,097.

Регионы, для которых ИЭффективности ИД региона $\geq 0,620$, но Имасштаба ИД региона $< 0,156$, имеют значительный уровень эффективности инновационной деятельности, но ниже среднего масштаба ее реализации. В целом, эта группа депрессивных регионов демонстрирует более слабое инновационное развитие, нежели предыдущая. Причина такого положения дел может крыться в нехватке финансовых ресурсов (и в региональных бюджетах, и у самих предприятий) для расширения имеющихся инновационных производств. Так как отдача на 1 рубль затрат на технологические инновации в виде выпущенной инновационной продукции в этих регионах высока, проблему масштаба инновационной деятельности можно было бы решить посредством привлечения в существующие инновационные производства дополнительного объема инвестиций, что в перспективе должно обеспечить переход этих регионов в ранее рассмотренную группу. Эта группа депрессивных регионов, по нашему мнению, обладает наибольшим потенциалом для инновационного развития в перспективе. В эту группу входят Кировская область и Алтайский край. При этом Кировская область имеет ИИД=0,108, превышающий аналогичный показатель по депрессивным регионам в целом (0,097), а Алтайский край – в три раза меньший уровень – ИИД=0,032.

Регионы, для которых ИЭффективности ИД региона $< 0,620$, но Имасштаба ИД региона $\geq 0,156$, имеют достаточный масштаб инновационной деятельности, но невысокий уровень эффективности ее осуществления. Здесь необходимо сосредоточиться на повышении эффективности инновационной деятельности посредством повышения конкурентоспособности и результативности маркетинга выпускаемой инновационной продукции в целях активизации продвижения и роста продаж такой продукции на внутреннем и внешнем рынках. В эту группу входит Волгоградская область. Для нее общий индекс инновационного развития региона ИИД=0,144 также превышает аналогичный показатель по депрессивным регионам в целом.

Наименее благополучное положение у группы регионов, которые имеют ИЭффективности ИД региона $< 0,620$ и Имасштаба ИД региона $< 0,156$. Эти регионы обладают низким уровнем и эффективности, и масштаба инновационной деятельности и, как следствие, инновационного развития в целом. К этой группе относится половина депрессивных регионов. Это Ивановская, Орловская, Смоленская, Псковская и Курганская области. Экономика регионов этой группы не обладает видимой ориентацией на инновационное развитие, ориентирована на использование традиционных технологий и развитие традиционных производств. Для данных регионов общий индекс инновационного развития региона ИИД<0,024, т.е. в четыре раза ниже аналогичного показателя по депрессивным регионам в целом. В частности, минимальный показатель инновационного развития – у Ивановской области – ИИД<0,00004, что почти в 10 меньше следующего показателя у Орловской области – ИИД<0,00041.

С целью исследования перспектив инновационного развития депрессивных регионов была проанализирована динамика исследуемых показателей за период 2014-2017 гг. и степень однородности (качества) такой динамики показателя y . За основу расчета уровня и однородности динамики использовалась методика, описанная в монографиях учеными Руденко Л.Г., Карауловым В.М. и Кислицыной В.В., Чеглаковой Л.С., Карауловым В.М., Чикишевой А.Н. [14, 17].

В качестве индикатора динамики был использован относительный показатель – отношение y_{2017} – y_{2014} к среднему значению y за 2015-2017 гг. Для качественной интерпретации уровня динамики использовались следующие характеристики: динамика считается незначительной, если ее (абсолютное, т.е. по модулю) значение не превышает 10%, если же значение превышает 25%, то такая динамика трактуется как высокая; в противном случае – умеренная динамика.

Для оценки однородности динамики у использовалось отношение среднеквадратического отклонения показателя у за 2014-2017 гг. к среднему значению у за 2015-2017 гг. Если данный показатель не превышает 10%, то динамика считается качественной (однородной); если превышает 33,3% – то динамика считается неоднородной (низкого качества). Наличие динамики низкого качества является свидетельством значительных рисков в развитии показателя. Результаты оценки уровня и качества динамики представлены в таблице 3.

Таблица 3 - Динамика и однородность динамики инновационного развития депрессивных регионов Российской Федерации (за период 2014-2017 гг.) [Рассчитано авторами по 5, 6, 7, 8, 16, 19].

Показатели	Российская Федерация	Депрессивные регионы	Ивановская область	Орловская область	Смоленская область	Псковская область	Волгоградская область	Чувашская Республика	Кировская область	Ульяновская область	Курганская область	Алтайский край
Эффективность инновационной деятельности												
Динамика и качество динамики по показателю «Доля всех инновационных товаров, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг», %												
Динамика	-15,4	13,8	-122,4	38,1	-41,0	137,0	51,6	5,1	-4,7	8,0	33,5	5,1
Качество	7,6	8,0	92,8	29,8	61,0	60,4	23,4	6,4	17,6	4,2	17,2	8,7
Динамика и качество динамики по показателю «Объем всех инновационных товаров, услуг на 1 руб. всех затрат на технологические инновации», %												
Динамика	0,8	81,8	-126,3	-5,8	-188,8	82,0	248,4	33,4	-68,4	-19,6	58,5	-6,4
Качество	6,8	37,0	94,4	20,3	108,5	44,1	119,9	26,2	38,6	21,4	33,3	10,3
Масштаб инновационной деятельности												
Динамика и качество динамики по показателю «Совокупные затраты на технологические инновации в расчете на душу занятого населения, количество ФПК»												
Динамика	-7,5	-8,3	-8,3	49,1	63,6	54,4	-258,0	-25,5	72,8	37,9	-3,2	21,9
Качество	5,8	17,0	17,0	47,4	26,3	52,8	112,0	19,3	35,9	22,8	25,1	11,8
Динамика и качество динамики по показателю «Совокупный выпуск инновационный товаров и услуг в расчете на душу занятого населения, количество ФПК», %												
Динамика	-12,2	22,1	-105,2	51,4	-21,9	136,4	48,7	18,5	5,9	10,5	47,6	19,8
Качество	5,8	9,5	90,9	28,2	52,4	59,0	21,1	11,7	16,5	6,7	32,2	8,7

В целом по Российской Федерации нельзя отметить наличие положительной динамики инновационной деятельности: так, доля инновационных товаров, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг существенно снижается и это снижение достаточно устойчивое. По показателю «Объем всех инновационных товаров, услуг на 1 руб. всех затрат на технологические инновации» наблюдается низкий рост, но он очень неустойчивый. В целом по депрессивным регионам растет эффективность инновационной деятельности и эта динамика наиболее устойчива по показателю доли инновационной продукции. В большинстве депрессивных субъектов наблюдается нестабильная динамика. В частности, по обоим показателям Ивановская область демонстрирует высокое сокращение (показателей эффективности при очень неоднородной (нестабильной) динамике. Устойчивого (показатель однородности менее 10%) и значительного инновационного роста (динамика более 10%) не наблюдается ни в одном регионе. Устойчивый (неоднородность менее 10%) рост (от 5% и до 8%) наблюдается только по показателю доли инновационной продукции у трех

субъектов – Чувашская Республики, Ульяновской области и Алтайского края. Среди них только Чувашская Республика показывает положительную (и высокую, более 25%) динамику по объему всех инновационных товаров на 1 руб. затрат на технологические инновации, но эта динамика умеренного качества (неоднородность 26%).

По обоим показателям масштаба инновационной деятельности по Российской Федерации в целом наблюдается устойчивое снижение. По депрессивным регионам динамика разнонаправленная: сокращаются совокупные затраты на технологические инновации в расчете на душу занятого населения, но эта динамика не очень однородная, а по совокупному выпуску инновационных товаров и услуг в расчете на душу занятого населения наблюдается значительная (более 20%) и устойчивая (неоднородность менее 10%) динамика. Среди депрессивных регионов устойчивую положительную (и значительную, более 10%) динамику показываю только Ульяновская область и Алтайский край по показателю совокупного инновационного продукта на душу занятого населения. В целом по этому показателю демонстрируют рост 8 регионов (спад в Ивановской и Смоленской областях). Таким образом, с точки зрения наличия устойчивой динамики, наибольшие перспективы инновационного развития по определенным аспектам можно ожидать у Чувашской Республики (рост доли инновационной продукции), Ульяновской области и Алтайского края (рост доли инновационного продукта и рост совокупного выпуска инновационного продукта на душу занятого населения).

Обсуждение

Проведенное исследование позволило установить низкий уровень инновационного развития большинства депрессивных регионов. Инновационная деятельность во всех депрессивных регионах в течение анализируемого периода велась. На фоне устойчивого снижения масштабов инновационной деятельности и доли инновационной продукции в общем объеме продукции по РФ в целом в депрессивных регионах осуществлялась разнонаправленная инновационная деятельность. По общей оценке инновационного развития (ИИД) восемь регионов имеют уровень инновационного развития, уступающий показателю по РФ в целом в 7 и более раз. В большей степени это связано со значительным снижением масштабов инновационной деятельности регионов (он в несколько раз ниже показателя эффективности). Для всех депрессивных регионов показатели масштабов деятельности (по показателю И масштаба ИД региона) ниже среднероссийского уровня в 2 и более раза.

В большинстве (80%) депрессивных регионов доля инновационной продукции в общем объеме произведенной продукции значительно уступает среднероссийским значениям. В структуре инновационной продукции в регионах такого типа преобладает, как правило, инновационная продукция отраслей промышленного производства. Анализ показал, что в целом по депрессивным регионам эффективность инновационной деятельности растет. Динамика роста эффективности инновационной деятельности в депрессивных регионах наиболее устойчива по показателю доли инновационной продукции в общем объеме произведенной продукции. Примечательно, что уровень отдачи в виде объема произведенной инновационной продукции на 1 рубль всех затрат на технологические инновации в 50% депрессивных регионов оказался выше, чем в среднем по Российской Федерации.

В 90% депрессивных регионах совокупный выпуск инновационной продукции в расчете на душу занятого населения (по количеству ФПК) уступает среднероссийским значениям. Большая часть затрат на технологические инновации в расчете на душу занятого населения (по количеству ФПК) в регионах такого типа приходится на отрасли промышленного производства. Анализ динамики данных показателей позволил установить, что в депрессивных регионах она разнонаправленная.

Два региона имеют уровень инновационного развития, который выше или практически соответствует среднему показателю по РФ. Это Ульяновская область – ИИД=1,954 и Чувашская

Республика – ИИД=0,930. В данных субъектах уровень инновационной деятельности превышает уровень инновационной деятельности по депрессивным регионам в целом почти в 20 и 10 раз соответственно. Эти регионы показывают устойчивый небольшой рост (в пределах 5%-8%) доли инновационной продукции. При этом Чувашская Республика показывает высокий рост (более 25%) при умеренном качестве динамики по объему всех инновационных товаров на 1 руб. затрат на технологические инновации, а Ульяновская область демонстрирует устойчивый и значительный рост (более 10%) по показателю совокупного инновационного продукта на душу занятого населения. Такое развитие инновационной деятельности в Ульяновской области и Чувашской Республики позволяет утверждать об отсутствии депрессивного состояния в данных регионах, хотя бы с точки зрения инновационной деятельности.

Еще у двух депрессивных регионов – Волгоградской и Кировской областей – уровень инновационной деятельности выше уровня по депрессивным регионам в целом. При этом в Волгоградской области такой результат обеспечивается за счет достаточно высоких показателей в сфере промышленного производства, а в Кировской области за счет эффективности инновационной деятельности в сфере промышленного производства.

Таким образом, у четырех регионов имеются перспективы инновационного развития по определенным аспектам. Приоритетными направлениями развития инновационной деятельности в этих регионах должны стать: государственная поддержка инновационных производств, расширение инновационной инфраструктуры, привлечения государственных и частных инвестиций.

У оставшихся 6 депрессивных регионов инновационное развитие в целом находится на низком уровне (ниже показателя по депрессивным регионам в целом в три и более раза). Устойчивого и значительного инновационного роста в целом не наблюдается ни в одном регионе. Экономика половины из регионов такого типа не обладает видимой направленностью на инновационное развитие, ориентирована на использование традиционных технологий и развитие традиционных производств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альпидовская М.Л. Проблемы социально-экономического развития России в условиях смены геоэкономической парадигмы. /М.Л. Альпидовская, С.А. Толкачев, Д.Т. Соколов, А.М. Цикин // Монография. Тверь. Изд-во: Тверской государственный университет. – 2019. – 287 с.
2. Альпидовская М.Л. Вопросы управления региональным промышленным развитием на основе кластерного подхода / М.Л. Альпидовская, А.М. Цикин// Самоуправление. – 2019. – Т. 2. – № 1 (114). – С. 6-10.
3. Балакина Г.Ф. (2009). Особенности инновационного пути развития депрессивного региона / Г.Ф. Балакина //Региональная экономика: теория и практика. – 2009. – № 4. – С. 31-39.
4. Гранберг, А.Г. (2003). Основы региональной экономики: учебник для вузов. Москва: ГУ ВШЭ. 495 с.
5. Дата сет «Интерактивная статистика и интеллектуальная аналитика сбалансированности региональной экономики России на основе Больших данных и блокчейн – 2020» [Электронный ресурс]. —Институт научных коммуникаций. —Режим доступа: <https://www.archilab.online/data2/data-set-po-regionalnoj-ekonomike-rossii>.
6. Индикаторы инновационной деятельности: 2019: статистический сборник / Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский, И. А. Кузнецова и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2019. – 376 с.
7. Индикаторы инновационной деятельности: 2018: статистический сборник / Н. В. Городникова, Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2018. – 344 с.

8. Индикаторы инновационной деятельности: 2017: статистический сборник / Н. В. Городникова, Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – 328 с.
9. Исянбаев М.Н. Депрессивные территории: механизмы управления социально-экономическим развитием // Вестник Евразийской Науки. – 2018. – № 6. – Т. 10. <https://esj.today/PDF/01ECVN618.pdf>
10. Кайгородов, А.Г., Шекшуева, С.В. Экономика депрессивного региона как фактор его инновационного развития / А.Г. Кайгородов, С.В. Шекшуева // Вестник Ивановского Государственного Университета. – 2017. – № 2 (32). – С. 6–13.
11. Калинин П.А., Бурцева Т.А., Созинова А.А. Маркетинговый инструментарий повышения эффективности кластерных образований (2017). Вестник НГИЭИ. № 4 (71). С. 76-83.
12. Калинин П.А. Реорганизация предпринимательских структур в системе управления инновациями на основе концепции маркетинга (2017). Экономика и управление: проблемы, решения. – 2017. – Т. 6. – № 12. – С. 43-50.
13. Калинин П.А. Региональные кластеры в условиях новой парадигмы социально-экономического развития и роста цифровой экономики: влияние вирусно-экономического цикла и дезинтеграции регионов / П.А. Калинин, А.А. Созинова, М.А. Подъячих // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2020. – Т. 3. – № 1. – С. 57-61.
14. Кислицына, В.В. Формирование комплексного подхода к оценке социально-экономического развития регионов / В.В. Кислицына, Л.С. Чеглакова, В.М. Караулов, А.Н. Чикишева // Экономика региона. – 2017. – № 13 (2). – С. 369-380.
15. Петров А.Н. (2015). Возможности инновационного развития экономики депрессивного региона / А.Н. Петров // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. – 2015. – № 4 (44). – С. 81-86.
16. Регионы России. Социально-экономические показатели. – 2018. – (2018). Москва: Росстат. <https://www.gks.ru/storage/mediabank/reg-pok18.pdf>
17. Руденко Л.Г. Разработка методики оценки инфраструктурного обеспечения малого предпринимательства. Москва: Московский университет им. С.Ю. Витте. – 2016. – 152 с.
18. Савельева Н.К. Основные социально-экономические факторы региона и их влияние на развитие банковского сектора / Н.К. Савельева, Т.А. Тимкина // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2017. – Т. 5. – № 12. – С. 218-221.
19. Созинова А.А. Прогнозирование социально-экономического развития региона / А.А. Созинова, В.М. Караулов, Е.В. Каранина, Н.К. Савельева, О.Н. Соболева // Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RU2019610859, 18.01.2019. Заявка № 2018665485 от 29.12.2018.
20. Созинова А.А. Оценка инновационной активности как фактор обеспечения устойчивости и конкурентоспособности / А.А. Созинова, А.В. Нечаев // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2018. – Т. 4. – № 8. – С. 161-166.
21. Созинова А.А. Актуализация концептуальной модели кластеризации в современной экономике / А.А. Созинова, А.Р. Таймасов // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2018. – Т. 4. – № 8. – С. 75-80.
22. Тимкина Т.А. Рейтинговая оценка регионов Приволжского федерального округа по факторам конкурентоспособности / Т.А. Тимкина, Н.К. Савельева // В сборнике: Общества. Наука. Инновации (НПК-2017). сборник статей. Всероссийская ежегодная научно-практическая конференция. Вятский государственный университет. – 2017. – С. 5284-5294.
23. Швец И.Ю. Методологические принципы инновационного развития депрессивных регионов / И.Ю. Швец // Друкеровский вестник. – 2014. – № 6. – С. 116-126.
24. Шерстюк Ю.О. Кластеризация регионов Российской Федерации / Ю.О. Шерстюк, М.Л. Альпидовская М.Л. // В сборнике: «Кластерные инициативы в формировании прогрессивной

структуры национальной экономики». Сборник научных трудов 5-й Международной научно-практической конференции: в 2-х томах. Юго-Западный государственный университет. – 2019. – С. 2261-265.

25. Chernyshev K.A. (2017) «The study of permanent migration of economically depressed regions». *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 10, 259-273. doi: 10.15838/esc/2017.4.52.15

26. Coronado D., Acosta, M., Fernandez, A. (2008). Attitudes to Innovation in Peripheral Economic Regions. *Research Policy*, 37(6), 1009-1021

27. Harris R. and Li, Q.C. and Trainor, M. (2009) Is a higher rate of R&D tax credit a panacea for low levels of R&D in disadvantaged regions? *Research Policy*, 38 (1). pp. 192-205. ISSN 0048-7333 <http://eprints.gla.ac.uk/4713/>

28. Palkina M., Kislitsina, V. Factors improving investment attractiveness of Russia's depressed regions// *Administratie si Management Public*. – 2018. – № 30. – P. 141-153.

29. Soboleva O. Mechanisms of regulation of economic processes in a region / O. Soboleva, A. Sozinova, A. Spengler, O. Fokina, N. Savelyeva // *Contributions to Economics*. – 2017. –№9783319606958. – С. 403-415.

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

Золотарева Вера Петровна

кандидат экономических наук, доцент,
ФГБОУ ВО Московский политехнический университет,
кафедра «Экономика и менеджмент медиабизнеса»,
г. Москва, Российская Федерация.
E-mail:zolotareva2005@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрен процесс формирования и эволюции предметной области проблемы экономической безопасности хозяйственной системы России. Автор исследует его в ракурсе различных типов модели российской модернизации, характерных для нее во второй половине XIX–начале XXI в.: модели «наименьшего сопротивления», «мобилизационной», «гибридной» и «трансформационной». Выявлены такие важнейшие факторы, повлиявшие на формирование предметной области, как трансформация хозяйственных связей из-за изменения масштабов территории, приток иностранного капитала, увеличение государственного долга, изменение позиций России в мировом хозяйстве, защита внутреннего рынка, борьба с оттоком капитала. Подчеркивается, что в период с XIX до середины XX века произошло выделение отдельных аспектов проблемы, что позволило обозначить ее предметную область, однако сама проблема не получила самостоятельного статуса в экономической науке, ее активная разработка и оформление произошло уже в конце XX в. Автор приходит к выводу о взаимосвязи эволюции предметной области проблемы экономической безопасности с особенностями модернизационных процессов, осуществляемых в России.

Ключевые слова: хозяйственная система; экономическая безопасность; «догоняющая модернизация»; Россия; модель «наименьшего сопротивления»; «мобилизационная» модель; «гибридная» модель; «трансформационная» модель.

JEL: H110, H560, N40

EVOLUTION OF THE SUBJECT AREA OF THE PROBLEM OF ECONOMIC SECURITY IN THE PROCESS OF MODERNIZATION OF RUSSIA

V.P. Zolotareva
PhD in Economics, Associate Professor,
Department of Economics and Management of Media Business,
Moscow Polytechnic University,
Moscow, Russia.

Abstract:The article considers the process of formation and evolution of the subject area of the problem of economic security of the Russian economic system. The author examines it from the perspective of various types of models of Russian modernization, typical for it in the second half of the XIX–early XXI century: models of «least resistance», «mobilization», «hybrid» and «transformational». Identified the major factors that influenced the formation of the subject area, as the transformation of economic relations due to the scale of the territory, the inflow of foreign capital, the increase in public debt, the change in Russia's position in the world economy, protection of the internal market, the fight against capital outflow. It is emphasized that in the period from the XIX to mid XX century was the allocation of individual aspects of the problem that allowed to define its subject area, however, the problem has not received independent status in economic science, the development and design occurred in the late twentieth century. The author comes to the conclusion about the relationship between the evolution of the subject area of the problem of economic security and the features of modernization processes carried out in Russia.

Keywords: economic system; economic security; «catching up modernization»; Russia; «least resistance» model;

«mobilization» model; «hybrid» model; «transformational» model.

Введение

Многочисленные современные публикации, освещающие различные аспекты теории и практики экономической безопасности России свидетельствуют об актуальности этой научной проблемы. Однако для уточнения представления о предметной области проблемы экономической безопасности России необходим ее историко-экономический обзор, отражающий подход к ее анализу в зависимости от периода развития страны, и в частности, типа модели российской «догоняющей модернизации». Обобщение значительного числа литературы позволяет заключить, что данная проблема не только в таком ракурсе, но и в анализируемый исторический период, не стала предметом особого рассмотрения.

Кроме того, ее исследование объективно требует уточнения такой категории, как «экономическая безопасность», появление и современное понимание которой в России относят к 90-м гг. XX века. Однако начало формирования предметной области проблемы следует отнести к XIX в., периоду обострения противоречий в развитии хозяйственной системы России и появления новых угроз, связанных с отчетливым проявлением процесса неравномерного экономического развития стран в мировой экономике.

Необходимо подчеркнуть понимание данной категории в широком смысле, а не только с позиций социальной защищенности. При таком подходе, следует отметить, что существующее многообразие современных трактовок категории «экономическая безопасность», не влияет на их сущностную сторону, меняется лишь широта и ракурс рассмотрения проблемы.

Эволюция предметной области проблемы экономической безопасности России

Начало разработки проблемы безопасности российской хозяйственной системы совпало с соответствующей практикой хозяйствования, а ее анализ представлен в официальных документах правительства, а также в научных и публицистических трудах современников исторических событий. В них авторами рассматривались и критически оценивались различные аспекты экономической политики правительства, приводящие как к усилению, так и ослаблению хозяйственной системы России, но обобщенный анализ и формулирование в данной трактовке не проводилось. Это был период накопления эмпирических знаний для их последующего теоретического обобщения.

Важнейшими аспектами проблемы безопасности российской хозяйственной системы в рамках такого типа модели модернизации России, как модель «наименьшего сопротивления», были следующие:

- влияние массового притока иностранного капитала на экономическое развитие России;
- сохранение платежеспособности в связи с увеличением государственного долга;
- развитие окраинных территорий;
- проведение внешнеэкономической политики, ориентированной на укрепление позиций России в мировом хозяйстве и повышение ее конкурентоспособности;
- изменение таможенной политики с целью защиты внутреннего рынка;
- борьба с оттоком капитала.

Наиболее дискуссионным в исследуемый период являлся вопрос влияния масштабного притока иностранного капитала на экономическое развитие страны, что нашло отражение в многочисленных публикациях, среди которых следует выделить исследования С.Ю. Витте, Б.Ф. Брандта, Д.И. Менделеева, И.Х. Озерова и др. [1-5].

Финансовым аспектам проблемы, и, в частности, процессу формирования государственного долга посвящены работы А.Д. Билимовича, П.П. Мигулина и др. [6, 7].

Поднимался вопрос и о региональных аспектах безопасности российской хозяйственной

системы, отраженный в работах М.М. Бородина, А.П. Липради [8, 9].

Значению различных аспектов внешнеэкономической политики в укреплении конкурентоспособности российской хозяйственной системы посвящены работы таких авторов, как В. Витчевский, В.И. Покровский, К.В. Фишман [10-12].

Проблема оттока капиталов получила отражение в официальных документах правительства и, в частности, в Высочайшем повелении от 6 октября 1866 г., испрошенным по докладу министра финансов графа Рейтерна, в Записке министра финансов Витте от 15 ноября 1893 г. за №16513 по Департаменту Торговли и Мануфактур [13].

Из указанных выше источников можно получить представление о существовавших подходах к рассмотрению различных аспектов безопасности хозяйственной системы России.

Следует отметить, что автор придерживается трактовки тех ученых, которые связывают экономическую безопасность с таким состоянием экономики страны, которое позволяет защищать ее жизненно важные интересы. Поэтому в привязке к данному историческому периоду очевидно более корректным является употребление такой категории как «безопасность хозяйственной системы», под которой автор понимает совокупность условий и факторов, обеспечивающих поступательное развитие национальной экономики, ее стабильность и устойчивость, независимо от действия внешних факторов.

Таким образом, в хронологических рамках такого типа модернизационной модели, как модель «наименьшего сопротивления», произошло выделение отдельных аспектов проблемы безопасности хозяйственной системы России, однако сама проблема не получила самостоятельного статуса в экономической науке.

Активное формирование предметной области проблемы экономической безопасности начинается в рамках «мобилизационного» типа модернизационной модели, которому присущи следующие черты:

- практически полное огосударствление экономики;
- выбор приоритетов экономического развития с учетом необходимости противостоять внешней угрозе, что привело к форсированию темпов экономического роста и созданию «двойной» экономики»;
- финансирование индустриализации преимущественно за счет внутренних ресурсов [14, с.186].

Различные этапы экономического развития, в рамках реализации данной модели, отличающиеся экзогенными и эндогенными условиями, повлияли на приоритетные задачи экономической безопасности. Можно выделить следующие: годы Первой мировой войны и революций, период «военного коммунизма», годы НЭПа, период форсированной индустриализации и коллективизации в СССР, годы Великой Отечественной войны и послевоенный период восстановления народного хозяйства. Для каждого из этих этапов существовали общие и особенные проблемы экономической безопасности. К общим следует отнести технико-производственную безопасность из-за нарушения внешнеэкономических связей, технологическую и продовольственную безопасность.

В силу специфики данного периода развития хозяйственной системы России проблематика экономической безопасности нашла наиболее яркое отражение в официальных документах партии и правительства. [15]

К особым проблемам экономической безопасности следует отнести:

- в годы Первой мировой войны и революций – падение промышленного производства из-за закрытия иностранных предприятий и сельскохозяйственного - в силу недостатка рабочих рук, топливный и транспортный кризис, инфляцию;
- в период «военного коммунизма» - бегство капитала, теневую экономику;
- в годы НЭПа – безработицу, бурный рост теневой экономики, многоукладность;
- в период форсированной индустриализации и коллективизации в СССР – энергетическую

безопасность, неравномерное индустриальное развитие регионов и республик, снижение инвестиционных возможностей рыночного сектора экономики и, в частности, сельского хозяйства, инвестиционный «голод»;

- в годы Великой Отечественной войны – перевод экономики на военные рельсы, разрыв хозяйственных связей;

- в послевоенный период восстановления народного хозяйства – демилитаризацию экономики, инфляцию, деформацию отраслевых пропорций.

Таким образом, в рамках «мобилизационного» типа модернизационной модели, произошло дальнейшее расширение предметной области проблемы экономической безопасности.

«Гибридная» модель была характерна для периода, начинающегося в середине 1960-х гг. и заканчивающегося в конце 1980-х – начале 1990-х гг. К ее основным характеристикам исследователи относят использование потенциала рыночных отношений для повышения эффективности национальной экономики, отраслевой монополизм и ориентацию преимущественно на экстенсивные факторы экономического роста [2, с.188].

Основными проблемами в ракурсе экономической безопасности были: снижение темпов экономического роста, преимущественно экстенсивное развитие экономики, продовольственная проблема. Это нашло свое отражение в Постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров СССР и Постановлениях Пленума ЦК КПСС [16], показавших расширение спектра проблем, угрожающих национальной экономической безопасности, и соответственно расширение и изменение ее предметной области.

Следующий важный вклад в формирование предметной области проблемы экономической безопасности и ее переход «из чисто научных рамок на уровень подготовки государственных программных документов» [18, с.33], был сделан в период формирования «трансформационного» типа модернизационной модели России. Условия его функционирования и особенности в значительной степени обуславливались процессами резкой социально-экономической трансформации российской хозяйственной системы. К числу характерных особенностей данного типа модели можно отнести:

- радикальное изменение отношений собственности;
- увеличение открытости и интегрированности в мировую экономику;
- деградация индустриальной и интеллектуальной сфер экономики;
- высокий уровень социальных и экономических издержек [14, с.190].

Все это повлияло на специфику актуальных вопросов экономической безопасности этого периода. Так, сильно пострадал производственный сектор российской экономики, возникли серьезные проблемы в области научно-технического развития, большие масштабы приобрела «утечка мозгов» и теневая экономика, падение цен на нефть снизило доходы государственного бюджета.

Масштабность и многоаспектность проблем, возникших в этих условиях, привела к активизации дальнейшей разработки предметной области экономической безопасности отечественным научным сообществом и нашла отражение в официальных документах правительства [17].

Как отмечает И.В. Караваева, огромное влияние на развитие этой области исследований оказали теоретические разработки ученых Истории экономики РАН [18], среди которых видное место принадлежит Л.И. Абалкину, положившему начало новому этапу теоретических исследований и обосновавшему концептуальные подходы к ее развитию [19-21].

Весомый вклад в обогащение предметной области проблемы экономической безопасности внесли разработки В.К. Сенчагова, уделившего особое внимание формированию экономических рисков в стране, а также подчеркнувшего важную взаимосвязь между федеральным бюджетом и изменением уровня экономической безопасности [22, 23].

Новым моментом в разработке предметной области проблемы стал акцент на региональный уровень исследований, а также выделение в ее рамках энергетической безопасности, отраженный в

работах группы ученых во главе с академиком РАН А.И. Татаркиным [24-27].

Таким образом, формирование предметной области проблемы экономической безопасности России проходило в ракурсе «догоняющей модернизации» ее национальной хозяйственной системы. Эволюция российской модели экономической модернизации нашла свое отражение в изменении приоритетных проблем экономической безопасности и расширении ее предметной области.

Необходимо подчеркнуть, что в настоящее время предметная область проблемы экономической безопасности России трактуется существенно шире, чем в рамках рассмотренных модернизационных моделей. Так, заведующая сектором Экономической безопасности ИЭ РАН И.В. Караваева, отмечает, что «в настоящее время правомерно говорить о социальных аспектах экономической безопасности и о правомерности исследований явления «социально-экономическая безопасность», так как данное понятие, в расширительной трактовке концепции экономической безопасности, более точно отражает не только взаимозависимость, но и равнозначность защиты и позиций национального предпринимательства, и национальной экономики в целом, и национального социума» [18, с. 31].

Дальнейшая теоретическая проработка проблемы экономической безопасности России связана с глобальными трансформационными изменениями в мировой хозяйственной системе, влияющими как на изменение приоритетов в ее рамках, так и на появление новых проблем (кибер-безопасность, обострение региональных проблем, пандемия...). Все это обуславливает непрерывность эволюции предметной области проблемы экономической безопасности и неизбежный повышенный интерес к ней научного сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брандт Б.Ф. Иностраннные капиталы. Их влияние на экономическое развитие страны. – СПб., 1901. - [<http://www.knigafund.ru/books/30949>]
2. Витте С.Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве. – СПб., 1912. - [<http://www.knigafund.ru/books/49232>]
3. Менделеев Д.И. Толковый тариф или Исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года. - С.-Пб.: Тип. В. Демакова, 1892. – 782 с.
4. Озеров И.Х. Оборотная сторона нашего бюджета. – М.: тип. т-ва И.Д. Сытина, 1911. – 191 с.
5. Озеров И.Х. Финансовая реформа в России или кто платит у нас налоги и как их переложить на другие плечи. – М., 1906. - [<http://www.knigafund.ru/books/25236>]
6. Билимович А.Д. Министерство финансов. 1802-1902. – Киев: тип. И.Н. Кушнерева и К, 1903. – 106 с.
7. Мигулин П.П. Русский государственный кредит. 1769-1899. Т. I-III. - Харьков, 1899-1903. – 602 с.
8. Бородин М.М. Финляндская окраина в составе русского государства. – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1910. – 121 с.
9. Липради А.П. Россия и ее Финляндская окраина. – Харьков: тип. «Мирн. труд», 1910. – 96 с.
10. Витчевский В. Торговая, таможенная и промышленная политика России со времен Петра Великого до наших дней. Перевод с немецкого / Под ред.: Ю.Д. Филипов; Пер.: А.В. Бауде. – С.-Пб.: Д.А. Казицын и Ю.Д. Филипов, 1909. – 372 с.
11. Покровский В.И. К вопросу об устойчивости активного баланса русской внешней торговли. – СПб.: тип. И. Гольдберга, 1901. – 115 с.
12. Фишман К.В. Наша экономическая задача в Персии. - Киев: тип. Р.К. Лубковского, 1903. – 31 с.
13. РГИА, ф. 472, оп. 24/991, кн. 36, с.2; РГИА, ф. 560, оп. 22, д. 120, л.7-8.
14. Дроздов В.В., Погребинская В.А., Золотарева В.П. Эволюция моделей «догоняющей модернизации» России во второй половине XIX- начале XXI в.// Федерализм. – 2018. - №4. С. 181-194.
15. Декрет ВЦИК «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом»; Декрет ВЦИК «О внешней торговле»; План ГОЭЛРО; План восстановления и развития народного

хозяйства на 1946-1950 гг.; Постановление Пленума ЦК ВКП(б) «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период». 21-26 февраля 1947 г.; Постановление Пленума ЦК КПСС «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель». 23 февраля - 2 марта 1954 г.; Постановление Пленума ЦК КПСС «О задачах по дальнейшему подъему промышленности, техническому прогрессу и улучшению организации производства». 4 – 12 июля 1955 г.; Постановление Пленума ЦК КПСС «О ходе выполнения решений XXI съезда КПСС о развитии промышленности, транспорта и внедрении в производство новейших достижений науки и техники». 13-16 июля 1960 г. и др. // https://e.arhiv.r-19.ru/catalog/?SECTION_ID=21992

16. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении управления промышленностью» от 30 сентября 1965 г.; Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» (4 октября 1965 г.); Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О некоторых мерах по совершенствованию управления промышленностью» (март 1973 г.); Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по расширению прав производственных объединений (предприятий) промышленности и планированию и хозяйственной деятельности и по усилению их ответственности за результаты работы» (14 июля 1984 г.); Постановление Пленума ЦК КПСС «Продовольственная программа СССР на период до 1990 г.» (май 1982 г.) и др. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986) - 9-е изд., доп. и испр. – М.: Политиздат, 1983-1990. Т.11: 1966-1970-1986. - 574 с.

17. Указ Президента Российской Федерации от 29 апреля 1996 г. № 608 «О Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации» (Основные положения) // www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_92725.

18. Караваева И.В. Национальная экономическая безопасность в теоретических исследованиях Института экономики РАН // Вестник института экономики Российской академии наук. 2020. №2. С. 27-42.

19. Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 4–16.

20. Абалкин Л.И. Россия: поиск самоопределения. Очерки. М.: Наука, 2002. – 424 с.

21. Абалкин Л.И. Уроки истории и будущее России. М.: ИЭ РАН, 2010. – 169 с.

22. Сенчагов В.К. Экономическая безопасность как основа национальной безопасности России // Вопросы экономики. 2001. №8. С. 64-79.

23. Сенчагов В.К. Экономическая безопасность: геополитика, глобализация, самосохранение и развитие. М.: Финстатинформ, 2002. – 128с.

24. Татаркин А.И. Экономическая безопасность как объект регионального исследования / А.И. Татаркин, О.А. Романова, А.А. Куклин, В.И. Яковлев // Вопросы экономики. 1996. №6. С. 78-89.

25. Татаркин А.И., Куклин А.А., Романова О.А., Черемных Л.Н., Яковлев В.И. Нейтрализация угроз экономической безопасности региональной хозяйственной системы с переводом на «модель устойчивого развития» / А.И. Татаркин, А.А. Куклин, О.А. Романова, Л.Н. Черемных, В.И. Яковлев // Информационный бюллетень РФФИ. – 1997. – №5.

26. Татаркин А.И. Диагностика экономической безопасности Российской Федерации / А.И. Татаркин, Куклин А.А. // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 1998. – №1. – С. 55-63.

27. Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Энергетическая безопасность. Телегина Е.А., Бушуев В.В., Воропай Н.И., Татаркин А.И., Макаров А.А., Куклин А.А., Мастепанов А.М., Яновский А.Б., Шафраник Ю.К. Монография. – М.: РГУ нефти и газа, 2000. – 304 с.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЙ «ИННОВАЦИИ» И «ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ» В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Исследование выполнено в рамках гос. задания ИСЭИ УФИЦ РАН «Формирование и реализация стратегических приоритетов территориальных социально-экономических систем в условиях глобальных вызовов» (№ гос. регистрации АААА-А17-117021310211-8)»

Алтуфьева Наталья Валерьевна

Младший научный сотрудник сектора Экономической безопасности,
Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН,
г. Уфа, Российская Федерация.
E-mail: altufeva.natalya@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена проблеме изучения понятий «инновации» и «инновационный потенциал». Выявлено, что нет единого научного мнения к терминам «инновации» и «инновационный потенциал». Изучен отечественный и зарубежный опыт подходов к понятиям «инновации» и «инновационный потенциал». Представлены определения различных ученых к данным понятиям. Целью статьи является изучение отечественного и зарубежного опыта подходов к понятию терминов «инновации» и «инновационный потенциал», а также формирование структуры инновационного потенциала малых научно-исследовательских и инновационных предприятий. В статье проводится анализ различных подходов к понятиям «инновации» и «инновационный потенциал» как сложных экономических категорий. Выделены пять основных подходов к определению термина «инновации», в том числе: инновации как вовлеченность в экономический оборот, инновации как введение в употребление нового продукта, инновации как сдвиг производственной функции, инновации как процесс, в котором изобретение или идея приобретают экономическое содержание, инновации как способ удовлетворения потребностей. Также выделены подходы к понятию «инновационный потенциал», в том числе: ресурсный, результативный, научный, ресурсно-методический, стратегический. Предложена структура инновационного потенциала малых научных и инновационных предприятий, куда входит восемь подсистем, в том числе: научно-информационная, материально-техническая, финансовая, социально-управленческая, правовая, творческая, безопасная, кадровая. Представлено авторское определение к понятию «инновации» и «инновационный потенциал». В результате проведенного исследования:

1. Изучен отечественный и зарубежный опыт к понятию термина «инновации» и «инновационный потенциал».
2. Систематизированы подходы к понятию «инновации» и «инновационный потенциал», используя отечественный и зарубежный опыт.
3. Предложена структура инновационного потенциала малых научно-исследовательских и инновационных предприятий.

Ключевые слова: инновационное развитие; инновации; инновационный потенциал; подходы к определению; отечественный опыт; зарубежный опыт; структура инновационного потенциала; подсистемы потенциала; этапы оценки инновационного потенциала.

JEL: M21; O36

THEORETICAL ASPECTS OF THE CONCEPT OF «INNOVATION «AND» INNOVATION POTENTIAL» IN THE SYSTEM OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

Altuf'eva Natal'ja Valer'evna

Mladshij nauchnyj sotrudnik sektora Jekonomicheskoy bezopasnosti Institut social'no-jekonomicheskikh issledovanij Ufimskogo federal'nogo issledovatel'skogo centra RAN,
g. Ufa, Russian Federation

Abstract: The article is devoted to the problem of studying the concepts of «innovation» and «innovation potential». It is revealed that there is no common scientific opinion on the terms «innovation» and «innovation potential». Domestic and foreign experience in terms of «innovation» and «innovation potential» was studied. Various scientists' definitions of these concepts are presented. The purpose of the article is to study domestic and foreign experience in the concept of the terms «innovation» and «innovation potential», as well as to form the structure of the innovation potential of small research and innovation enterprises. The article analyzes various approaches to the concepts of «innovation» and «innovation potential» as complex economic categories. There are five main approaches to defining the term «innovation», including: innovation as involvement in economic turnover, innovation as the introduction of a new product, innovation as a shift in the production function, innovation as a process in which an invention or idea acquires an economic content, innovation as a way to meet needs. Approaches to the concept of «innovative potential» are also highlighted, including: resource, methodological, effective, scientific, resource-methodical, and strategic. The structure of the innovative potential of small scientific and innovative enterprises is proposed, which includes eight subsystems, including: scientific and information material and technical, financial, social and managerial, legal, creative, safe, and personnel. The author's definition of the concept of «innovation» and «innovation potential» is presented.

As a result of the study:

1. Domestic and foreign experience in the concept of the term «innovation» and «innovation potential» has been studied.
2. Approaches to the concept of «innovation» and «innovation potential» are systematized, using domestic and foreign experience.
3. The structure of the innovation potential of small research and innovation enterprises is proposed.
4. The stages of assessing the innovative potential are formed.

Keywords: innovative development; innovations; innovative potential; approaches to definition; domestic experience; foreign experience; structure of innovative potential; potential subsystems; stages of evaluation of innovative potential.

Вклад в области инновационного развития внесли разные учёные-экономисты, среди них можно выделить следующих авторов: Мухамедьяров [21, с. 40-45], Э.А., В.В. Печаткин [22, с. 135-139], Валинурова Л.С. [3, с. 202-204], Ахметов Т.Р. [2], А.М. Диваева, А.И., Селезнева [19, с. 100-102], и др. Значительное количество исследований привело к тому, что на сегодняшний день не существует единого подхода к определению понятия инновации и инновационный потенциал. Многие отечественные и зарубежные ученые посвятили множество работ проблематике изучения термина «инновационный потенциал». Базовые теоретико-методологические основы изучения систем общественного воспроизводства заложили А. Смит, Д. Риккардо, Ф. Кене, В. Петти. Российские ученые также известны своими исследованиями в области инновационного потенциала, в том числе: О.И. Пригожин, В.Н. Яковец, В.И. Кушлин, В.Д. Андрианов.

Термин «инновация» от латинского «Innovatio» дословно означает «в направлении изменений». На основе отечественного и зарубежного опыта в области инноваций можно сделать вывод о том, что существует несколько подходов к определению «инновации» (рис. 1.).

И. Шумпетер впервые предложил определение термина «инновации» как научную организацию труда, улучшение обработки материалов, словом, «делание вещей по-другому в экономической сфере» – все эти случаи мы будем означать терминов «инновация». И. Шумпетер ввел в научный оборот понятие «осуществление 11 новых комбинаций». Согласно И. Шумпетеру, новые комбинации представляют собой изменение производства и рынка на основе производства, использования, освоения и приобретения новой продукции [4, с. 9-11.]. Термин «инновация» трактуется в Федеральном законе «О науке и государственной научно-технической политике» № 254-ФЗ (от 21.07.2011). В Федеральном законе «О внесении изменений в Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» №127-ФЗ (ред. От 13.07.2015) от 23 августа 1996 года понятие инновация трактуется как «введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях.» В четвертом издании Руководства Осло (Eurostat, 2018, п. 1.25) термин «инновации» трактуется как «новые или улучшенные продукты или процессы (или их комбинации), которые существенно отличающиеся от ранее производимых

единицей (unit) продуктов или используемых ею бизнес-процессов, предлагаемые потенциальным пользователям (продукты) или используемые самой единицей». С этим можно не согласиться, но, по мнению зарубежных ученых, данное определение позволяет более широко рассматривать инновации как раз-новидность продукта для пользователей во всех секторах экономики, учитывая воздействие цифровой экономики [27].

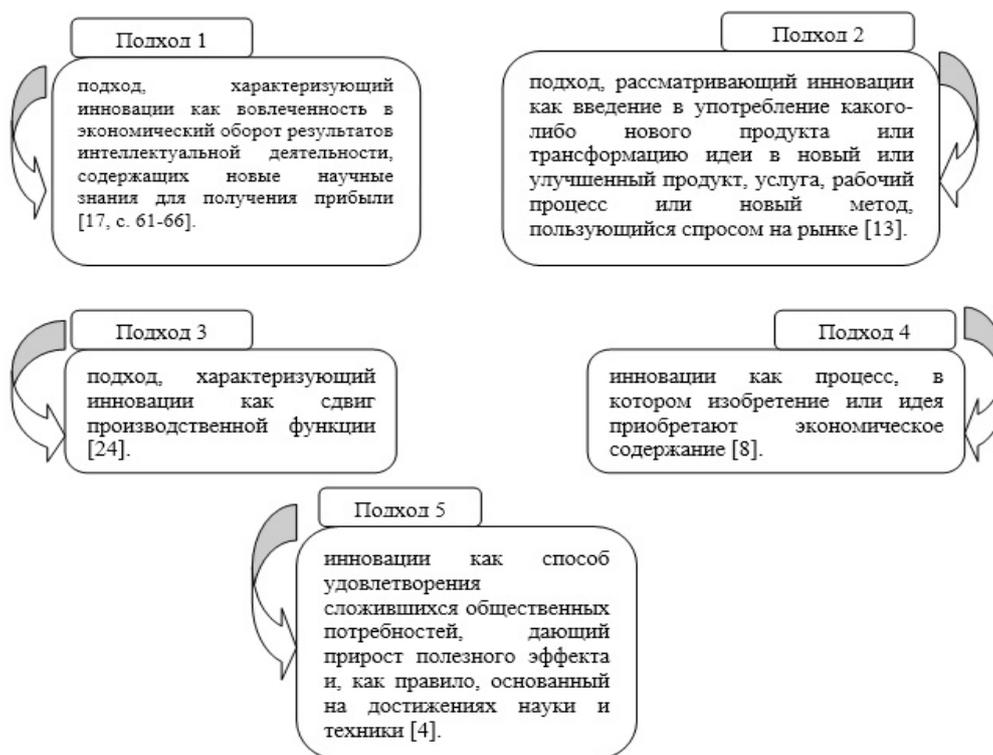

Рисунок 1 – Подходы к определению понятия «инновации»

Следует отметить, что каждый из подходов к понятию «инновация» имеет свои достоинства и недостатки, поэтому необходимо учитывать, что инновация может быть не только новым продуктом, методом или процессом, но и способом удовлетворения сложившихся потребностей, сдвигом производственной функции, вовлеченностью в экономический оборот. По-нашему мнению, подход к определению термина «инновации» должен учитывать прежде всего отсутствие угроз для социально-экономического развития страны и жизни каждого человека. Такими угрозами могут являться вытеснения рабочих мест в связи с автоматизацией производственных процессов, а также угрозы кибератак с активизацией информационно-коммуникационных технологий. Так как инновационные процессы могут повлечь за собой негативные последствия, поэтому термин «инновация» означает улучшенный продукт (отличающийся от ранее используемых продуктов единицей продукции), новый метод или процесс, отвечающий всем требованиям безопасности, доведённый до стадий экономического эффекта и коммерческого использования.

Создание новой и усовершенствованной продукции – это всегда имеющиеся возможности и способности на основе имеющихся ресурсов. Создавать инновации означает искать способы, ведущие к выявлению инноваций, так как инновации, способствуют повышению конкурентоспособности предприятий, регионов и страны в целом, обеспечивая при этом высокую рентабельность инвестиций [1]. По мнению Ахметова Т.Р., инновации представляют собой «результат деятельности по обновлению и преобразованию предыдущей деятельности, приводящий к замене одних элементов на другие, либо дополнению уже имеющихся новыми» [2]. При такой деятельности определяются цели происходящих в процессе изменений, разрабатывается инновационный продукт, апробируется

на производстве, распространяется на рынке, «отмирает», истощиваясь.

Инновационные предприятия представляют собой процесс хозяйствования и создания инноваций, ориентированный на получение экономического эффекта. Они связаны в первую очередь с необходимостью предпринимателей брать на себя правовую, финансовую и социальную ответственность, а также быть готовыми к экономическому риску и социальным угрозам. Инновационные предприятия создают новые способы для решения проблем, а также открывают новые возможности для создания собственного дела. К тому же организации по производству и реализации уникальной продукции позволяют руководителям и другим участникам предпринимательской деятельности выходить на новый уровень качества продукции, увеличивающий производительность труда, но необходимо помнить, что технологические инновации замещают человеческий труд и могут способствовать увеличению безработицы. Необходимо учитывать, что инновации должны быть эффективны, безопасны и приносить пользу. Применение эффективной инновационной продукции является одним из главных критериев формирования структуры экономического развития [4, с. 80-83], и соответственно при создании научно-исследовательских и инновационных предприятий необходимо определять наличие их инновационного потенциала.

Понятие термина «инновационный потенциал» впервые появилось в 1970-1980 годах, однако единого мнения в определении этого понятия нет до настоящего момента. Некоторые ученые считают, что понятие инновационный потенциал – это наличие различного вида ресурсов [14, с. 32-38]. По мнению Мухамедьярова А. М. [21, с. 40-45], инновационный потенциал неразрывно связан с научным потенциалом. Так, инновационный потенциал можно разделить на «научность» и «инновативность», т.е. способность осваивать инновации, а также создавать их. Инновационный потенциал также рассматривается как стратегия поведения субъекта хозяйствования по отношению к процессу инноваций [7, с. 243-245]. Необходимо учитывать при оценке инновационного потенциала инновационную восприимчивость, т.е. способность предприятий реализовывать и применять инновации на практике. По мнению Захарченко А.И., инновационный потенциал является частью инновационного пространства, включающей в себя финансовое, материально-техническое обеспечение, учитывающей деловые и профессиональные качества руководителей, наличие личных и профессиональных достижений [9, с. 427-449]. Лапин Е.В. считает инновационный потенциал частью интеллектуального потенциала предприятий, регулирующих производственные процессы и способствующих эффективности использования предметов труда и энергетических ресурсов, помогающих поднять уровень технологий [16, с. 64-69].

Рисунок 2 - Подходы к определению термина «инновационный потенциал»

Выделим несколько подходов к определению понятия «инновационный потенциал» (рис. 2). Ресурсный подход применяется в Волгоградской области, научный в Сибирском федеральном округе. Однако ресурсный подход учитывает достаточное количество ресурсов, но осуществляется описательно без каких-либо оценок потенциала, с привлечением большого количества материалов [15, с. 301-310]. Результативный подход предполагает разделение ресурсов на пригодность и готовность к осуществлению и предусматривает реализацию всех возможных инновационных потенциалов. Стратегический подход подразумевает выявление стратегии поведения субъекта хозяйствования по отношению к инновационным процессам, при этом не учитывается интегральная оценка инновационного потенциала. Ресурсно-методический подход подразумевает совокупность имеющихся ресурсов, обеспечивающих готовность к изменениям и развитию инновационной деятельности. Научный подход предполагает интегральную оценку инновационного потенциала, научно обоснован и конкретен, но с позиции объективности о возможности создания региональной инновационной системы в конкретном регионе не выдерживает научной критики [5, с. 400-456]. Данный подход широко используется в Сибирском федеральном округе (Республика Алтай, Бурятия, Тыва, Томская, Омская, Новосибирская области).

Основу инновационного развития составляют крупные промышленные предприятия, при этом для увеличения инновационного потенциала региона или страны в целом необходимо повышать уровень развития малых предприятий. Для этого необходимо развивать малые научные и инновационные предприятия.

В практике Запада инновации - неотъемлемая составляющая малого предпринимательства. Термины «предпринимательство» и «малое предпринимательство» неразрывно связаны с рассмотрением инноваций в экономической жизни общества [12, с. 45-51].

Подмалыми инновационными предприятиями понимается отдельная отрасль, соответствующая законодательному определению малого предприятия, разрабатывающая и внедряющая инновации, которая способствует решению некоторых частных проблем, государственных, социально-экономических задач, соответствует законодательному определению малого предприятия.

Существует множество определений понятия «инновационный потенциал». Выделим несколько подходов к определению «инновационный потенциал» (табл. 1).

Таблица 1 – Подходы к определению термина «инновационный потенциал»

Название подхода	Характеристика	Авторы	Достоинства	Недостатки
Ресурсный	Совокупность финансовых, кадровых, материально-технических, информационных ресурсов.	Краюхин Г.А., Шабайкова Л.Ф., Балабанов И.Т.[1] Мартюшева Л.С. [18, с. 100-125], Станиславик Е.В. [23, с. 9-11].	Оцениваются материальные, технические и др. ресурсы, входящие в инновационный потенциал.	Нет оценок уровня потенциала.

Название подхода	Характеристика	Авторы	Достоинства	Недостатки
Методический	Интегральная оценка нескольких групп показателей с учетом их сопоставимости.	Алексеев С.Г. [15, с. 300-301]	Предложена интегральная оценка, множество показателей, обоснованность и конкретность метода.	С позиции объективности и целесообразности внедрения региональной инновационной системы в регионы, подход не выдерживает научной критики.
Результативный	Возможность имеющихся ресурсов создавать инновации в широких масштабах деятельности. Способность системы к улучшению [23]. А также использование и учет скрытых возможностей.	Матвейкин В.Г., Дворецкий С.И, Минько Л.В. Чабан В.Г., Василенка В.О.	Учитываются скрытые возможности и способности к восприятию и внедрению инноваций.	Не учитывается оценка реализации инновационного потенциала.
Стратегический	Планируемые или сформированные ресурсы на достижение цели и задействованный в этом организационный механизм.	Голубков Е.П. [6, с. 700-704], Горемыкин В.А. [7, с. 200-245].	Учитываются все необходимые ресурсы для развития инновационного потенциала и разрабатывается организационный механизм.	Не производится оценка инновационного потенциала, а также не учитывает экономический механизм реализации потенциала.
Ресурсно-методический	Совокупность ресурсов, обеспечивающих готовность к изменениям и развитию инновационной деятельности.	Л.Г. Миляева, [20, с. 100-176], Белоусов Д.А. [11, с. 209-212], Л.В. Лощина	Проводится анализ имеющихся ресурсов.	Не проводится интегральная оценка, не учитывается оценка реализации инновационной деятельности.

Название подхода	Характеристика	Авторы	Достоинства	Недостатки
Научный	Подразумевает интегральную оценку инновационного потенциала, при которой главной характеристикой является научность.	Мухамедьяров А.М. [21, с. 40-45]	Учитывает множество разнонаправленных показателей.	Загруженность показателями.

Относительно потенциала госрегулирования процесса развития инноваций в сфере цифровизации, то стартап-компании усиленно стараются достичь высокой экономической реализации методом «проб и ошибок», затем следует реакция государственной власти в области нормативно-правового регулирования, что, однако, может подавлять введение инноваций. Поэтому органам власти необходимо маневрировать осторожно и предусмотрительно, чтобы не уничтожить инновации [28]. Стартап-компании представляют собой определенный тип бизнеса, направленный на получение прибыли от реализации инноваций.

На сегодняшний день процесс развития цифровой экономики и активного расширения информационно-телекоммуникационных технологий влечет за собой растущую потребность во внедрении и совершенствовании продукции во всех отраслях экономики. Процесс совершенствования означает процесс инновационного развития.

Существует также множество других подходов, при этом нет единого научного мнения к определению термина «инновационный потенциал».

Можно отметить, что инновационный потенциал зависит не только от имеющихся в наличии ресурсов, но и от условий развития инновационной продукции, внешней и внутренней среды, соответственно, по нашему мнению, инновационный потенциал – это возможности и способности к реализации инновационной продукции на основе имеющихся материально-технических, информационных и других ресурсов, с учетом внутренних и внешних факторов, характерных для той или иной экономической отрасли.

При этом инновационный потенциал инновационных и научно-исследовательских предприятий взаимодействует с элементами смежных подсистем и имеет их значительное влияние.

Как известно, в Региональную инновационную систему входит семь подсистем, в том числе [21]:

1. Подсистема производства знаний.
2. Подсистема распространения знаний.
3. Подсистема подготовки и обеспечения инновационной восприимчивости.
4. Подсистема использования знаний и реализация их результатов.
5. Подсистема подготовки кадров.
6. Подсистема информационного обеспечения и подготовки научно-методической базы.
7. Подсистема поддержки знаний.

Малые научно-исследовательские и инновационные предприятия входят в подсистему производства знаний и подсистему использования знаний и реализации результатов.

Соответственно необходимо выделить входящие в состав инновационного потенциала научно-исследовательских и инновационных предприятий элементы и оценить их место в инновационном процессе.

По нашему мнению, инновационный потенциал научно-исследовательских предприятий состоит из следующих подсистем (рис. 3.): 1) научно-информационная (научные библиотеки, труды

ученых, информация для использования в исследовательской и инновационной деятельности, информационно-телекоммуникационные ресурсы для проведения исследований); 2) материально-техническая (лаборатории, оснащенные необходимыми ресурсами, техникой и приборами для проведения исследований); 3) финансовая (инвестиции, гранты на проведение исследований); 4) социально-управленческая (взаимоотношения между разными социальными группами, эффективная иерархия должностей); 5) правовой (патентование); 6) творческий (создание проектов, прохождение различных курсов, повышение квалификации, семинары, тренинги и т.д.); 7) безопасный (ответственность за принятие решений в случаях возникновения угроз для жизни или причинения вреда от инновационного продукта); 8) кадровый (специалисты в области инновационного развития).

Рисунок 3 – Структура инновационного потенциала малых научно-исследовательских и инновационных предприятий

Каждая из выделенных подсистем не может быть единственной и основной в реализации инновационного потенциала научно-исследовательских предприятий, поэтому целесообразно учитывать их комплексно. Однако есть наиболее значимые подсистемы в процессе развития инновационного потенциала. На наш взгляд, сюда можно отнести финансовую, кадровую и безопасную. Процесс развития элементов, составляющих подсистемы инновационного потенциала малых научно-исследовательских предприятий, влияет на общее инновационное развитие и конкурентоспособность региона. Основной целью любого научного и инновационного предприятия является создание процесса, способствующего достижению результативности и активного коммерческого использования, а также укрепляющего свои позиции на рынке. Чтобы сформировать такой процесс необходимо рассмотреть составляющие инновационного потенциала. Разделим процесс на несколько этапов: первым этапом является создание ресурсной базы, затем идёт направленность деятельности на полезный эффект и, наконец, готовность воплощения проекта в жизнь (рис. 4).

Главной проблемой в оценке инновационного потенциала научно-исследовательских предприятий является выбор индикаторов результатов деятельности малых предприятий, а также формирование подхода.

Чтобы оценить инновационный потенциал малых научно-исследовательских предприятий необходимо выявить результаты их деятельности.

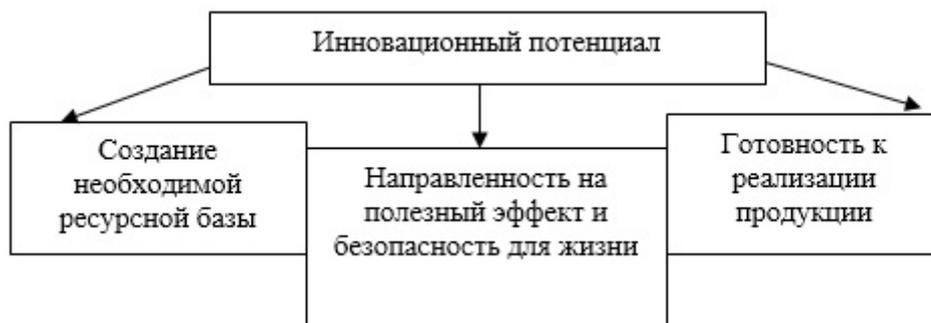

Рисунок 4 – Этапы формирования инновационного потенциала

Добиться реализации инновационного потенциала малых предприятий, в том числе увеличить число малых научно-исследовательских предприятий, возможно посредством их поддержки со стороны государства, это позволит достичь наиболее высокого показателя.

Были получены следующие результаты:

а) Изучен отечественный и зарубежный опыт к понятию термина «инновации» и «инновационный потенциал».

б) Систематизированы подходы к понятию «инновации» и «инновационный потенциал», используя отечественный и зарубежный опыт.

в) Предложена структура инновационного потенциала малых научно-исследовательских и инновационных предприятий.

г) Сформированы этапы оценки инновационного потенциала.

Следовательно, наша концепция вполне вписывается в разрабатываемое редколлегией направление теоретической экономики как нового парадигмального мейнстрима в экономических исследованиях, это подтверждают и другие мои публикации в журналах [25, 26].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С.Г. Интегральная оценка инновационного потенциала региона. Проблемы современной экономики. – 2009. – № 2(30). <http://www.mesonomy.ru> (Дата обращения: 01.01.2020)
2. Ахметов Т.Р. Уточнение понятия инновация, инновационный потенциал: социально-экономический и общественный аспект. Гуманитарные научные исследования. 2016. № 12 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2016/12/18642> (дата обращения: 03.02.2020).
3. Валинурова Л.С. Формирование и развитие инновационных систем в регионе: монография. – М.: Издательство «Палеотип», 2014. – 204 с.
4. Валов М.А. Анализ существующих подходов к определению экономической сущности понятия «инновация». Актуальные вопросы экономических наук. – 2012. – № 26. С. 80–83.
5. Голубков Е.П. Инновационный менеджмент. Технология принятия управленческих решений / Е.П. Голубков. – М.: Дело и сервис, 2012. – 464 с.
6. Горемыкин В.А. Планирование на предприятии: учеб. Пособие / В.А. Горемыкин. – М.: Юрайт, 2012. – 704 с.
7. Громека В. И. США: научно-технический потенциал. Социально-экономические проблемы формирования и развития. М.: Мысль, 1977, 245 с.
8. Демидов В.А., Лебедева Н.Н., Олейник О.С. Региональная инновационная: потенциал и тенденция развития. Волгоград. Изд-во ВолГУ, 2008. 318 с.
9. Захарченко А.И. Экономический механизм процесса нововведений: науч. Пособ. / А.И. Захарченко; под ред. И.П. Продюса. – Одесса: ИРЗНТиТ, 2005. – 449 с.

10. Инновационный потенциал: современное состояние и перспективы развития: моногр. / [В.Г. Матвейкин, С.И. Дворецкий, Л.В. Минько и др.] – М.: Машиностроение – 1, 2007. – 284 с.
11. Кириллова С.А. Концепция оценки инновационного потенциала региона. Проблемы функционирования и развития территориальных социально-экономических систем. 2015. С. 209–212.
12. Коротчаев А.С. Нововведения в промышленности США. Разработка и внедрение: научно-аналитический обзор. М. : ИНИОН, 1987. - 55 с.
13. Краюхин Г.А. Шабайкова Л.Ф. Инновации, инновационные процессы и методы их регулирования: сущность и содержание. – СПб: ГИЭА, 2010. – 286с.
14. Кузнецова Ю.А. Особенности типологии инноваций зарубежных и отечественных учёных и специалистов. Инновационная деятельность. – 2014. – № 3(30). – С. 32–38.
15. Лапин Е.В. Экономический потенциал предприятия: моногр. / Е.В. Лапин. – Сумы: Университетская книга. – 2002. – 310 с.
16. Волынкина М.В. Правовая сущность термина «Инновация» // Инновации. - № 1 (88). – 2006. – С.64-69.
17. Мартюшева Л.С. Инновационный потенциал предпринимательства как объект экономического достижения / Л.С. Мартюшева, В.О. Калишенко. Финансы Украины. – 2002. – № 10. – С.61-66.
18. Методология оценки функционирования инновационных систем: Коллективная монография / А.М. Мухамедьяров, Э.А. Диваева, А.И. Селезнева. – Уфа.: Изд-во «Гилем», 2012. – 184 с.
19. Миляева Л.Г. Уточнение понятия инновационный потенциал, базирующееся на методике структурированных процедур / Л.Г. Миляева, Д.А. Белоусов. Инновации. – 2002. - № 12. – С. 100-102.
20. Мухамедьяров А.М. Инновационный менеджмент: Учебное пособие / А.М. Мухамедьяров. М.: ИНФРА-М, 2013. – 176 с.
21. Печаткин В.В. Развитие инновационной системы Республики Башкортостан: прошлое, настоящее и будущее. Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России. – 2014. – С. 40-45.
22. Станиславик О.В. Оценка инновационного потенциала промышленных предприятий Украины: монография / О.В. Станиславик. – Одесса: ТЕС, 2007. – 139 с.
23. Теория экономического развития. Шумпетер Й. А. Издательство М: Директ-Медиа. – 2007. – С. 9-11.
24. Hinks S.B. The theory of wages. – NY: Macmillan. – 1932. – 5. – P. 22.
25. Алтуфьева Н.В. Стратегические приоритеты развития малых инновационных, малых и средних научно-исследовательских предприятий в Республике Башкортостан [Текст] / Н.В. Алтуфьева // Региональная экономика. Юг России. – 2019. Т. 7. № 2 (24). Число п/л=0,6) С. 60-66. DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2019.2.6>
26. Алтуфьева Н.В. Оценка развития малых научно-исследовательских и инновационных предприятий // Вестник СГЭУ. – 2019. - № 3 (173). С. 29-34. (число п/л=0,5). DOI: 10.12731/ID37285805
27. Gault F. (2019) User Innovation in the Digital Economy. Foresight and STI Governance, vol. 13, no 3, pp. 6–12. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.3.6.12.
28. Дёрр, Д., Ковальски, О., Невский, С. И. (2019). Цифровизация и денежный порядок. Проблемы и перспективы регулирования рынка криптовалют // Terra Economicus, 17(4), 6–22. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-6-22.

ВЛИЯНИЕ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНЬЮНКТУРЫ НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Шкиотов Сергей Владимирович

кандидат экономических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет»,
кафедра «Экономика и управление»,
г. Ярославль, Российская Федерация.
E-mail: shkiotov@yandex.ru

Маркин Максим Игоревич

старший преподаватель,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет»,
кафедра «Экономика и управление»,
г. Ярославль, Российская Федерация.
E-mail: markinmi@yandex.ru

Аннотация: Негативная макроэкономическая конъюнктура, санкционное противостояние со странами Запада, ослабление курса национальной валюты, падение реальных располагаемых доходов населения и другие социально-экономические вызовы, стоящие сейчас перед российской экономикой, актуализируют вопрос о влиянии этих факторов на состояние продовольственной безопасности страны. Предметом исследования является продовольственная безопасность России. Цель работы – с помощью методов экономико-математического моделирования оценить влияние макроэкономической конъюнктуры на состояние продовольственной безопасности России. В работе выдвинуты 2 гипотезы: 1) между динамикой реальных располагаемых доходов населения и экономической доступностью продуктов питания существует прямая (статистически значимая) зависимость; 2) между динамикой курса евро по отношению к рублю и долей импорта основной сельскохозяйственной, рыбной продукции и продовольствия в структуре личного потребления существует обратная (статистически значимая) зависимость. С помощью корреляционного анализа по большой выборке данных (исследовались: доля импорта основной сельскохозяйственной, рыбной продукции и продовольствия в структуре личного потребления; динамика курса евро по отношению к рублю; динамика реальных располагаемых доходов населения; потребление основных продуктов питания в РФ) в долгосрочном временном интервале (8 лет) выдвинутые гипотезы верифицируются. Результаты анализа подтвердили 1 гипотезу: с падением реальных располагаемых доходов, россияне стали меньше потреблять импортные и дорогие продовольственные продукты (овощи и другие бахчевые культуры, фрукты и ягоды, мясо и мясопродукты, масло растительное) и больше отечественные, более дешевые (хлебобулочные и макаронные изделия). Гипотеза 2 в целом не подтвердилась: рост курса евро по отношению к рублю отразился лишь на двух продовольственных группах: рыбе (тесная прямая взаимосвязь) и мясу и мясопродуктам (заметная обратная связь).

Ключевые слова: экономическая безопасность, продовольственная безопасность, корреляционный анализ, верификация гипотезы, количественная оценка

JEL: R53, R11, C12

THE IMPACT OF THE MACROECONOMIC ENVIRONMENT ON ENSURING FOOD SECURITY IN RUSSIA

Shkyotov Sergey Vladimirovich
candidate of economic sciences,
associate professor of the Department of Economics and Management of the Yaroslavl State Technical University,
Yaroslavl, Russian Federation

Markin Maksim Igorevich

Senior Lecturer of the Department of Economics and Management of the Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl, Russian Federation

Abstract: The negative macroeconomic situation, the sanctions confrontation with the Western countries, the weakening of the national currency, the fall in the real disposable income of the population and other socio-economic challenges facing the Russian economy now raise the issue of the influence of these factors on the state of food security of the country. The subject of this research is the food security of Russia. The purpose of this work is to assess the impact of the macroeconomic environment on the state of food security in Russia using methods of economic and mathematical modeling. The work put forward 2 hypotheses: 1) there is a direct (statistically significant) relationship between the dynamics of the real disposable income of the population and the economic availability of food; 2) there is an inverse (statistically significant) relationship between the dynamics of the euro exchange rate against the ruble and the share of imports of basic agricultural, fish and food products in the structure of personal consumption. Using a correlation analysis on a large sample of data (the following were investigated: the share of imports of basic agricultural, fish and food products in the structure of personal consumption; dynamics of the euro exchange rate against the ruble; dynamics of real disposable income of the population; consumption of basic food products in the Russian Federation) in the long-term time interval (8 years) the hypotheses put forward are verified. The results of the analysis confirmed one hypothesis: with the fall in real disposable income, Russians began to consume less imported and expensive food products (vegetables and other melons, fruits and berries, meat and meat products, vegetable oil) and more domestic, cheaper products (bakery and pasta). Hypothesis 2 was generally not confirmed: the rise in the euro exchange rate against the ruble affected only two food groups: fish (a close direct relationship) and meat and meat products (noticeable feedback).

Keywords: economic security, food security, correlation analysis, hypothesis verification, quantitative assessment

Введение

Наша страна последние месяцы живет в другой реальности – в реальности коронавирусной пандемии. В целом же проблемы в мире начались с самого начала года. Из-за введенных ограничений в большинстве стран мира были нарушены экономические связи, логистические цепочки, что привело к рецессиям в мировых экономиках как развитых, так и развивающихся странах. Эти изменения коснулись каждого, начиная от крупных корпораций, заканчивая рядовым гражданином страны.

В этом году обновленные данные по целому ряду стран позволили более точно оценить масштабы голода в мире. Однако даже пересмотренные результаты подтверждают отмеченную в предыдущих выпусках тенденцию: с 2014 года количество голодающих в мире медленно растет. Согласно прогнозам, мир не успевает достичь нулевого голода к 2030 году; несмотря на некоторый прогресс, большая часть показателей свидетельствует о запаздывании в достижении глобальных целей в области питания. Воздействие пандемии COVID-19 на здравоохранение, социальную и экономическую сферы может обусловить дальнейшее снижение уровня продовольственной безопасности и ухудшение пищевого статуса наиболее уязвимых групп населения [1].

В то время как человечество борется с глобальной пандемией COVID-19 Организация Объединенных Наций предупреждает о растущей угрозе продовольственной безопасности. На протяжении всей мировой истории было много продовольственных кризисов. Они часто были результатом региональных событий, таких как политические беспорядки или чрезвычайные погодные условия и стихийные бедствия (наводнения, ураганы, засухи и т. д.). Нынешняя угроза продовольственной безопасности уникальна. Она несет угрозу всем регионам мира и обусловлена многочисленными факторами, связанными с воздействием COVID-19 на мировую экономику. Без сомнения, страны, которые уже страдают от продовольственного кризиса или с трудом пытаются избежать его, пострадают больше всего.

В условиях этой пандемии обеспечивать людей продуктами и помочь людям выжить будет намного сложнее. Новые потрясения будут наносить ущерб международной экономике и продовольственным системам, которые зависят от того, какие цепочки поставок остаются в эксплуатации.

Представители Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) и Всемирной торговой организации (ВТО) серьезно обеспокоены. Они боятся, что недоступность продуктов питания в некоторых странах может привести к ограничению экспорта их правительствами. В мире с высокой степенью глобализации это может серьезно нарушить систему поставок продуктов питания.

Сельскохозяйственные предприятия зачастую малорентабельны, и падение объема продаж может существенно повлиять на их доходность. Если кризис окажется затяжным, то многие предприятия могут обанкротиться, как это произошло в российском сельскохозяйственном секторе вследствие предыдущего кризиса.

Сейчас, когда фиксируется рост спроса на сельскохозяйственную продукцию со стороны супермаркетов и населения, приобретающего продукты для потребления дома, а спрос со стороны ресторанов, школ и других организаций снижается, могут возникать проблемы в цепочках поставок. Например, в супермаркетах продукты продаются в небольших упаковках со штрих-кодом, считываемым кассовым аппаратом при оплате покупок. По этой причине периодически может возникать дефицит продуктов даже в условиях, когда сельхозпроизводители не могут продать свою продукцию. Несмотря на имеющиеся складские запасы продуктов, по всей вероятности, недостаточная гибкость цепочек поставок не позволяет оперативно переориентировать систему поставок на розничные продажи.

Краеугольным камнем для правительств во всем мире стало спасение человеческих жизней, минимизация человеческих смертей. Без развития промышленности, технологий, туризма, фитнес индустрии и прочих отраслей мир может прожить не один год, а вот без продовольствия считанные дни. Согласно данным, опубликованным в последнем Глобальном докладе о продовольственных кризисах, в конце 2019 года 135 млн. человек в 55 странах страдали от острой формы отсутствия продовольственной безопасности. Более половины из них проживают в Африке, 43 млн. человек живут на Ближнем Востоке и в Азии, 18,5 млн. – это жители Латинской Америки и Карибского бассейна. Основными факторами выступили конфликты, экстремальные погодные явления и экономические неурядицы. Пандемия COVID-19 может привести к еще большему росту этих показателей.

Во второй половине января 2020 года в России была утверждена новая «Доктрина продовольственной безопасности», согласно которой продовольственная независимость определяется как уровень самообеспечения в процентах, рассчитываемый как отношение объема отечественного производства сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия к объему их внутреннего потребления и имеющий пороговые значения в отношении позиций, представленных ниже на рисунке 1 [2].

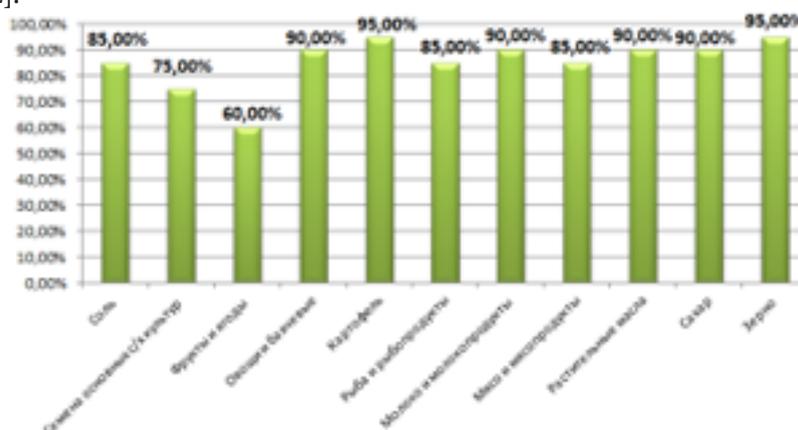

Рисунок 1 Уровень самообеспечения продуктами питания в соответствии с «Доктриной Продовольственной безопасности России», %

Когда стала появляться информация о первых инфицированных в России, в силу страха люди стали буквально «сметать» всё продовольствие с полок в магазинах. Такая ситуация наблюдалась во многих странах мира, спустя время ажиотаж сошёл на нет, несмотря на то, что в СМИ появлялась информация о том, что стран ждёт голод.

Министерство сельского хозяйства РФ в середине июня 2020 года сообщило, что, несмотря на непростые погодные условия, складывающиеся в ряде регионов, а также распространение коронавируса, весенние полевые работы в целом прошли вполне штатно. Более того, урожай зерна в России дошёл до 122,5 млн. тонн, что даже больше, чем в 2019 году. Следовательно, можно с уверенностью сказать, что ни о каком дефиците зерна, картофеля и овощей в 2020 году речи не идет. Данные о посевных кампаниях картофеля и овощей в России в 2020 году также выглядят неплохо.

Если рассматривать мясной сектор, в России, то по сведениям Росстата объем выпуска мяса и субпродуктов в России в январе – мае 2020 года составил 3,5 млн. тонн – на 6,5% больше, чем годом ранее.

«Соляных» и «сахарных» бунтов в нашей стране также не предвидится. По данным Росстата валовый сбор сахарной свеклы в 2019 году составил 54,35 млн. тонн, что выше уровня 2018 года на 29,2%. Рекордные объемы производства сахара привели к обвалу цен на эту продукцию в России, в результате чего в начале 2020 года свою деятельность нескольким сахарным заводам даже пришлось остановить. Объемы производства пищевой соли в России в январе – мае 2020 года составили 374,9 тыс. тонн – это также на 6,6% больше, чем за аналогичный период годом ранее.

Рассматривая сегмент «рыбы и рыбопродуктов», стоит сказать сразу, что и в данном сегменте по итогам первой половины 2020 года в России складывалась положительная динамика. Объем производства переработанной и консервированной рыбы, ракообразных и моллюсков в январе – мае 2020 года увеличился в сравнении с аналогичным периодом годом ранее на 8%.

Правительством Российской Федерации поставлена задача по увеличению выручки от экспорта сельскохозяйственной продукции до 45 млрд долларов США к 2024 году. В настоящий момент это показатель составляет порядка 25-27 млрд долларов США. В целом ожидается увеличение роста экспорта зерна с 43 до 45 млн тонн, что соответствует стратегии развития зернового комплекса, согласно которой ключевой задачей является диверсификация структуры экспорта и увеличение объемов экспорта других видов зерновых и продукции переработки зерна помимо пшеницы. В настоящий момент серьезных срывов поставок российских зерновых культур на экспорт не ожидается.

Двадцатого марта 2020 г. правительство заявило о том, что из-за распространения COVID-19 будут введены квоты на экспорт «социально значимых видов зерновых культур». Перечень таких зерновых культур еще не опубликован, однако по сообщениям новостных агентств, речь идет о гречке и рисе. При этом объемы экспорта указанных двух культур крайне низкие, и Россия не является важным игроком на рынках этих культур. Запрет на экспорт гречки может в какой-то степени повлиять на региональные рынки в Закавказье и Центральной Азии, однако российский рис не является основной импортируемой культурой в указанном регионе.

В этом году качество российской пшеницы улучшилось. Россия обычно поставляет на экспорт пшеницу 4-го класса. Пшеница более высокого качества поступает на российские предприятия по переработке зерна. Таким образом, улучшение качества пшеницы может привести к сокращению объемов её экспорта.

Правительство объявило о введении отсрочки налоговых платежей и предоставлении кредитов под низкий процент предприятиям отраслей, пострадавшим из-за кризиса, вызванного COVID-19, в том числе предприятиям сельскохозяйственного сектора. Кроме того, Министерство сельского хозяйства РФ запросило дополнительные средства для предоставления субсидий, которые, по всей вероятности, будут направляться на субсидирование процентной ставки по сельскохозяйственным

ссудам.

До сих пор ущерб, нанесенный вирусом COVID-19 экономике, не привел ни к какому широкомасштабному голоду или недоеданию. Но пандемия коронавируса может способствовать крупной продовольственной катастрофе. Риск возрастет, если международное сообщество не предпримет подготовительные меры, которые обеспечат уязвимые слои населения достаточным количеством продовольствия для выживания.

Конечно, сложно сказать, как будет развиваться ситуация дальше, но стоит отметить, что Россия довольно успешно прошла первые трудности.

Обеспечение национальной безопасности является приоритетным направлением государственной политики любой страны мира. Традиционно, национальная безопасность рассматривается как сложная система, состоящая из большого числа взаимозависимых элементов/подсистем. Одним из структурных элементов национальной безопасности страны является продовольственная безопасность.

При этом в научной литературе трактовка понятия «продовольственная безопасность» у разных авторов имеет существенные отличия (см. табл.1). Так, одни отождествляют ее с продовольственной независимостью страны, другие с качеством жизни населения, однако, в любом случае, каждый исследователь вносит свой вклад в раскрытие сущности и содержания понятия «продовольственная безопасность».

Таблица 1 – Многообразие подходов к определению понятия «продовольственная безопасность»

Автор	Определение
ООН	Сохранение стабильности на рынках продовольственных товаров при доступности базовых продуктов питания для всех стран мира [8].
В.Н. Бурмистрова	Продовольственная безопасность достигается путем обеспечения физического и экономического доступа к безопасному и достаточному продовольствию [19].
Н.Ф. Колодина	Продовольственная безопасность страны – это неотъемлемая часть ее национальной безопасности. В ее основе лежит устойчивое самообеспечение населения продукцией в каждом отдельно взятом регионе [20].
П.В. Лещиловский	Под продовольственной безопасностью следует понимать такое состояние экономики, при котором независимо от конъюнктуры мировых рынков гарантируется стабильное обеспечение населения продовольствием в количестве, соответствующем научно обоснованным параметрам (предложение), с одной стороны, и создаются условия для поддержания потребления на уровне медицинских норм (спрос), с другой стороны [9].
Э.Н. Крылатых	Обеспечение продовольственной независимости и безопасности государства тождественно достижению устойчивого, экономически эффективного, конкурентоспособного и экологически безопасного производства в АПК, которое способно сбалансировать предложение конечной продукции и текущий потребительский спрос на приемлемом для населения ценовом уровне при достаточном продуктово-ассортименте, а также создать необходимые резервы продукции [10].

В.С. Балабанов, Е.Н. Борисенко	В самом общем виде под продовольственной безопасностью понимается такой уровень национального производства продовольствия, который позволяет реализовать принцип самообеспечения населения основными продуктами питания и государственных резервов в соответствии с научно обоснованными нормами [11].
А.И. Алтухов	Продовольственная безопасность – способность государства гарантировать удовлетворение потребности в продовольствии на уровне, обеспечивающем нормальную жизнедеятельность населения [12].
И.Г. Ушачев	Рассматривает продовольственную безопасность как систему экономических, технологических, организационных, экологических, социальных и других факторов, которые направлены на стабильное, устойчивое функционирование агропромышленного комплекса. Эта система нацелена на удовлетворение населения необходимыми и конкурентоспособными продовольственными продуктами по научно-обоснованным нормам, создание необходимых страховых запасов. Излишки продукции экспортируются. При этом соблюдается условие: нужно обеспечивать невысокую степень (5-8%) уязвимости продовольственного снабжения в случае осложнений при поступлении отдельных видов продовольствия по импорту. Речь идет о продуктах, для производства которых нет необходимых природных условий [13].
А.И. Страхов, А.М. Залялов	Продовольственная безопасность трактуется как: - такоесостояниенароднохозяйственногокомплекса,котороепозволяет добиться устойчивого и эффективного экономического развития, достаточного для формирования необходимой обороноспособности, своевременного прогрессивного технологического перевооружения хозяйствующих субъектов, охраны окружающей среды; - создание и поддержание на национальном уровне необходимых и достаточных условий для устойчивого и поступательного развития хозяйства суверенного государства; - часть концепции международной безопасности, которая предполагает нахождение коллективных по форме и конструктивных по содержанию способов и механизмов разрешения возникающих экономических конфликтов и противоречий, накопившихся структурных диспропорций [14].

Современные работы зарубежных ученых – Пинстропа-Андерсена, Коизуми Т., Шмидхабера и Тубиелло, Портера Дж. и Зи Л., Годфрея Х. и Беддингтона Дж., акцентируют внимание на глобальных вызовах продовольственной безопасности: проблема изменения климата, вызовы роста численности населения, использование биотоплива в промышленности [1-5].

Если обратиться к российскому нормотворчеству, то понятие «продовольственная безопасность» содержится, например, в Доктрине продовольственной безопасности РФ: «Продовольственная безопасность Российской Федерации – состояние экономики страны, при котором обеспечивается продовольственная независимость Российской Федерации, гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого гражданина страны пищевых продуктов, соответствующих

требованиям законодательства Российской Федерации о техническом регулировании, в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевых продуктов, необходимых для активного и здорового образа жизни» [7].

Обобщая все многообразие подходов к определению сущности продовольственной безопасности страны, можно выделить 2 ключевых аспекта этого феномена. Первый – социально-экономический – характеризует способность государства обеспечивать своим гражданам потребление основных продуктов питания в соответствии с принятыми стандартами и нормами (экономическая доступность продовольствия). Второй аспект – политико-экономический – характеризует способность государства к мобилизации внутренних ресурсов и агроэкономического потенциала страны для организации снабжения населения преимущественно за счет собственного производства и тем самым гарантировать экономическую самостоятельность и политический суверенитет (физическая доступность продовольствия).

Подобное понимание позволяет дать количественную оценку продовольственной безопасности страны с помощью двух групп показателей:

- уровня и динамики потребления основных продуктов питания с учетом их дифференциации по группам населения с различными доходами;
- уровня самообеспечения страны продовольствием, в том числе в разрезе основных продуктов питания [6].

При этом, первый критерий характеризует экономическую доступность, второй – физическую.

Негативная макроэкономическая конъюнктура, санкционное противостояние со странами Запада, ослабление курса национальной валюты, падение реальных располагаемых доходов населения и другие социально-экономические вызовы, стоящие сейчас перед российской экономикой, актуализируют вопрос о влиянии этих факторов на состояние продовольственной безопасности страны.

Далее в работе с помощью методов экономико-математического моделирования верифицируем ряд гипотез.

Гипотеза 1: между динамикой реальных располагаемых доходов населения и экономической доступностью продуктов питания существует прямая (статистически значимая) зависимость. Объяснение – растущие доходы населения позволяют потреблять большее количество продуктов питания.

Гипотеза 2: между динамикой курса евро по отношению к рублю и долей импорта основной сельскохозяйственной, рыбной продукции и продовольствия в структуре личного потребления существует обратная (статистически значимая) зависимость. Объяснение – девальвация рубля по отношению к евро приведет к удорожанию импорта и негативно скажется на динамике потребления иностранного продовольствия.

Методологическая база исследования

А) Период исследования – 8 лет (долгосрочный).

Б) Используемые показатели:

- доля импорта основной сельскохозяйственной, рыбной продукции и продовольствия в структуре личного потребления (в %);
- динамика курса евро по отношению к рублю (абсолютные значения);
- динамика реальных располагаемых доходов населения (в %);
- потребление основных продуктов питания в РФ (на душу населения в год, кг).

В) Методы исследования: для проверки выдвинутой гипотезы используется корреляционный анализ. Значения коэффициента корреляции Пирсона важно для исследований, в которых значение показателя близко к нормальному. Он принимает значение в интервале от – 1 до +1. Отрицательные

значения, свидетельствуют о наличии обратной связи между показателями, положительные – о прямой связи. При значении коэффициента корреляции равного 0, связь между показателями отсутствует. Для классификации связи по значению линейного коэффициента корреляции используется шкала Чеддока (см. табл. 2) [15].

Г) Для проведения корреляционного анализа в работе использовался программный продукт «Statistica» от StatSoft.

Таблица 2 – Шкала Чеддока для оценки корреляции [15]

Значение	0 : 0,1	0,11 : 0,3	0,31 : 0,5	0,51 : 0,7	0,71 : 0,9	0,91 : 0,99	0,991 : 1
Характеристика связи	отсутствует	слабая	умеренная	заметная	тесная	сильная	функциональная

Вывод о наличии или отсутствии корреляционной связи между исследуемыми показателями можно сделать лишь после проверки значимости коэффициента корреляции. Это связано с тем, что надежность коэффициента корреляции зависит от объема выборки, – не исключена ситуация, когда величина коэффициента корреляции будет целиком связана со случайными изменениями в выборке. При проведении данного исследования для проверки значимости коэффициента корреляции был установлен уровень значимости в 10% [15].

Исходные данные для анализа: значение анализируемых показателей в 8-и летнем временном интервале приведено в таблицах 3-6.

Основная часть

Таблица 3 – Динамика реальных располагаемых доходов в России, 2010-17 гг. (в %) [приведено по: 16]

Годы	Реальные располагаемые доходы
2010	5,9
2011	0,5
2012	4,6
2013	3,3
2014	-0,7
2015	- 3,2
2016	-5,9
2017	- 1,2

Таблица 4 – Динамика курса евро по отношению к российскому рублю, 2010-17 гг. (среднегодовое значение) [приведено по: 17]

Годы	Курс рубля по отношению к евро
2010	30,3692
2011	29,3874
2012	31,093
2013	31,848
2014	38,4217
2015	60,9579
2016	67,0349
2017	65,3529

Таблица 5 – Доля импорта основной сельскохозяйственной, рыбной продукции и продовольствия в структуре личного потребления в 2010-2017 гг. (в %) [приведено по данным: 18]

Продукты/годы	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Картофель	6,4	4,4	2,6	4,7	6,2	4,8	6,4	5,7
Овощи и другие бахчевые культуры	17,4	16,9	16,8	16,8	17,4	17,9	18,1	16,2
Фрукты и ягоды	79,0	77,7	76,2	76,8	70,0	78,4	71,7	73,3
Мясо и мясопродукты	32,3	29,5	26,4	21,2	16,3	22,9	17,9	12,7
Молоко и молокопродукты	19,5	19,1	21,2	25,2	25,3	26,5	25,7	22,7
Рыба	52,3	53,5	54,2	58,2	58,0	59,6	59,5	59,5
Яйца и яйцепродукты	3,0	3,2	3,0	3,1	3,2	3,1	3,1	3,1

Таблица 6 – Потребление основных продуктов питания РФ (на душу населения в год, кг), 2010-17 гг. [приведено по данным: 18]

Продукты/годы	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	Норма потребления
Картофель, кг	105	109	104	110	111	111	111	112	90
Овощи и другие бахчевые культуры, кг	100	102	101	106	109	109	111	111	140
Фрукты и ягоды, кг	56	58	58	60	61	64	64	61	100
Мясо и мясопродукты, кг	67	69	69	71	74	75	74	73	73
Молоко и молокопродукты, кг	242	243	247	246	249	248	244	239	325
Яйца и яйцепродукты, шт.	265	269	269	271	276	269	269	269	260
Рыба и рыбопродукты, кг	20	21	22	23	24,8	24,8	22,8	19,8	22
Сахар, кг	38	39	39	40	40	40	40	39	24
Масло растительное, кг	13,2	13,3	13,4	13,5	13,7	13,7	13,8	13,6	12
Хлебобулочные и макаронные изделия, кг	117	118	120	119	119	118	118	118	96

Результаты корреляционного анализа представлены в таблицах 7-8.

Таблица 7 – Корреляция между динамикой курса евро по отношению к рублю и долей импорта основной сельскохозяйственной, рыбной продукции и продовольствия в структуре личного потребления

Variable	Correlations							
	Var1	Var2	Var3	Var4	Var5	Var6	Var7	Var8
Var1	1,00000	0,39360	0,29119	-0,40322	-0,67945	0,58241	0,79940	0,07064

Таблица 8 – Корреляция между динамикой реальных располагаемых доходов населения и потреблением основных продуктов питания РФ (на душу населения в год, кг)

Variable	Correlations										
	Var1	Var2	Var3	Var4	Var5	Var6	Var7	Var8	Var9	Var10	Var11
Var1	1,00000	-0,70376	-0,77873	-0,86125	-0,78600	0,16876	0,08853	-0,21490	-0,43276	-0,78044	0,77898

Обсуждение результатов

Результаты анализа позволяют сделать следующие выводы.

Гипотеза 1 в целом подтвердилась: между динамикой реальных располагаемых доходов населения и экономической доступностью продуктов питания существует прямая (статистически значимая) зависимость. С падением реальных располагаемых доходов, россияне стали меньше потреблять импортные и дорогие продовольственные продукты (овощи и другие бахчевые культуры, фрукты и ягоды, мясо и мясопродукты, масло растительное) и больше отечественные, более дешевые (хлебобулочные и макаронные изделия).

Гипотеза 2 в целом не подтвердилась: между динамикой курса евро по отношению к рублю и долей импорта основной сельскохозяйственной, рыбной продукции и продовольствия в структуре личного потребления существует обратная (статистически значимая) зависимость. Рост курса евро по отношению к рублю отразился лишь на двух продовольственных группах: рыбе (тесная прямая взаимосвязь) и мясу и мясопродуктам (заметная обратная связь).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Pinstrup-Andersen P. Food security: definition and measurement // Food Security. – 2009. - 1(1). P. 5–7. <https://doi.org/10.1007/s12571-008-0002-y>
2. Koizumi T. (2014). Biofuels and food security. In Springer Briefs in Applied Sciences and Technology (pp. 103–121). Springer Verlag. https://doi.org/10.1007/978-3-319-05645-6_7
3. Schmidhuber J., Tubiello F.N. (2007). Global food security under climate change. Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America, 104(50), 19703–8. <https://doi.org/10.1073/pnas.0701976104>
4. Porter J.R., Xie L., Challinor A.J. (2014). Food security and food production systems. In Climate Change 2014: Impacts, Adaptation, and Vulnerability. Part A: Global and Sectoral Aspects. Contribution of Working Group II to the Fifth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change (pp. 485–533). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2009.00312.x>
5. Godfray H.C.J., Beddington J.R. (2010). Food security: the challenge of feeding 9 billion people. Science (New York, N.Y.), 327(5967), 812–8. <https://doi.org/10.1126/science.1185383>
6. Гумеров Р.Р. Продовольственная безопасность России: проблемы и угрозы // ЭКО. – 2016. – № 5. – С. 71-88.
7. Указ Президента РФ от 30 января 2010 г. N 120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации». [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/12172719/>
8. Белозеров И.П. Место и значимость экономической безопасности в структуре национальной безопасности России // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2009. - №2. – С. 94-100.
9. Давиденко И.В. Анализ теоретических подходов к определению понятия «Экономическая безопасность» // Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2012. - №2. – С. 226-230.
10. Лалаян Г.Г. Сущность проблемы обеспечения продовольственной безопасности // Научный журнал КубГАУ. – 2013. - №93(09). – С.1-13.
11. Балабанов В.С. Продовольственная безопасность: (международные и внутренние аспекты) / В.С. Балабанов, Е.Н. Борисенко. – М.: Экономика, 2002. – 544с.

12. Алтухов А.И. Развитие продовольственного рынка России. – М.: АФИ-Пресс, - 2000. – 444с.
13. Ушачев И.Г. Стратегические подходы к развитию АПК России в контексте межгосударственной интеграции // Аграрная политика: проблемы и решения. – 2015. - №1. – С.3-16.
14. Страхов А.И. Экономическая безопасность // ЭКО. – 1998. - №7. – С.64-67.
15. Шкиотов С.В., Маркин М.И. Верификация взаимосвязи между уровнем национальной конкурентоспособности и качеством жизни населения на примере развитых стран мира // Теоретическая экономика. – 2018. - №1. – С.36-46.
16. Реальные доходы населения России: динамика с 2000 по 2017. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://investorschool.ru/realnye-dohody-naseleniya-rossii-dinamika-s-2000-po-2017>
17. Динамика курса Евро. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <https://finance.rambler.ru/currencies/dynamics/EUR/>
18. Балансы продовольственных ресурсов. Росстат. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/economy/
19. Внешняя торговля РФ: Учеб. пособие / Под ред. В.Н. Бурмирова. – М.: ЮРИСТЪ, 2001. – 384 с.
20. Колодина Н.Ф. Методологические положения исследования продовольственной безопасности региона в условиях импортозамещения // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2015. - № 13 (188)

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ БЮДЖЕТНЫХ АВИАКОМПАНИЙ «VOLOTEA» И «VUELING» НА РЫНОК ПАССАЖИРСКИХ АВИАПЕРЕВОЗОК ИСПАНИИ В УСЛОВИЯХ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Рублев Владимир Владимирович

аспирант

ФГБОУ ВО Владимирский государственный университет,

г. Ярославль, Российская Федерация.

ORCID: 0000-0002-5673-6573

Аннотация: На основании данных о деятельности двух крупнейших бюджетных авиакомпаний Испании «Volotea» и «Vueling» представлено заключение о том, что важнейшим элементом построения маршрутной сети бюджетных авиаперевозчиков является развитие региональных направлений малой и средней дальности (от 500 до 1500 км). Это позволяет достигать высокого показателя эксплуатационной эффективности парка воздушных судов и выстраивать развитую сеть авиатранспортного сообщения региональных аэропортов.

Ключевые слова: рынок авиаперевозок, региональное авиасообщение, региональные аэропорты, бюджетные авиакомпании.

JEL: N72

ANALYSIS OF THE IMPACT OF BUDGET AIRLINES «VOLOTEA» AND «VUELING» ON THE SPANISH PASSENGER AIR TRANSPORT MARKET IN THE CONTEXT OF MACROECONOMIC INSTABILITY

Rublev Vladimir Vladimirovich,

postgraduate student, Vladimir State University. Institute of Economics and Management

Abstract: Based on the data on the activities of the two largest budget airlines in Spain, «Volotea» and «Vueling», it is concluded that the most important element of building a route network of budget air carriers is the development of regional destinations of short and medium range (from 500 to 1500 km). This makes it possible to achieve a high level of operational efficiency of the aircraft fleet and build a developed network of air transport services at regional airports.

Keywords: air transportation market, regional air traffic, regional airports, low-cost airlines.

Введение.

Бюджетные авиакомпании на рынке пассажирских авиаперевозок начали приобретать популярность на рубеже 2000-2005 гг. Основываясь на концепции минимизации производственных издержек и предлагая своим пассажирам приобретение авиабилетов существенно ниже стоимости классических авиаперевозчиков, бюджетные авиакомпании стали полноправными участниками рынка пассажирских перевозок. Важным историческим этапом развития для деятельности бюджетных авиакомпаний стал период макроэкономической нестабильности, вызванный влиянием мирового финансового кризиса 2008 года. Падение потребительской активности ослабило классических авиаперевозчиков, ввиду падения спроса и повышения цен на топливо. В то время, как бюджетные авиакомпании усилили позиции на рынке, заняв до 50% регионального рынка пассажирских авиаперевозок и до 80% в структуре маршрутной сети региональных аэропортов. Бюджетные

авиакомпания предлагают своим пассажирам приобретение авиабилетов без стандартного набора услуг. Пассажир приобретет услугу перелета с возможностью провоза ручной клади (от 5 до 12 кг в зависимости от политики бюджетной авиакомпании). Пассажир вправе приобрести дополнительно услуги по провозу регистрируемого багажа, по выбору места в салоне воздушного судна (в т.ч. места с увеличенным пространством для ног), а также приобрести питание на борту воздушного судна. Парк бюджетных авиакомпаний составляют узкофюзеляжные воздушные суда с одноклассовой компоновкой салона, способные перевозить от 140 до 220 пассажиров. Значительная доля рейсов бюджетных авиакомпаний – это региональные авиатранспортные маршруты малой и средней дальности (от 500 до 1500 км). Таким образом, бюджетные авиакомпании достигают высокого показателя эксплуатационной эффективности, совершая одним воздушным судном 6-8 рейсов в сутки и перевозя до 1000 пассажиров. По итогам деятельности за 2019 год на рынке пассажирских авиаперевозок бюджетные авиакомпании заняли 3 позиции из 6, составив конкуренцию крупнейшим авиационным холдингам из Великобритании, Германии, Франции и Нидерландов. (Таблица-1)

Представленные в таблице расчеты свидетельствуют о том, что наивысший показатель эксплуатационной эффективности парка воздушных судов имеют бюджетные авиакомпании. Венгерская бюджетная авиакомпания «Wizz Air» одним воздушным судном перевезла в 2019 году 360 тысяч пассажиров, ирландская «Ryanair» - 343 тысячи пассажиров, а британская «easyJet» - 289 тысяч пассажиров. Далее со значительным отрывом следуют три крупнейшие европейские авиационные холдинги: «LAG», «Lufthansa Group», «Air France – KLM».

Таблица-1. Крупнейшие авиакомпании Европы (по состоянию на 21.02.2020 г.) [1]

Название авиакомпании (Страна)	Сегмент	Количество перевезенных пассажиров (2019 г.), млн. чел.	Количество воздушных судов, ед.
«Ryanair» (Ирландия)	Бюджетная авиакомпания	152	442
«Lufthansa Group» («Lufthansa», «Germanwings», «Eurowings», «Swiss», «Austrian Airlines», «Brussels Airlines») (Германия, Австрия, Бельгия, Швейцария)	«Lufthansa», «Swiss», «Austrian Airlines», «Brussels Airlines» – классические авиакомпании. «Germanwings», «Eurowings» - бюджетные авиакомпании.	145	760
«LAG» («British Airways», «Iberia», «Vueling», «Aer Lingus», «LEVEL») (Великобритания, Испания)	«British Airways», «Iberia» – классические авиакомпании. «Vueling», «Aer Lingus», «LEVEL» - бюджетные авиакомпании	118	589
«easyJet» (Великобритания)	Бюджетная авиакомпания	96,1	332
«Air France – KLM» (Франция, Нидерланды)	«Air France», «KLM» Классические авиакомпании. «Transavia» - бюджетная авиакомпания.	87,6	546

«Wizz Air» (Венгрия)	Бюджетная авиакомпания	39,6	110
----------------------	------------------------	------	-----

Цель исследования.

Целью проводимого исследования является заключение о роли и влиянии бюджетных авиакомпаний Испании «Volotea» и «Vueling» на рынок пассажирских авиаперевозок. На основании опыта преодоления последствий мирового финансового кризиса 2008 года роль и влияние бюджетных авиакомпаний на рынок пассажирских авиаперевозок существенно возросли. Преодоление кризиса 2020 года, вызванного пандемией COVID-19, может способствовать развитию направлений бюджетных авиаперевозок России. Классические российские авиакомпании могут применить в маркетинговой стратегии элементы концепции бюджетных авиакомпаний, направленные на минимизацию производственных издержек с целью удешевления стоимости авиабилета и стимулирования спроса. Вторым возможным сценарием на рынке пассажирских авиаперевозок в условиях макроэкономической нестабильности является переход в сегмент бюджетных авиакомпаний ряда российских авиаперевозчиков и выстраивание маршрутной сети с высокой долей рейсов малой и средней дальности.

Материалы и методы исследования.

Исследованию деятельности бюджетных авиакомпаний посвящены труды российских и зарубежных ученых. Вопросам влияния бюджетных авиаперевозчиков на национальный рынок пассажирских авиаперевозок посвящена статья Гапоненко Г.И. и Василенко А.В. «Тенденции развития лоукост - авиакомпаний в Украине и их влияние на отечественный туристический рынок». [2] Авторы исследования затрагивают вопросы взаимодействия бюджетных авиакомпаний и туристических операторов, ключевой целью которых является развитие национальной системы внутреннего и международного туризма. Стоит отметить, что европейский опыт доказывает неэффективность данного направления сотрудничества по причине того, что значительная часть клиентов бюджетных авиакомпаний осуществляет самостоятельные путешествия. В статье Мальцева А.А. и Матвеевой А.В. «Международные пассажирские авиаперевозки: детерминанты взрывного роста» [3] авторы исследования заключают, что бюджетные авиакомпании являются основным фактором роста и развития рынка пассажирских авиаперевозок. Бюджетные авиакомпании успешно увеличивают и обновляют парк воздушных судов, расширяют маршрутную сеть, показывают более высокую динамику развития по сравнению с классическими авиакомпаниями. В статье Губенко А.В., Растовой Ю.И., Панкратовой А.Р. «Современное состояние и перспективы развития рынка пассажирских авиаперевозок в России» [4] авторами представлено заключение о том, что российский рынок пассажирских авиаперевозок будет демонстрировать рост и развитие в условиях увеличения роли и влияния бюджетных авиаперевозчиков. В статье Гулиевой С.В. «Состояние и тенденции развития туризма в Испании в современных условиях» [5] представлены практические рекомендации развития направления туризма в условиях макроэкономической нестабильности. Автор исследования заключает, что развитие международных направлений испанских бюджетных авиакомпаний способствует увеличению туристического потока из России, в т.ч. граждан, путешествующих самостоятельно. Автором настоящего исследования в статье «Перспективы развития рынка бюджетных авиаперевозок в Республике Казахстан» [6] была представлена модель развития маршрутной сети национальной бюджетной авиакомпании «Fly Arystan», являющейся дочерней структурой национальной авиакомпании «Air Astana». В статье «Estas son las aerolíneas más baratas en España en 2018» (исп. Самые доступные бюджетные авиакомпании в Испании в 2018 году), [7] размещенной в испанском журнале «ABC» представлен рейтинг наиболее востребованных бюджетных авиакомпаний на испанском рынке пассажирских авиаперевозок. Авторы исследования выражают опасения о возрастании влияния ирландской бюджетной авиакомпании «Ryanair» на

национальном рынке и представляют комплекс мер, способствующий усилению роли и влияния отечественных бюджетных авиакомпаний «Volotea» и «Vueling». Стоит отметить, что Правительство Испании в рамках реализации национальных программ развития туризма оказывает поддержку авиакомпаниям, осуществляющим рейсы из региональных аэропортов Испании. Туризм является важнейшей доходной статьей национального бюджета, а авиатранспортная инфраструктура - важнейшим элементом туристической сферы.

Результаты исследования и обсуждения.

Представим данные воздушного флота испанских бюджетных авиакомпаний «Volotea» (Таблица-2) и «Vueling» (Таблица-3).

Таблица-2. Флот авиакомпании «Volotea» [8]

Модель	Количество, ед.	Страна производства	Процентное соотношение, %
Airbus A-319-100	19	Европейский Союз	57,58
Boeing 717-200	14	США	42,42
Итого	33	Европейский Союз, США	100

Таблица-3. Флот авиакомпании «Vueling» [9]

Модель	Количество, ед.	Страна производства	Процентное соотношение, %
Airbus A-319-100	6	Европейский Союз	100
Airbus A-320-200	82	Европейский Союз	
Airbus A-320 neo	21	Европейский Союз	
Airbus A-321-200	15	Европейский Союз	
Итого	124	Европейский Союз	100

Флот авиакомпаний составляют узкофюзеляжные воздушные суда. Авиакомпания «Vueling» осуществляет эксплуатацию воздушных судов корпорации «Airbus», в то время как воздушный флот авиакомпании «Volotea» составляют европейские и американские лайнеры (Airbus и Boeing). «Volotea» является эксплуатантом лайнеров Boeing 717-200, производство которых осуществлялось с 1998 по 2006 год, и было прекращено ввиду падения спроса. Авиакомпания «Volotea» является эксплуатантом лайнеров Airbus A-319-100 являющегося флагманом британского бюджетного авиаперевозчика «EasyJet» и доказавшего свою эксплуатационную эффективность в сегменте бюджетных авиаперевозок.

Авиакомпания «Vueling» также осуществляет эксплуатацию лайнера Airbus A-319-100 (6 единиц), при этом основу воздушного флота авиакомпании составляют более вместительные лайнеры Airbus A-320 и Airbus A-321. Авиакомпания «Vueling» стала одной из первых европейских бюджетных авиакомпаний, осуществившей заказ новейшего Airbus A-320 neo, являющегося одним из самых современных и экономичных судов в своем классе. Это свидетельствует о том, что авиакомпания увеличивает свою долю в рынке, расширяя маршрутную сеть, увеличивая и обновляя парк воздушных судов.

Представим данные парка воздушных судов классической испанской авиакомпании «Iberia» (Таблица-4). В структуре парка авиакомпании присутствуют как узкофюзеляжные лайнеры (A-319, A-320, A-321), так и широкофюзеляжные (A-330, A-340, A-350), предназначенные для выполнения трансконтинентальных рейсов. Воздушный флот авиакомпании на 100% состоит из лайнеров

«Airbus», производство которых осуществляется в Европейском Союзе (Франция, Германия).

Таблица-4. Флот авиакомпании «Iberia» [10]

Модель	Количество, ед.	Страна производства	Процентное соотношение, %
Airbus A-319-100	14	Европейский Союз	100
Airbus A-320-200	16	Европейский Союз	
Airbus A-320 neo	2	Европейский Союз	
Airbus A-321-200	11	Европейский Союз	
Airbus A-330-200	15	Европейский Союз	
Airbus A-330-300	8	Европейский Союз	
Airbus A-340-600	17	Европейский Союз	
Airbus A-350-900	5	Европейский Союз	
Итого	88	Европейский Союз	100

Региональная маршрутная сеть национальной классической авиакомпании «Iberia» соединяет региональные города Испании со столицей – г. Мадрид, а также соединяет столицу Испании со столицами и крупными городами Европы. Эксплуатация широкофюзеляжных лайнеров осуществляется на маршрутах, связывающих столицу Испании с крупнейшими городами Америки и столицами азиатских государств.

Представим данные маршрутной сети испанских бюджетных авиакомпаний «Volotea» (Таблица-5) и «Vueling» (Таблица-6)

Таблица-5. Маршрутная сеть и количество используемых аэропортов авиакомпании «Volotea», по состоянию на 2020 г. [8]

Государство	Количество используемых аэропортов
Испания	22
Италия	21
Франция	19
Греция	14
Хорватия	2
Марокко	2
Португалия	2
1 эксплуатируемый аэропорт: Австрия, Болгария, Чехия, Германия, Ирландия, Люксембург, Мальта.	
Итого: авиакомпания осуществляет рейсы из 89 аэропортов мира	

Таблица - 6. Маршрутная сеть и количество используемых аэропортов авиакомпании «Vueling», по состоянию на 2020 г. [9]

Государство	Количество используемых аэропортов
Испания	28
Италия	18
Греция	12
Франция	11

Государство	Количество используемых аэропортов
Германия	7
Великобритания	5
Марокко	4
Россия	3
Португалия	3
Швейцария	3
Швеция	3
Дания	2
Норвегия	2
Алжир	2
Польша	2
1 эксплуатируемый аэропорт: Сенегал, Гамбия, Украина, Кипр, Беларусь, Израиль, Ливан, Тунис, Мальта, Ирландия, Исландия, Бельгия, Нидерланды, Чехия, Австрия, Хорватия, Румыния, Эстония, Финляндия.	
Итого: авиакомпания осуществляет рейсы из 124 аэропортов мира	

Авиакомпания «Volotea», располагая воздушным парком в 33 ед., осуществляет маршруты из 89 аэропортов мира, а авиакомпания «Vueling», располагая воздушным флотом в 124 ед., осуществляет маршруты из 124 аэропортов мира. Данный показатель обусловлен частотой выполняемых рейсов: значительная доля рейсов авиакомпании «Vueling» в структуре маршрутной сети – ежедневные или выполняемые 2-3 раза в день. Значительная доля рейсов авиакомпании «Volotea» выполняется с периодичностью 2-3 раза в сутки, а по маршрутам высокой загрузки 1 раз в сутки. Обе авиакомпании имеют наибольшее присутствие на испанском рынке. «Volotea» осуществляет рейсы из 22 аэропортов Испании, а «Vueling» из 28.

Представим данные стоимости авиабилетов по 20 направлениям региональной маршрутной сети (рейсы малой и средней протяженности) авиакомпании «Volotea» (Таблица-7) и авиакомпании «Vueling» (Таблица-8). Представлены данные «базового тарифа» для 1 пассажира. Запрос был произведен 22.07.2020 г., предполагаемая дата перелета 01.10.2020 г. Конвертация евро / рубль произведена по курсу ЦБ РФ по состоянию на 22.07.2020 г. (82 российских рубля за 1 евро).

Таблица 7 - Ценовая политика авиакомпании «Volotea» [8]

Направление	Расстояние, км.	Стоимость, евро.	Стоимость, руб.
Нант – Кальяри	951	15	1 230
Нант – Неаполь	1 142	41	3 362
Нант - Палермо	1 279	41	3 362
Тулуза – Кальяри	803	15	1 230
Тулуза – Неаполь	1 098	19	1 558
Ницца - Палермо	801	41	3 362
Ницца – Брест	1 045	15	1 230
Ницца – Нант	487	17	1 394
Ницца - Страсбург	487	15	1 230
Ницца – Тулуза	468	15	1 230

Направление	Расстояние, км.	Стоимость, евро.	Стоимость, руб.
Ницца - Малага	1 258	41	3 362
Ницца - Люксембург	678	23	1 886
Люксембург - Венеция	665	15	1 230
Генуя - Неаполь	584	15	1 230
Генуя - Палермо	788	19	1 558
Генуя - Кальяри	575	15	1 230
Генуя - Катания	924	17	1 394
Генуя - Ибица	871	57	4 674
Неаполь - Бордо	1 248	19	1 558
Неаполь - Тулуза	1 098	19	1 558

Таблица - 8 Ценовая политика авиакомпании «Vueling» [9]

Направление	Расстояние, км.	Стоимость, евро.	Стоимость, руб.
Аликанте - Амстердам	1 614	74	5 904
Амстердам - Барселона	1 239	45	3 690
Амстердам - Ибица	1 521	92	7 544
Женева - Барселона	623	21	1 722
Барселона - Аликанте	406	39	3 198
Барселона - Брюссель	1 066	24	1 968
Барселона - Лиссабон	1 006	53	4 346
Барселона - Лион	513	20	1 640
Барселона - Милан	725	30	2 460
Барселона - Дюссельдорф	1 149	50	4 100
Барселона - Париж	831	30	2 460
Барселона - Вена	1 350	20	1 640
Барселона - Лондон	1 139	26	2 132
Барселона - Малага	770	23	1 886
Малага - Лондон	1 679	70	5 740
Малага - Амстердам	1 887	91	7 462
Малага - Марсель	1 107	70	5 740
Мадрид - Барселона	505	42	3 444
Мадрид - Ибица	472	29	2 378
Мадрид - Флоренция	1 287	66	5 412

На основании представленных данных мы можем заключить, что базовая стоимость авиабилета авиакомпании «Volotea» по ряду направлений значительно ниже стоимости авиабилетов авиакомпании «Vueling». Представим данные стоимости базового тарифа по 10 направлениям классической испанской авиакомпании «Iberia» (Таблица-9). Запрос стоимости и конвертация были произведены по аналогии с данными авиакомпаний «Volotea» и «Vueling».

Таблица 9 - Ценовая политика авиакомпании «Iberia» [10]

Направление	Расстояние, км.	Стоимость, руб.
Барселона - Ницца	490	4 617
Барселона - Париж	831	3 916
Барселона - Вена	1 350	4 410
Барселона - Берлин	1 500	7 958
Барселона - Женева	623	3 544
Барселона - Рим	860	4 699
Барселона - Лондон	1 139	3 915
Барселона - Брюссель	1 066	3 640
Барселона - Мюнхен	1 054	5 442
Барселона - Амстердам	1 239	6 721

Представленные данные свидетельствуют о том, что базовая тарификация авиабилетов бюджетных авиакомпаний существенно ниже минимального тарифа классической авиакомпании. Стоит отметить, что классическая авиакомпания «Iberia» в базовом тарифе предоставляет пассажирам возможность провоза 1 места регистрируемого багажа (23 кг.), услугу по выбору места в салоне воздушного судна, а также питание на борту.

Авиакомпания «Volotea» имеет наибольшее присутствие в Испании, Италии и Франции, т.е. в государствах с высоким уровнем развития туристической сферы. Значительное количество городов маршрутной сети «Volotea» составляют средние по численности региональные города с высоким уровнем развития туристической инфраструктуры. Во Франции: о. Корсика, г. Бордо, г. Марсель, г. Ницца, г. Тулуза, г. Страсбург; в Италии: г. Венеция, г. Верона, г. Неаполь, о. Сицилия, о. Сардиния. Ни во Франции, ни в Италии авиакомпания не осуществляет рейсы из столичных аэропортов.

Анализ данных маршрутной сети авиакомпании «Volotea» подтверждают тот факт, что бюджетные авиакомпании концентрируются на расширении региональной маршрутной сети и используют региональные аэропорты в качестве хабов. Хабами авиакомпании «Volotea» в Италии являются следующие аэропорты: г. Кальяри, г. Генуя, г. Неаполь, г. Палермо, г. Венеция, г. Верона. Во Франции следующие аэропорты: г. Бордо, г. Марсель, г. Нант, г. Страсбург, г. Тулуза; в Испании: г. Астуриас и г. Бильбао.

С целью оценки разветвленности маршрутной сети бюджетных авиакомпаний Испании, представим данные о маршрутах, выполняемых авиакомпаниями «Volotea» (Рисунок-1а) и «Vueling» (Рисунок-1б) из испанского аэропорта г. Малага. Малага является классическим примером регионального города Испании с высоким уровнем и потенциалом развития туризма.

Представленные данные свидетельствуют о том, что значительная доля рейсов испанских бюджетных авиакомпаний, выполняемых из регионального аэропорта г. Малага, – это рейсы малой протяженности (до 1500 км, до 2 часов полета). Эта особенность позволяет бюджетным авиакомпаниям выполнять 6-8 рейсов в сутки одним воздушным судном, достигая высокого показателя эксплуатационной эффективности. Классическая национальная авиакомпания Испании «Iberia» соединяет крупные региональные города Испании со столицей одним или двумя ежедневными сообщениями.

Выводы.

Бюджетные авиакомпании Испании «Volotea» и «Vueling» оказывают значительное влияние на рынок пассажирских авиаперевозок Испании. Занимая доминирующее положение в структуре сегмента бюджетных авиаперевозок, «Volotea» и «Vueling» выполняют значительную роль в развитии

направления туризма. Обладая развитой маршрутной сетью, связывающей региональные города Испании со столицами и крупными региональными городами европейских государств, и предлагая своим пассажирам услуги перелета, стоимость которых значительно ниже стоимости классической авиакомпании, а в некоторых случаях ниже стоимости даже железнодорожного сообщения и использования частного автомобильного транспорта, бюджетные авиакомпании обеспечивают высокий показатель средней загрузки рейса (90% - 95%) и демонстрируют высокий показатель динамики роста.

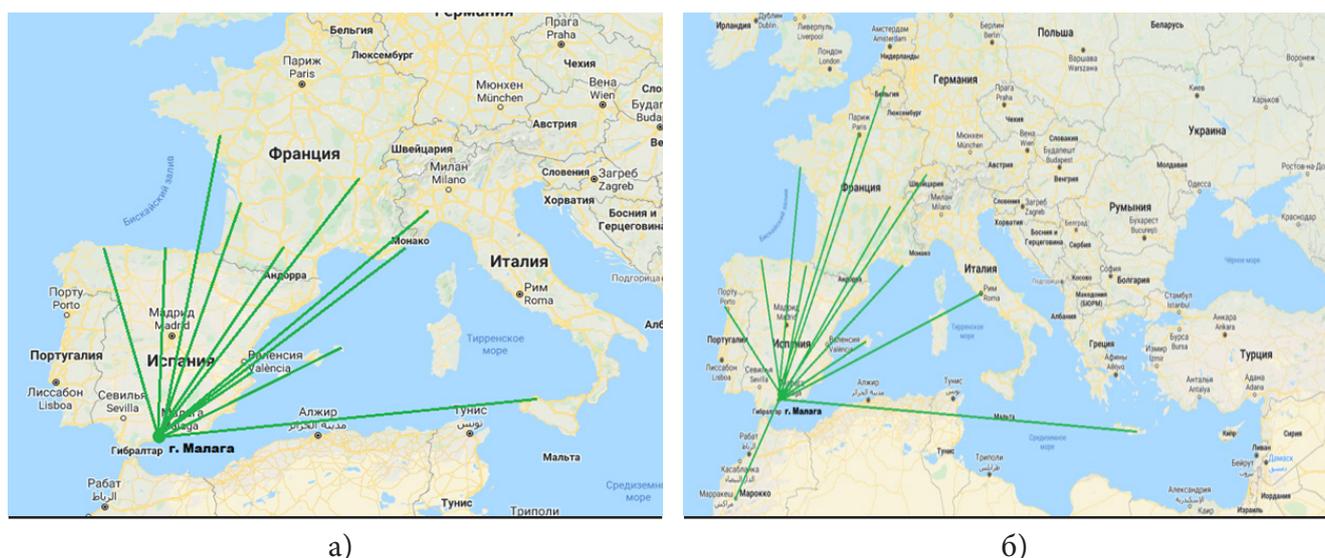

Рисунок 1 - Маршрутная сеть авиакомпаний «Volotea»(а) и «Vueling»(б) из аэропорта г. Малага, по состоянию на 2020 г. [11]

Заключение.

Опыт преодоления последствий мирового финансового кризиса 2008 доказал эффективность концепции бюджетных авиакомпаний. Минимизация производственных издержек, высокая эксплуатационная эффективность парка воздушных судов, развитость региональных маршрутов позволяют бюджетным авиакомпаниям предоставлять своим пассажирам выгодные условия перелета. Бюджетные авиакомпании не являются прямыми конкурентами классическим авиаперевозчикам ввиду отсутствия в парке широкофюзеляжных судов, отсутствия межконтинентальных направлений в структуре маршрутной сети, а также отсутствия некоторых стандартных услуг классических авиакомпаний (например, отсутствие бизнес - класса). Бюджетные авиакомпании на рынке пассажирских авиаперевозок Испании имеют высокую долю присутствия в структуре маршрутной сети региональных аэропортов, в то время как классическая национальная авиакомпания «Iberia» в качестве базового аэропорта использует столичный аэропорт г. Мадрид. В случае, если классическая и бюджетная авиакомпания выполняют рейс по одному маршруту, то при условии приобретения дополнительного набора услуг в бюджетной авиакомпании (провоз багажа, выбор места в салоне воздушного судна, питание на борту), стоимость авиабилета бюджетной и классической авиакомпании будет сопоставима. На рынке региональных пассажирских авиаперевозок бюджетные авиакомпании составляют конкуренцию другим видам транспорта (железнодорожному и автомобильному). Авиакомпания «Volotea» предлагает своим пассажирам приобретение авиабилетов на маршруты до 1000 км, по цене от 15-17 евро.

В условиях макроэкономической нестабильности, вызванной пандемией COVID-19, испанским бюджетным авиакомпаниям «Volotea» и «Vueling» необходимо предпринять усилия для расширения маршрутной сети, в том числе связывающей Испанию с крупными региональными городами

Российской Федерации. «Volotea» не имеет присутствия в России, а «Vueling» осуществляет рейсы из г. Москва, г. Санкт-Петербург, г. Калининград. Российский рынок бюджетных авиаперевозок является достаточно перспективным и показывает высокую динамику развития. Национальная бюджетная авиакомпания «Победа» (входит в структуру группы Аэрофлот) за 5,5 лет осуществления деятельности на рынке пассажирских авиаперевозок вошла в ТОП-5 крупнейших авиакомпаний России, выстроив широкую внутреннюю и международную сеть. При этом авиакомпания «Победа» выполняет два регулярных рейса, связывающих столицу Российской Федерации с испанскими городами Жирона и Реус.

По состоянию на март 2020 года присутствие иностранных бюджетных авиакомпаний на российском рынке было крайне ограниченным. (Таблица-10) Наибольшее присутствие имела авиакомпания «Fly Dubai», связывающая столицу ОАЭ с крупными региональными аэропортами России.

Таблица-10. Присутствие иностранных бюджетных авиакомпаний в России по состоянию на март 2020 г. [13]

Маршрут	Авиакомпания	Государство
г. Москва (Жуковский) – г. Нур-Султан	«Fly Arystan»	(Казахстан)
г. Москва (Внуково) – г. Будапешт	«Wizz Air»	(Венгрия)
г. Москва (Внуково) – г. Дебрецен	«Wizz Air»	(Венгрия)
г. Москва (Внуково) – г. Лондон (Лутон)	«Wizz Air»	(Венгрия)
г. Москва (Шереметьево) - Мальта	«Air Maita»	(Мальта)
г. Москва (Внуково) – г. Дубай	«Fly Dubai»	(ОАЭ)
г. Екатеринбург – г. Дубай	«Fly Dubai»	(ОАЭ)
г. Казань – г. Дубай	«Fly Dubai»	(ОАЭ)
г. Краснодар – г. Дубай	«Fly Dubai»	(ОАЭ)
г. Махачкала – г. Дубай	«Fly Dubai»	(ОАЭ)
г. Минеральные Воды – г. Дубай	«Fly Dubai»	(ОАЭ)
г. Ростов-на-Дону – г. Дубай	«Fly Dubai»	(ОАЭ)
г. Самара – г. Дубай	«Fly Dubai»	(ОАЭ)
г. Сочи – г. Дубай	«Fly Dubai»	(ОАЭ)

Практическим обоснованием эффективности развития маршрутной сети и перспективности российского рынка бюджетных пассажирских авиаперевозок может послужить опыт работы на российском рынке венгерской бюджетной авиакомпании «Wizz Air». 23 сентября 2013 года авиакомпания открыла первый маршрут, связывающий столицы Российской Федерации и Венгрии (г. Москва – Внуково – г. Будапешт) [14]. По состоянию на март 2020 года авиакомпания выполняла регулярные авиарейсы по трем направлениям (Таблица-10). После снятия запретительных и ограничительных мер, вызванных пандемией COVID-19, авиакомпания «Wizz Air» планирует в 4 раза увеличить свое присутствие на российском рынке бюджетных пассажирских авиаперевозок.

Падение спроса, вызванного макроэкономической нестабильностью, открывает значительные перспективы развития для бюджетных авиакомпаний. Российский рынок продолжает оставаться

высокоперспективным и востребованным для европейских бюджетных авиакомпаний. Испанские бюджетные авиакомпании «Volotea» и «Vueling», развивая сотрудничество с Российской Федерацией и расширяя маршрутную сеть, связывающую крупные региональные аэропорты России и Испании, могут увеличить свое присутствие на российском рынке, что является важным элементом эффективной маркетинговой стратегии в условиях макроэкономической нестабильности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Compagnies aériennes: Les 8 plus grandes compagnies aériennes d'Europe (фр. Авиакомпании: 8 крупнейших авиакомпаний Европы). [Электронный ресурс] URL: <https://www.vol-retarde.fr/blog/2019/06/06/compagnies-aeriennes-les-8-plus-grandes-compagnies-aeriennes-deurope> (дата обращения: 12.08.2020).
2. Гапоненко Г.И. Тенденции развития лоукост-авиакомпаний в Украине и их влияние на отечественный туристический рынок / Г.И. Гапоненко, А.В. Василенко // БИ. 2020. №1 (504). с.189-196.
3. Мальцев А.А. Международные пассажирские авиаперевозки: детерминанты взрывного роста / А.А. Мальцев, А.В. Матвеева // Управленец. 2018. №3. с.26-31.
4. Губенко А.В. Современное состояние и перспективы развития рынка пассажирских авиаперевозок в России / А.В. Губенко, Ю.И. Радова, А.Р. Панкратова // Экономика и экологический менеджмент. 2019. №2. с.82-90.
5. Гулиева С.В. Состояние и тенденции развития туризма в Испании в современных условиях / С.В. Гулиева // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. №1-1. с.93-97.
6. Рублев В.В. Перспективы развития рынка бюджетных авиаперевозок в Республике Казахстан / В.В. Рублев // Вестник АГТУ. Серия: Экономика. 2020. №2. с.70-80.
7. «Estas son las aerolíneas más baratas en España en 2018» (исп. Самые доступные бюджетные авиакомпании в Испании в 2018 году), [Электронный ресурс] URL: <https://www.abc.es/viajar/noticias/abci-estas-aerolineas-mas-baratas-espana-2018-201805270043> (дата обращения: 12.08.2020).
8. «Volotea». Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <https://www.volotea.com> (дата обращения: 11.08.2020).
9. «Vueling». Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <https://www.vueling.com/es> (дата обращения: 11.08.2020).
10. «Iberia – Испанская авиакомпания». Официальный сайт. Русская версия. [Электронный ресурс] URL: <https://www.iberia.com/ru/> (дата обращения: 11.08.2020).
11. Аэропорт г. Малага (Испания) [Электронный ресурс] URL: <https://www.airport-malaga.com/> (дата обращения: 12.08.2020).
12. Маршрутная сеть. Развитие маршрутной сети «Группы Аэрофлот» [Электронный ресурс] URL: <http://ar2018.aeroflot.ru/reports/aeroflot/annual/2018/gb/Russian/203515/.html> (дата обращения: 13.08.2020).
13. Яндекс - Расписание. [Электронный ресурс] URL: <https://rasp.yandex.ru/> (дата обращения: 04.03.2020).
14. «Wizz Air» Официальный сайт. Русская версия. [Электронный ресурс] URL: <https://wizzair.com/#/> (дата обращения: 13.09.2020).

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССОВ ЭКОЛОГИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ НА ЗАНЯТОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ

Фролов Алексей Сергеевич

аспирант,

Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Вологодский научный центр Российской академии наук»,

г. Вологда, Российская Федерация.

E-mail: febe-11@mail.ru

Аннотация: Экологизация экономики выступает одним из важнейших вызовов современности и на сегодняшний день имеет всё большее значение для развития любого государства. При этом она сохраняет природный потенциал окружающей среды, улучшает качество жизни населения и способствует увеличению темпов экономического роста. В статье рассматриваются сущность и тенденции процессов экологизации экономики, а также их влияние на занятость населения в современных условиях, определяются положительные и отрицательные последствия такого влияния на конъюнктуру рынка труда. В результате проведённого исследования было выяснено, что политика в области экологизации экономики может как содействовать увеличению уровня занятости населения, так и приводить к сокращению количества неэффективных рабочих мест и росту безработицы. В данной работе были использованы такие общенаучные методы, как синтез, анализ, описание, аналогия, обобщение.

Ключевые слова: экологизация экономики; занятость населения; «зелёные» рабочие места; рынок труда; экологическая устойчивость; природные ресурсы.

JEL: O13; O44; Q56

THE IMPACT OF GREENING THE ECONOMY ON EMPLOYMENT

Frolov Alexey Sergeevich

Graduate student of the Federal State Budgetary Institution of Science «Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences»

Vologda, Russian Federation

Abstract: the Greening of the economy is one of the most important challenges of our time and today is of increasing importance for the development of any state. At the same time, it preserves the natural potential of the environment, improves the quality of life of the population and contributes to an increase in economic growth. The article examines the essence and trends of the processes of greening the economy, as well as their impact on employment in modern conditions, determines the positive and negative consequences of such an impact on the labor market. In the study, it was found that policies on greening the economy can help increase the employment rate and to reduce the number of inefficient jobs and higher unemployment. In this work, such General scientific methods as synthesis, analysis, description, analogy, and generalization were used.

Keywords: greening of the economy; employment; «green» jobs; labor market; environmental sustainability; natural resources.

Введение

На сегодняшний день рост промышленного производства и численности населения усиливает негативное воздействие на окружающую среду и подрывает устойчивость природных экосистем, что представляет реальную угрозу человечеству. Процессы воспроизводства экономических благ отрицательно влияют на природу, поскольку ресурсы в полной мере не утилизируются, а лишь проходят стадию преобразования. Соответственно, при увеличении темпов экономического роста будет возрастать количество вредных отходов, загрязняющих природную среду. В этой связи особое внимание должно уделяться проблемам перехода к «зелёной» экономике, основанной на принципах

устойчивого развития [1, с. 38-39]. Одним из перспективных направлений развития современного общества является экологизация экономики. Именно этот процесс не только способствует улучшению экологической обстановки, но и предполагает разработку методов, направленных на максимизацию экономической выгоды для окружающей среды [2, с. 121-122]. Тенденции экологизации экономики проявляются, прежде всего, в сокращении природоёмкости хозяйственных процессов в результате рационального использования природных ресурсов, снижения масштабов загрязнений и отходов производства, внедрения инновационных ресурсосберегающих технологий, совершенствования наукоёмких видов деятельности.

Одной из основных целей экологизации экономики выступает уменьшение степени использования природных ресурсов в процессе производства. Долгое время они ошибочно считались неисчерпаемыми, что в итоге привело к целому ряду экологических проблем, которые были вызваны антропогенным воздействием человека на биосферу. Экономика и экология имеют противоположные цели. Главная задача экономики состоит в получении наибольшей прибыли в условиях ограниченности ресурсной базы, экологии – в сохранении природных богатств и их рациональном использовании. По модельным расчётам, проведённым учёными различных стран мира, в середине XXI века человечество столкнётся с рядом экономических и экологических проблем, среди которых голод и эпидемии, так как на протяжении длительного времени этим проблемам не уделялось должного внимания [3, с. 175].

Основанием для начала процесса экологизации в глобальном проявлении можно считать энергетический кризис 1973-1974 гг. С этого времени на территории Европейского союза активно внедряются принципы экономии ресурсов природы посредством применения экологических технологий производства и используются экономические методы для стимулирования природоохранной деятельности и рационального потребления энергии [4, с. 114-115]. В настоящее время вопросы экологизации экономики входят в число приоритетных задач наиболее развитых стран, среди которых можно отметить и Россию. Одним из основных направлений модернизации экономики в нашей стране должна выступать экологизация хозяйственной деятельности, а переход экономики к экологоориентированному типу развития поможет добиться снижения отрицательного влияния промышленных предприятий на окружающую среду и здоровье населения, а также будет способствовать рациональному использованию природных ресурсов. Экологизация экономики влечёт за собой серьёзные изменения экономической действительности и открывает возможности для национального и регионального развития, помогает в сокращении безработицы и повышает социальную стабильность [5, с. 330].

Применительно к сфере занятости процессы экологизации экономики главным образом ориентированы на увеличение использования работниками ресурсосберегающих и экологически чистых технологий при производстве товаров и услуг, на формирование большого количества новых рабочих мест с перспективой карьерного роста и достойной оплатой труда, а также на создание благоприятных и безопасных условий труда [6, с. 5-6]. Как показывают данные международных организаций, инвестирование хотя бы 1% ВВП в меры по экологизации глобальной экономики позволит дополнительно создать десятки миллионов новых рабочих мест. К примеру, уже в настоящее время во всем мире в секторе возобновляемых источников энергии прямо или косвенно трудятся более 2,3 млн. человек.

Вместе с тем в науке и практике отсутствует единая точка зрения на последствия влияния экологизации экономики на занятость населения. В частности, необходимо отметить, что в связи с переходом к принципам экологически чистой экономики в некоторых отраслях может произойти существенное снижение количества рабочих мест. Прежде всего, это может затронуть такие сектора экономики, как добыча и переработка нефти, а также угольную промышленность. В связи с этим целью настоящей статьи является анализ влияния процессов экологизации экономики на занятость

населения в современных условиях, выявление позитивных и негативных аспектов воздействия указанных процессов на конъюнктуру рынка труда.

Основные результаты

Согласно результатам исследований, проведённых в таких странах, как США, Китай, Австралия, Бразилия, Германия и ряде других, следует, что процессы экологизации экономики способны привести к росту занятости населения [6, с. 98-99]. Переход к экологически устойчивой экономике уже позволил увеличить количество «зелёных» рабочих мест, которые имеют большое значение для «озеленения» предприятий и экономики в целом. «Зелёные» рабочие места – это такие рабочие места, которые способствуют защите экосистемы и биоразнообразия, а также помогают уменьшить все формы отходов и загрязнений [7, с. 490]. Часто «зелёные» рабочие места ассоциируются с занятостью в узко определённой группе экономических отраслей, которые предоставляют экологические услуги. Количественно эти отрасли составляют небольшую долю – всего около 1% от общего числа занятых [8, с. 35-39]. Непосредственной задачей работников «зелёных» секторов экономики выступает уменьшение антропогенного воздействия на окружающую среду. Характерными чертами таких рабочих мест также являются продуктивная занятость, возможность получения социальной защиты и достойной оплаты труда, соблюдение прав трудящихся.

В процессе создания «зелёных» рабочих мест определяющее значение имеют предпринимательство и инновации. Органы власти, хозяйствующие субъекты, работники и их объединения будут играть ключевую роль, обеспечивая формирование устойчивой «зелёной» экосистемы через институциональные основы и иные принимаемые меры [9, с. 22]. Например, финансовые вложения в сохранение и восстановление лесов могли бы повысить к 2050 году одну лишь официальную занятость на 20%. Что касается транспорта, то повышение эффективности использования энергии во всех видах транспорта и переход от частного к общественному или неавтомобильному транспорту дополнительно повысили бы занятость примерно на 10%. И, наконец, инвестиции в повышение эффективности использования энергии в зданиях и сооружениях могли бы создать только в Европе и США 2-3,5 млн. дополнительных рабочих мест [22, с. 12].

Среди основных тенденций экологизации экономики, содействующих росту занятости населения и возникновению новых рабочих мест, можно выделить такие, как формирование новых направлений экономической деятельности по сохранению природного комплекса, рациональное использование природных и энергетических ресурсов, снижение выбросов парниковых газов, разработка экологических технологий, переработка и утилизация отходов, предпринимательство в области охраны окружающей среды и другие [10, с. 222].

Внедрение различных «зелёных» инноваций также должно способствовать повышению эффективности и конкурентоспособности многих производств. Однако на практике экологические, экономические и социальные выгоды при переходе к модели устойчивого «зелёного» роста становятся противоречивыми [11, с. 342-345]. С одной стороны, реализация мероприятий в области охраны и улучшения состояния окружающей среды способствует созданию новых рабочих мест и профессий, а с другой – отсутствие достаточной заинтересованности бизнеса и проработанных инструментов государства в области «зелёной» экономики оказывает негативное воздействие на конъюнктуру рынка труда, что в совокупности отражается на практиках участия населения в оплачиваемой общественно полезной деятельности. Нередко «зелёные» рабочие места характеризуются неблагоприятными условиями труда, а занятость в таких отраслях, как переработка, строительство или производство биотоплива часто бывает неформальной по своей природе. Поэтому, например, работа в области переработки является опасной с точки зрения профессиональной и общественной безопасности и несёт в себе риски для здоровья. Также серьёзные нарушения трудовых прав и прав человека были отмечены в секторе по производству сырья для биотопливной промышленности [12, с. 13]. В

результате возникают противоречия, связанные с развитием сферы социально-трудовых отношений и реализацией мер по улучшению экологической обстановки. Так, инвестиционная деятельность, которая направлена на внедрение современных технологий и модернизацию «зелёного» производства может повлечь за собой не только улучшение экологической обстановки, но и ликвидацию большого количества неэффективных и представляющих потенциальную опасность для здоровья людей рабочих мест, способствуя высвобождению персонала.

Многие отечественные исследователи считают, что государство является основным субъектом по созданию «зелёных» рабочих мест и совершенствованию политики «зелёного» роста. Бюджетные инвестиции, механизмы рыночного регулирования, всевозможные нормативно правовые акты должны являться теми инструментами, с помощью которых правительства разных стран могут оказывать поддержку предприятиям, а также формировать необходимую среду, которая будет благоприятствовать внедрению механизмов экологизации экономики и созданию большого количества новых рабочих мест [13, с. 703]. Однако реализация указанных мероприятий может характеризоваться не только преимуществами, но и рядом потерь для занятости населения. Например, реструктуризация экономики и связанные с ней изменения на рынке труда, возникающие под воздействием экологических факторов, могут привести к ощутимому сокращению уровня занятости населения в ресурсоёмких, а также первичных отраслях, таких как металлургия, лесное хозяйство и рыболовство [14, с. 29-31].

Во многих отраслях экономики существует достаточно возможностей, а также конкретная необходимость повышения качества занятости населения посредством улучшения условий и безопасности трудовой деятельности. В данном контексте в первую очередь можно выделить жилищно-коммунальное и сельское хозяйство, переработку и утилизацию вредных отходов, а также строительство, энергетику и транспорт. Однако основания для этого у каждой из указанных отраслей различны, как и способы достижения требуемых результатов. Например, утилизация отходов может вести к повышению уровня и качества занятости по сравнению с традиционной работой на свалках или мусоросжигательных заводах. Согласно оценкам экспертов США, сортировка и переработка вторсырья обеспечивают в десять раз больше рабочих мест на тонну отходов, чем захоронение или сжигание мусора. А инвестиции в ремонт зданий могут оказывать ощутимое влияние на создание рабочих мест в строительстве и в среде поставщиков [6, с. 42-45]. Также одним из наиболее приоритетных направлений, которое способно обеспечить стабильную «зелёную» занятость, является повышение эффективности использования энергии. По прогнозам учёных в перспективе развитие «зелёной» энергетики в нашей стране может привести к появлению 200 тыс. новых рабочих мест и позволит сэкономить 1,3 млрд. руб. в год, которые сегодня уходят на деятельность по восстановлению и охране природы [15, с. 22-24]. В то же время в отраслях, где сильно истощен природный капитал, например, в рыбном хозяйстве, может произойти временное снижение занятости и доходов, что потребует осуществления программ переподготовки рабочей силы [16, с. 348-349].

Процессы экологизации экономики до недавнего времени сравнительно слабо влияли на борьбу с сокращением количества рабочих мест, так как основными факторами снижения уровня занятости населения в ресурсоёмких отраслях выступали совершенствование механизмов автоматизации производства и рост производительности труда. На сегодняшний день влияние указанных процессов на сферу занятости стало более существенным. Благодаря им в перспективе имеется возможность получения населением достойной работы, а также изменения сути традиционных и создания совершенно новых профессий в условиях свободы, равенства, безопасности и человеческого достоинства [17, с. 17-20]. Но с другой стороны, например, применение экологического налога, как одного из инструментов экологизации экономики, который заключается в использовании системы сборов за потребление энергии или за выбросы в атмосферу, способно повлечь за собой сокращение заработных плат работников, что в свою очередь может сказаться на уровне занятости населения.

Меры и инициативы по экологизации различных предприятий, которые принимаются в целях перехода к «зелёному» производству, первоначально должны быть направлены на ограничение негативного влияния на природу и развитие экономики в условиях сохранения экологического баланса, а также на ликвидацию таких рабочих мест, которые не соответствуют принципам экологической деятельности. Например, среди причин экологизации предприятий в РФ можно выделить следующие: ориентация на инновационное развитие экономической деятельности, высокий уровень загрязнения биосферы и зависимость от сырьевых отраслей экономики [18, с. 44-47]. В данном вопросе отечественные предприятия на сегодняшний день существенно отстают от западных, и, несмотря на проделанную работу, им ещё предстоит решить массу задач для достижения поставленных целей [19, с. 309]. В то же время дефицит квалификаций и навыков, а также недостаточность предложений по трудоустройству являются связывающим ограничением для «озеленения» экономики и экологизации производств, как в промышленно развитых, так и в развивающихся странах. Доступные технологии и финансовые средства не могут быть использованы, или от них нельзя получить ожидаемой экономической отдачи в отношении окружающей среды без активного участия предпринимателей и наличия профессиональных кадров. Поэтому для решения указанной проблемы необходимы меры по ликвидации существующего дефицита квалификаций и навыков, прогнозированию будущих потребностей, а также разработке программ обучения работников в различных секторах экономики [12, с. 19].

Помимо создания «зелёных» рабочих мест важнейшими направлениями современного развития по-прежнему являются экологизация существующих отраслей и производственных процессов, а также разработка экологических инноваций и производство экологической продукции [20, с. 116-119]. Например, для экологизации экономики большое значение имеют малые и средние предприятия. Они выступают как крупнейший источник формирования новых рабочих мест и инноваций, при этом по отдельности большинство из них оказывает незначительное воздействие на окружающую среду, но в совокупности количество вредных выбросов в атмосферу, производимых МСП, является довольно существенным [6, с. 61]. Исходя из этого, можно сказать, что успешность перехода к «зелёной» экономике как со стороны экологической устойчивости, так и со стороны занятости населения, во многом будет зависеть от роли малых и средних предприятий.

Стремительно развивающаяся в последние десятилетия концепция «зелёной» экономики должна способствовать более слаженному согласованию экономических, социальных и экологических аспектов развития, которое оптимально подходило бы для всех групп стран – развитых, развивающихся и государств с переходной экономикой [21, с. 6]. Переход к «зелёной» экономике предусматривает определённую реструктуризацию экономики, в результате чего могут потребоваться специальные меры, чтобы он прошёл гладко для работников. В некоторых секторах потребуется помощь в переводе персонала на новые рабочие места. Например, в Германии индустрия производства электроэнергии из возобновляемых источников испытывает дефицит квалифицированных работников. Их недостаток ощущается почти во всех подотраслях энергетики, особенно в гидроэнергетике и энергетическом использовании биогаза и биомассы. Не менее острый дефицит кадров наблюдается в машиностроении, где для нужд возобновляемой энергетики особенно не хватает инженеров, операторов и специалистов по техобслуживанию, а также руководителей предприятий [22, с. 32]. Безусловно, крайне важное значение отводится и различным политическим программам в социальной, налогово-бюджетной сферах, а также непосредственно в области занятости. Данные программы подкреплены экологическими нормами и финансовыми факторами, они способствуют переходу к экологоориентированной экономике и объединяют между собой занятость населения, социальную защиту и приобретение профессиональных навыков, тем самым давая возможность населению получать доход и повышать свою квалификацию.

Без сомнения, необходимо проведение регулярной оценки вредных и опасных факторов

производства, которые присутствуют в «зелёных» секторах экономики, а также организация дополнительной подготовки работников. В качестве примера можно привести такие отрасли, как солнечная и ветровая энергетика, гидроэнергетика, биоэнергетика, сельское хозяйство. Обозначенные меры позволят получить необходимую информацию и предотвратить возможные риски, которые могут негативно повлиять на здоровье работников и снизить уровень экономического развития. В частности, у представителей агропромышленного комплекса в зависимости от уровня и продолжительности воздействия опасных и вредных производственных факторов могут развиваться профессиональные заболевания, такие как аллергический контактный дерматит, аллергический ринит, агрохимическое отравление, синдром отравления органической пылью, стресс, а у работников животноводческих комплексов, птицефабрик нарушается деятельность органов дыхания, периферической нервной системы и опорно-двигательного аппарата [23, с. 12]. К числу таких опасных факторов можно отнести: воздействие высоких температур и различных веществ, опасность поражения электрическим током и возникновения пожара, падение с высоты, шум, влияние пестицидов, получение повреждений и некоторые другие [24, с. 14-16].

Заключение

Таким образом, проведенный анализ показал, что процессы экологизации экономики оказывают непосредственное влияние на сферу занятости населения. При этом активная политика в области экологизации экономики может как способствовать увеличению уровня участия населения в рабочей силе, так и повлечь за собой ликвидацию значительной части неэффективных рабочих мест, что в свою очередь может привести не только к изменению структуры занятых, но и росту безработицы. Кроме того, к позитивным моментам влияния экологизации экономики на занятость можно отнести то, что указанные процессы способны формировать благоприятные и безопасные условия труда и содействовать работникам в применении ресурсосберегающих и экологически чистых технологий на производстве. Среди негативных моментов можно выделить тот факт, что реструктуризация экономики и ряд связанных с ней изменений на рынке труда, а также переход к принципам экологически чистой экономики могут отразиться на некоторых наиболее уязвимых отраслях. В результате чего возможно снижение уровня занятости в таких секторах экономики, как металлургия, добыча нефти, угольная промышленность, лесное хозяйство и в некоторых других.

Крайне важное значение имеют и политические меры, которые направлены на уменьшение степени негативного воздействия загрязнения окружающей среды и снижение уровня использования природных ресурсов, тем самым формируя благоприятные условия для создания «зелёных» рабочих мест в различных отраслях. Экономика, которая с каждым годом становится всё более экологичной, будет диктовать определённые требования, которые повлекут за собой ряд изменений в деятельности большого числа предприятий и на рабочих местах. Данные изменения в «зелёной» экономике способны привести к более высоким результатам в сфере социального развития и занятости населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ускова Т.В. Вектор экологизации современной экономики России: проблемы и направления их решения / Т.В. Ускова, Е.Д. Копытова // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика – 2018. – Т13. – С. 37-57.
2. Булгакова Л.М., Проблемы экологизации экономики и экономизации экологии / Л.М. Булгакова, Р.Н. Плотникова // Фундаментальные исследования, 2009. – № 5. – С. 121-122. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <https://www.fundamental-research.ru>
3. Голина С.И. Экологизация экономики – важный шаг к повышению качества жизни населения / С.И. Голина, Е.М. Крюкова // Сервис в России и за рубежом – 2014. – № 1. – С. 174-181.
4. Гурьева М.А. Экологизация экономики: международный опыт / М.А. Гурьева // Армия и

общество – 2012. – № 2. – С. 114-120.

5. Сербулова Н.М. Переход к «зелёной» экономике / Н.М. Сербулова, Ю.А. Дегальцева, Е.Г. Лысенко // Будущее науки: сборник научных статей – 2016. – № 2. – С. 327-330.

6. Устойчивое развитие, достойный труд и «зелёные» рабочие места. Доклад V Международной конференции труда, 102-я сессия / Международное бюро труда. Женева, 2013. С. 3335. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---relconf/documents/meetingdocument/wcms_210974.pdf (дата обращения: 01.06.2020).

7. Пироженко Е.А. Анализ зарубежного опыта в формировании понятия «зелёное» рабочее место / Е.А. Пироженко, А.М. Асалиев // Экология, экономика, информатика: сборник статей – 2015. – № 2. – С. 490-496.

8. Bowen A. «Green» growth, «green» jobs and labour markets / A. Bowen // The World Bank Sustainable Development Network. Office of the Chief Economist. – 2012. – 39 P.

9. Трифонов П.В. Зеленые рабочие места – основа эколого-ориентированной экономики в XXI веке / П.В. Трифонов // Стратегии бизнеса, 2015. – № 3. – С. 21-27. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <https://www.strategybusiness.ru>

10. Войкина Е.А. Зелёная экономика и экологический менеджмент / Е.А. Войкина, И.М. Потравный // Вестник Санкт-Петербургского университета – 2018. – № 2. – С. 217-240.

11. Acelanu M.I. Green jobs in a green economy: Support for a sustainable development / M.I. Acelanu // Progress in Industrial Ecology. – 2015. – V. 9. – P. 341-355.

12. Зеленые рабочие места: к достойному труду в устойчивом мире с низким содержанием углерода. Политические послы и рекомендации для лиц, принимающих решения. Доклад Программы ООН по окружающей среде. Найроби: ЮНЕП, 2008. С. 26. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.unep.org/civil_society/Publications/index.asp www.unep.org/labou (дата обращения: 07.07.2020).

13. Ланцев А.О. Подготовка кадров в России для перехода к «зелёной» экономике: проблемы и перспективы / А.О. Ланцев // XI Международная конференция «Российские регионы в фокусе перемен». Екатеринбург, 17-19 ноября 2016: сборник докладов. – Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2016. – Ч. 2. – С. 701-706.

14. Муравьева А.А. Трансформация образовательной парадигмы в условиях формирования «зелёной» экономики / А.А. Муравьева, О.Н. Олейникова // Образование и наука – 2016. – № 8. – С. 23-37.

15. Копылов А.Е. Что энергетика на основе возобновляемых источников энергии означает для России? / А.Е. Копылов // Бюллетень Института устойчивого развития Общественной палаты РФ «На пути к устойчивому развитию России» – 2011. – № 56. – С. 17-40.

16. Егорова М.С. «Зелёная» экономика как явление современного этапа развития общества / М.С. Егорова, Е.П. Ерёмкина // Международный журнал экспериментального образования – 2015. – № 4. – С. 347-350.

17. Усикова О.В. Произойдут ли изменения в охране труда при переходе Российской Федерации на «зелёную» экономику? / О.В. Усикова // Интерэкспо Гео-Сибирь: сборник статей – 2012. – № 3. – С. 15-20.

18. Свириденко Д.А. О важности экологизации промышленности в России / Д.А. Свириденко // Управление экономическими системами: электронный научный журнал, 2017. – № 9. – С. 36-50. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.uecs.ru>

19. Табекина О.А. Особенности процесса экологизации российских предприятий [Текст] / О.А. Табекина, О.В. Федотова // Вопросы современной экономики, 2013 – № 2. – С. 297-310. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.economic-journal.net>

20. Захарова Т.В. Зелёная экономика и устойчивое развитие России: противоречия и перспективы / Т.В. Захарова // Вестник Томского государственного университета. Экономика – 2015. – № 2. – С.

116-126.

21. Шевчук А.В. Экологизация экономики: проблемы и перспективы / А.В. Шевчук // Экономика. Налоги. Право – 2014. – № 6. – С. 4-10.

22. Навстречу «зелёной» экономике: пути к устойчивому развитию и искоренению бедности – обобщающий доклад для представителей властных структур. ЮНЕП, 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.unep.org/greenecomony (дата обращения: 07.07.2020).

23. Тимофеева С.С. Профессиональные риски в сельскохозяйственном производстве / С.С. Тимофеева, С.С. Тимофеев // XXI век. Техносферная безопасность – 2017. – № 3. – С. 10-17.

24. Тимофеева С.С. «Зелёная экономика», «Зеленые рабочие места» в России и новые производственные риски / С.С. Тимофеева // XXI век. Техносферная безопасность – 2016. – № 2. – С. 10-20.

ОТЗЫВ НА СТАТЬЮ В.И. КОРНЯКОВА, Н.А.ВАХРУШЕВОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ОТСТАВАНИЕ ИЛИ НАЦЕЛЕННОЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ УДУШЕНИЕ?

Иродова Елена Евгеньевна

Доктор экономических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»,
кафедра экономической теории,
г. Иваново, Российская Федерация.
E-mail: elirodova@yandex.ru

Аннотация: В представленном материале дана оценка статьи В.И. Корнякова, Н.А.Вахрушевой «Технологическое отставание или нацеленное технологическое удушение?» Предложен комплекс исследовательских направлений, которые могли бы усилить авторские позиции. Сделан целый ряд научно-исследовательских срезов, в рамках которых можно конкретизировать дальнейший анализ. Актуализированы наиболее значимые аспекты поставленной проблемы. Развернуты ключевые идеи в рамках темы роста производительности труда и преодоления технологического отставания в современной российской экономике.

Ключевые слова: экономический рост, общественное воспроизводство, совокупный общественный продукт, производительность труда, инвестиции, застой, кризис, технологическое отставание; инновационное развитие.

JEL: O24

REVIEW TO ARTICLE V.I. KORNYAKOVA, N.A. VAKHRUSHEVA TECHNOLOGICAL LAGGING OR TARGETED TECHNOLOGICAL SUFFERING?

Irodova Elena Evgenevna
Doctor of Economics, Professor,
Ivanovo state University, Department of economic theory, economics and entrepreneurship,
Ivanovo, Russian Federation.

Abstract: the presented material evaluates the article by V. I. Kornyakov and N. A. Vakhrusheva «Technological lag or targeted technological suffocation?» and Suggests a complex that could strengthen the author's position. A number of research cross-sections have been made, within which further analysis can be specified. The most significant aspects of the problem are updated. Key ideas are developed in the framework of the topic of labor productivity growth and overcoming the technological gap in the modern Russian economy.

Keywords: economic growth, social reproduction, total social product, labor productivity, investment, stagnation, crisis, technological lag.

В статье В.И. Корнякова, Н.А. Вахрушевой «Технологическое отставание или нацеленное технологическое удушение?», как представляется, целесообразно было бы несколько ослабить абстрактно-теоретический аспект анализа и конкретизировать целый ряд проблем в системном понимании причин и последствий технологического отставания российской экономики. Совершенно очевидно, что постановка научной проблемы предполагает необходимость актуализировать наиболее острые и интересные темы. В частности, тему диалектики противостояния транснационального альянса советскому технико-технологическому потенциалу. И в этой связи наибольший интерес представляет проблема инструментов влияния западных монополистических гигантов, управляемых

правительственными интересами, на индустрию бывшего СССР, и инновационные возможности современной российской экономики. Но это только, с одной стороны, а с другой - объективно возникает вопрос о медленно нарастающем воздействии внутренних инструментов «самоподрыва» отечественного научно-технического потенциала в 70-90-е гг. XX века. Однако и здесь фиксируется целый пласт проблем, связанных с оценкой пропорций этого влияния на экономическую динамику отечественной экономики в разные периоды ее развития, охватить которые без должной конкретизации не представляется возможным.

Авторы статьи совершенно справедливо полагают, что «даже просто противостоять десяток-другой лет единой всемирной технологической мощи – задача из труднейших. А материальных возможностей (роли нефти в мировой экономике) для даже такого убийственного противостояния у РФ - лишь на два десятилетия... Перспективы самоочевидны и куда как не за горами. Получается, по приведённым показаниям нам, нашей цивилизации, по-видимому, даже и не выжить» [7].

Таким образом, В.И. Корняков и Н.А.Вахрушева вполне закономерно переходят к вопросу, касающемуся поиска инструментов решения ключевой проблемы развития российской экономики – «Понятно, научные усилия экономистов и практическая экономическая деятельность нашего социума не могут не концентрироваться, не сосредотачиваться на спасении от удушья, де-факто, всемирным технологическим монстром... Сейчас опубликованы, обдумываются и обсуждаются развёрнутые системные, глубоко и обстоятельно проработанные предложения ряда специалистов, в том числе таких известных, как С.Ю. Глазьев. Главным содержанием программы С. Ю. Глазьева является решительное, последовательно проведённое подчинение всей экономики запуску её опережающего развития с концентрацией громадных ресурсов на развитии производств, движимых современными технологиями (информационными, нано- и квантовыми вместе со средствами автоматизации, лазерными и аддитивными, а также многими другими).» [7]. Таким образом, актуализируется тема комплексного развития наиболее продвинутых в научно-техническом отношении отечественных отраслей и производств, которые, как раз, и должны обеспечить российской экономике массивный инновационный прорыв в новый технологический уклад.

Авторы статьи особо подчеркивают недоработки ряда существующих программ. В частности, программы Глазьева, в которой, по их мнению, «...отсутствует теоретическое обоснование обеспеченности всей программы ресурсами. С.Ю. Глазьев, по-видимому, полагает, что решает проблему цифрами предполагаемой эффективности его программы: ежегодными приростами ВВП в 8%. Полагаем, что это не решение и что, таким образом, проблема зависает. Мы уже не говорим о том, что заполучение передовых технологий требует снятия технической-технологической блокады монопольного «Центра», а как это сделать, С.Ю. Глазьев не объясняет.» [7].

В то же время, говоря о внутренних механизмах роста производительности труда, авторы статьи слишком глубоко уходят в философский аспект взаимосвязи Природы и производительности. Одно из авторских положений звучит следующим образом: «Рост производительности живого труда и, главное, её развёртывание в подлинно космическую производительную силу – глубинный экономический вселенский смысл всей деятельности и существования как социума в целом, так и образующих его индивидуальностей. Следовательно, Природа «ждёт» от созданных ею самодельных ведомых разумом процессов и сил таких акций, которые соответствуют целям их создания. Мы, общество, не знаем в полном объёме того универсума, который создаётся и будет создан «творящей силой естества». Однако, чем ближе дела рук человеческих будут к установлениям Природы, тем щедрее будет Природа к людям, их разумной деятельности. И.В. Сталин изо всех сил добивался высшей производительности труда, и Природа помогла ему удивительно щедрой траекторией самовозрастания производительности. Если наш социум значимо продвинется в обретении недостижимых высот производительности, он тоже окажется, как и в эпоху И.В. Сталина, в зоне особого взаимодействия с Природой и перед ним, конечно же, распахнутся небывалые

возможности дальнейшего технического и социального прогресса.» [7].

Пытаясь конкретизировать свое стержневое положение о взаимосвязи природы и производительности, проходящее «красной нитью» в целом ряде авторских исследований, В.И. Корняков и Н.А. Вахрушева объясняют механизм закона роста производительности труда через механизм снижающихся цен. При этом, опираясь на механизм кругооборота затрат-результатов, выстраивают взаимодействие в формате прямых и обратных связей, когда снижающиеся цены на экономические ресурсы обеспечивают дополнительный прирост производительности, а последний, в свою очередь, обеспечивает через снижение затрат, столь необходимое в последующем снижение цен на факторы производства. В качестве примера приводится Сталинская экономика, которой, по мнению авторов, удалось реализовать эту идею в качестве альтернативы «капиталистической экономке растущих цен». Именно «экономика снижающихся цен», по мнению В.И. Корнякова и Н.А. Вахрушевой, реализовала свой уникальный оздоровительный эффект в послевоенный период 1945-1960 гг. Однако, впоследствии ее механизмы были безвозвратно утрачены, что также обострило проблему роста производительности в отечественной экономике.

Хочется согласиться с авторами, еще раз указав на то, что повышение производительности труда — один из объективных экономических законов, присущих каждой общественно-экономической формации. Развитие производительных сил позволяет сократить затраты труда на изготовление различных продуктов, предназначенных для личного или общественного потребления. По мере открытия законов природы, накопления людьми опыта, овладения знаниями и их использования происходит последовательный рост производительности труда. Объективные основы роста производительности общественного труда совершенно очевидны и именно здесь лежит магистральный путь анализа этих процессов. Еще раз следует подчеркнуть, что эта проблема должна быть переведена в исследовательскую плоскость с более высокой степенью конкретизации. В современной экономике в условиях развитых рыночных отношений и их масштабной институционализации, для поддержания долгосрочного экономического развития определяющим является повышение эффективности производства на основе роста производительности труда. Именно производительность труда в условиях рыночной экономики является главным источником экономического роста и одним из важнейших факторов ослабления инфляционных ожиданий и улучшения качества жизни населения [3].

Расчеты показывают, что в 2015-2019 гг. уровень производительности труда в экономике РФ от соответствующего показателя США составлял примерно 36%, Германии - 37%, Люксембурга - 27%, Японии - 54%. Так, уровень производительности труда на российских предприятиях сталелитейной промышленности составляет 33% от уровня США, 22% - в добыче полезных ископаемых. Россия существенно уступает по соотношению необходимого количества граждан для обеспечения 1 млн долл. ВВП. По данным аналитиков компании «Финэкспертиза», в Германии для этого требуется 13 чел., в США 11 чел., по странам G7 показатель составляет от 11 до 14 чел. В России необходимы в среднем 57 чел. для получения 1 млн долл. ВВП, при этом лучший результат зафиксирован в добыче полезных ископаемых. Несмотря на три десятилетия проведения рыночных реформ, показатель производительности труда в России остается одним из самых низких среди промышленно развитых стран. Указанные тенденции повторяются при сравнении ведущих российских компаний, входящих в список «Эксперт-400», с крупнейшими мировыми лидерами. Так, производительность труда в ведущих российских компаниях эквивалентна 183 тыс. долл. в расчете на одного человека, что в 3,4 раза ниже, чем на ведущих предприятиях Японии, почти в 3 раза меньше, чем в крупнейших компаниях США и Европы, в 1,7 раза ниже, чем в странах БРИКС [2].

Таблица 1 - Динамика РПТ (по методологии ОЭСР) по странам мира, долл. США на 1 час работы, постоянные цены 2010 года [10]

Страны	1995	2000	2005	2010	2015	2017
Австралия	37,4	42,2	45,3	48,0	52,2	52,7
Австрия	43,8	47,8	51,9	55,1	57,7	58,2
Бельгия	52,6	56,7	61,0	63,1	64,6	64,8
Канада	38,5	42,1	44,9	46,0	48,6	49,6
Чили	14,0	17,0	19,6	21,0	23,5	23,9
Чехия	20,5	23,0	28,7	31,8	34,6	35,3
Дания	51,4	54,7	58,4	60,2	63,9	64,9
Эстония	Н/Д	18,6	24,7	29,0	31,0	32,5
Финляндия	39,4	45,9	51,1	52,6	53,2	55,5
Франция	47,1	51,7	55,6	56,5	59,0	59,8
Германия	45,9	50,5	54,3	56,2	59,1	60,5
Греция	26,2	30,2	33,5	34,4	32,4	32,0
Венгрия	18,9	20,5	26,3	30,5	31,4	32,0
Исландия	32,2	36,5	44,9	51,2	53,3	55,5
Ирландия	36,5	45,5	52,2	62,1	81,5	85,9
Израиль	27,0	29,2	30,9	33,0	35,2	35,7
Италия	44,8	47,2	47,5	47,1	47,9	48,0
Япония	31,4	35,2	38,3	39,5	41,4	41,8
Южная Корея	13,8	18,4	22,9	29,3	32,1	34,3
Латвия	Н/Д	15,5	22,7	25,1	28,8	31,1
Литва	14,5	18,1	25,2	30,4	34,6	36,7
Люксембург	72,4	78,6	80,7	79,6	81,0	79,5
Мексика	16,7	18,4	18,3	17,6	18,6	18,8
Голландия	49,1	54,4	58,4	60,0	61,9	62,6
Новая Зеландия	30,2	32,1	33,7	35,9	38,1	37,3
Норвегия	64,3	71,7	80,4	76,7	78,7	80,7
Польша	15,3	20,1	24,3	28,4	31,7	33,9
Португалия	27,9	30,2	31,9	34,2	35,1	34,9
Словакия	18,0	22,7	28,9	34,4	38,4	40,0
Словения	21,9	28,0	33,1	35,2	36,4	39,1
Испания	40,6	40,8	41,3	44,3	46,8	47,5
Швеция	43,0	49,1	56,6	58,1	61,3	61,7
Швейцария	46,7	51,2	54,2	57,1	58,0	59,2
Турция	20,4	23,1	28,3	30,7	36,4	38,1
Великобритания	39,7	44,7	49,7	51,4	52,3	52,5
США	44,5	50,0	56,8	62,1	63,4	64,2
ЕС (28 стран)	35,8	39,8	43,2	45,0	47,4	48,2
G7	41,3	46,2	50,9	53,8	55,7	56,5
OECD – Всего	Н/Д	39,2	43,1	45,3	47,3	48,1

Страны	1995	2000	2005	2010	2015	2017
Россия	15,0	15,3	19,5	22,9	23,7	24,1
ЮАР	Н/Д	Н/Д	16,8	19,5	21,7	19,2

Россия в мировой системе РПТ занимает замыкающее положение, оказавшись между развитыми и развивающимися странами. На сегодняшний день Россия отстает даже от таких стран, как Южная Корея, Латвия, Литва и Турция, а опережает лишь такие государства, как Мексика и ЮАР. Это обстоятельство является центральным в понимании места России в мировой системе РПТ. Фактически Россия на десятилетия зависла между развитым и неразвитым мирами: не желая оставаться среди технологических аутсайдеров мира, она не может войти и в круг избранных стран.

В последние 2-3 десятилетия относительно России прослеживается вполне явный догоняющий тренд, состоящий в том, что разрыв в РПТ между ней и странами ядра постепенно сокращается. Одновременно с этим просматривается и тенденция к более динамичному развитию России по сравнению со странами периферии. Например, в 1995 г. отставание России от ЕС составляло 2,4 раза, а к 2017-2018 гг. оно сократилось до 2,0. Относительно США отставание России в 1995 г. составляло 3,0 раза, а в 2017 – 2,7. Аналогичным образом Россия в 2001 г. по РПТ совсем незначительно опережала ЮАР – в 1,1 раза, а в 2017-2018 гг. – уже в 1,3 раза. [9].

Основная причина более высокой производительности труда в США и других развитых странах кроется в том, что объем основного капитала, приходящегося на одного работника, фондовооруженность и энерговооруженность труда там значительно выше, чем в России. Большое значение имеют и другие факторы, в частности, наличие научных исследований и разработок, направленных на повышение эффективности производства, высокий уровень организации и управления производством, разработка и применение на предприятиях научно-обоснованных норм труда, высокая квалификация работников. Безусловно, одним из ключевых факторов выступают расходы на науку.

В современных исследованиях (Водомеров Н.К) отмечаются причины технологического пробуксовывания Российской экономики. Среди них, в частности то, что поставляемая в нашу страну техника далеко не самого передового уровня, (особенно, если учесть запрет со стороны США и их союзников на экспорт в Россию новейших технологий, который усилился с введением санкций); неспособность большинства предприятий обрабатывающей промышленности конкурировать с продукцией иностранных фирм; недопустимо низкие темпы развития отечественного производства машин и оборудования; низкий уровень инновационной активности российских предприятий, поскольку предприятиям в нынешних условиях выгоднее приобрести импортную технику, чем заниматься разработкой собственных технологий; сохранение высокой зависимости российской экономики от экспорта сырья и продукции низкого передела.[1].

Россия официально взяла курс на создание цифровой экономики, но в реальности технологическое развитие страны все больше затормаживается. Так, например, количество патентных заявок на изобретения в 2017 году упало до 36454 — это самый низкий показатель с 2006 года. Второй серьезный сигнал — сокращение уровня инновационной активности в российской промышленности. По данным ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, он падает третий год подряд. Если в 2004 году доля компаний крупного и среднего бизнеса, внедряющих в своей работе высокие технологии и принципиально новые решения, составляла 10,5%, в 2012-м — 9,9%, в 2015-м — 9,5%, то в 2017-2018 гг она сократилась до 9,2%. Это минимальный показатель с 1999 года. По динамике инновационного развития российская промышленность в 4–6 раз отстает от ведущих индустриальных стран, пишет Finanz.ru. Например, в Швейцарии 60,2% компаний используют инновации, в Германии — 58,9%, во Франции — 46,5%, в Великобритании — 45,7%. Даже в странах Центральной и Восточной Европы

дела с инновациями обстоят лучше: в Польше ими занимается 18,6% промышленных предприятий, в Венгрии — 18,8%. Из 33 стран, которые анализировала ВШЭ, лишь в Румынии инновационная активность ниже российской — 6,4%. И хуже всего ситуация как раз там, где научные разработки должны быть востребованы больше всего — на высокотехнологичных производствах, в отраслях высоких переделов, связанных с производством «сложных непродовольственных товаров», отмечают эксперты Центра стратегических разработок. По их подсчетам, седьмая часть всех производственных мощностей в России устарели морально и технически и не могут использоваться для производства конкурентной продукции. [11]

Иноземцев В., в частности указывает, как минимум на три причины технологического отставания экономики РФ. Во-первых, по его мнению, Россия проиграла технологическую гонку из-за заикленности на свой «особости» и доминанте вопросов безопасности. Несмотря на то что сейчас более 90% отечественного рынка ноутбуков и почти 100% рынка планшетов контролируют иностранные производители, мы по-прежнему ориентируемся на потребности силовых структур и желание использовать в поддерживаемых государством проектах только отечественные комплектующие (знаменитый «полностью российский» компьютер «Эльбрус-401» производится с явным прицелом на оборонную промышленность и военных). Это закрывает перспективы экспорта и выхода на мировой рынок, на чем поднимались в последние десятилетия все новые производители электроники и что, как показала их история, сделать достаточно несложно: Россия вполне могла воспользоваться своими технологическими заделами и низкой стоимостью рабочей силы в начале 1990-х или после дефолта и девальвации 1998 года. Однако ничего предпринято не было, и сегодня Вьетнам продает за рубеж мобильных телефонов и ноутбуков на \$36 млрд — в 2,5 раза больше, чем Россия вооружений. Вне мирового рынка современный хай-тек не существует, чего у нас упорно не хотят признавать. Во-вторых, это корпоративная организация. В России так и не поняли, что в сфере высоких технологий выигрывают компании, которые действуют не только ради извлечения прибыли, но и ради того, чтобы превратить своих основателей (и иногда и работников) в некий эталон (в свое время В. Иноземцев называл такие структуры «креативными корпорациями»). Примером может служить китайская Huawei, которую уже 30 лет возглавляет ее основатель Жэнь Чжэнфэй. Компания начинала как кооператив, занимавшийся перепродажами в Китае импортных АТС, но и сегодня фирма, по сути, принадлежит коллективу, не котируется на бирже, имеет уникальную систему коллективного CEO и в какой-то степени является образцом капиталистической эффективности в коммунистическом Китае и примером социалистически построенной компании глобального уровня. Этот подход, хотя он может казаться несколько экзотическим, тем не менее идеально отвечает потребностям создания новых технологических компаний, строительство которых требует взгляда вперед на десятилетия, а не стремления получить прибыль здесь и сейчас, на что обычно ориентирован весь российский бизнес. К сожалению, в России не было и нет ни технологической, никакой-либо иной крупной компании, запущенной с нуля и несколько десятилетий управляемой командой основателей. В-третьих, это внимание, которое должно уделяться в ходе модернизации технологическим инновациям и интеллектуальному капиталу в целом. Та же Huawei с первых лет вкладывала в исследования и разработки суммы, превышавшие ежегодную чистую прибыль. Уже в 2015 году ее бюджет на НИОКР составил \$9,25 млрд, что в 10 раз больше, чем отечественные власти выделили в том году Российской академии наук. Численность той категории работников, которую китайская статистика относит к «научно-техническому персоналу», составляет у Huawei 79 000 человек, или 43% общего числа сотрудников. Технологические и конструкторские офисы компании открыты более чем в десятке стран, что позволяет постоянно держать руку на пульсе новейших технологических решений. Неудивительно, что компания в год производит и реализует на высоко конкурентных рынках более 60 млн ноутбуков, планшетов и смартфонов, тогда как в России подобной продукции собирается не более 600 000 штук ежегодно. [4]

В контексте обозначенных проблем сформулированы цели национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости» к 2024 году

1. Достижение роста производительности труда на 5% к предыдущему году в базовых несырьевых отраслях экономики (обрабатывающая промышленность, сельское хозяйство, строительство, транспорт).

2. Включение в реализацию национального проекта 85 субъектов Российской Федерации.

3. Включение в реализацию национального проекта не менее 10000 крупных и средних предприятий базовых несырьевых отраслей экономики (с ограничением по выручке от 400 млн руб. до 30 млрд руб.) [6].

В рамках комплекса системных мер для повышения производительности труда российских предприятий (участников национального проекта) предусмотрены следующие: финансовое и нефинансовое стимулирование предприятий; снижение административных барьеров, ограничивающих рост производительности труда; соответствующее обучение управленческого звена предприятий; привлечение лучших международных практик для повышения операционной эффективности предприятий; создание системы мер поддержки экспорта на предприятиях. [8].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Водомеров Н.К. Преодоление технологического отставания России и цифровая экономика // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. — № 3. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

2. Идрисов А. Производительность труда как ключевой фактор конкурентоспособности российской экономики. URL: <http://strategy.ru/research/3/> (дата обращения: 20.10.2020).

3. Иродова Е.Е. Отзыв на статью Вахрушевой Н.А. Корнякова В.И., Альпидовской М.Л. Экономическое развитие социума. Его направление // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. — № 9. — С. 90. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

4. Иноземцев В. Нищета модернизации. Почему Россия пропускает одну технологическую волну за другой <https://www.forbes.ru/tehnologii/341375-nishcheta-modernizacii-pochemu-rossiya-propuskaet-odnu-tehnologicheskuyu-volnu-za> (дата обращения: 10.10.2020).

5. Каган А. Производительность труда в РФ-2019. Факторы роста <https://www.kubdeneg.ru/proizvoditelnost-truda-v-rf-2019-factory-rosta/> (дата обращения: 25.10.2020).

6. Как ускорить рост производительности труда: роль малых и средних предприятий аналитическая записка https://cbr.ru/content/document/file/71818/analytic_note_200429_dip.pdf (дата обращения: 15.10.2020).

7. Корняков В.И. Технологическое отставание или нацеленное технологическое удушение? / В.И. Корняков, Н.А. Вахрушева // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. — № 10 (70). [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

8. Национальный проект «Производительность труда и поддержка занятости» https://www.economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_proizvoditelnost_truda_i_podderzhka_zanyatosti/ (дата обращения: 05.10.2020).

9. Николаев И.А., Марченко Т.Е. Производительность труда: задачи, особенности расчета, сравнения. М.: Институт стратегического анализа ФБК, 2018.

10. Россия в мировой системе производительности труда <http://nonerg-econ.ru/cat/6/458/> (дата обращения: 30.10.2020).

11. Россия наращивает технологическое отставание https://news.rambler.ru/scitech/39457868/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 31.10.2020).

ОТЗЫВ НА СТАТЬЮ В.А. ГОРДЕЕВА «РЕГИОНАЛЬНЫЕ ФИНАНСЫ ПОЮТ ГРУСТНЫЕ РОМАНСЫ (НА ПРИМЕРЕ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ)»

Лобода Алексей Андреевич

студент,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет»,
кафедра экономической теории и региональной экономики,
г. Ярославль, Российская Федерация.
E-mail: alexey.5255@gmail.com

Аннотация: Дается оценка положений и выводов, содержащихся в рецензируемой статье. С отдельными положениями автор рецензии соглашается, другие дополняет или подвергает критике. В процессе критики поднимаются вопросы об отсутствии конкретных инструментов для наполнения доходной части регионального бюджета Ярославской области.

Ключевые слова: экономика, хозяйство, социально-экономическое развитие, региональный бюджет, инструменты для наполнения доходной части регионального бюджета, расходы регионального бюджета.

JEL: A13, B26, H61, H75, R10

REFERENCE TO ARTICLE V.A. GORDEEV «REGIONAL FINANCE SINGING SAD ROMANCES (ON THE EXAMPLE OF YAROSLAVL REGION)»

Loboda Alexey Andreevich,
student, Yaroslavl state technical university,
Yaroslavl, Russian Federation

Abstract: An assessment of the provisions and conclusions of the article. The author of the review agrees with certain provisions, while others supplement or criticize. In the process of criticism, questions are raised about the lack of specific tools for filling the revenue side of the regional budget of the Yaroslavl region.

Keywords: economics, economy, socio-economic development, regional budget, tools for filling the revenue side of the regional budget, regional budget expenditures.

Статья В.А. Гордеева [см.: 1] посвящена актуальной проблеме регионального бюджета, его соответствия социально-экономическим задачам региона. Особую значимость данной работе придает тот факт, что автор показывает несоответствие доходов регионального бюджета участию в осуществлении задачи, поставленной президентом В.В. Путиным по выходу РФ в пятерку передовых стран.

Актуальность статьи не вызывает сомнений, так как региональный бюджет Ярославской области 2020 года, нацеленный на достижение результата, упускает конкретные инструменты для наполнения доходной части регионального бюджета.

Автор справедливо указывает на то, что в Ярославской области региональный бюджет носит недопустимо малый объем доходов [см.: 1, с. 17]. Недостаточность доходной части в региональном бюджете Ярославской области отрицательно сказывается на социально-экономическом потенциале Ярославской области, решении неотложных задач по развитию экономики и социальной сферы

региона.

Заслуживает, на мой взгляд, внимания высказывание автора о чрезмерно высокой цене проезда в общественном транспорте в Ярославской области (выше, чем в соседних областях), необходимости сделать бесплатным проезд [см.: 1, с.18], если бы для этого были возможности регионального бюджета по поддержке транспортников. Приведен в рецензируемой статье в качестве примера опыт города Москвы, где за счет местного бюджета возмещают выпадающие доходы перевозчиков, полученные в результате предоставления столичным пенсионерам услуги по проезду на бесплатной основе. Однако, считаю, стоит отметить, что нельзя сравнивать наполняемость бюджета города Москвы и, положим, города Ярославля. Так на 2020 год доходы бюджета города Москвы предусмотрены в объеме 2798,7 млрд. руб. против 21,8 млрд. руб. доходов города Ярославля (0,8%). На данный момент Москва — крупнейший в общегосударственном масштабе финансовый центр и центр управления значительной частью экономики страны. Так, например, в Москве сосредоточено более половины банков, зарегистрированных в стране, при этом на их долю приходится 90% банковских активов. Кроме того, большая часть крупнейших компаний зарегистрированы и имеют головные офисы именно в Москве, хотя их производство может полностью располагаться за тысячи километров от столицы. По состоянию на ноябрь 2019 года из 200 крупнейших предприятий страны 104 зарегистрированы в Москве. Таким образом, наполняемость доходов городского бюджета очевидна, тогда как региональные бюджеты страдают от того, что действующие на их территориях предприятия отчисляют налоги, минуя местные бюджеты. Было бы, считаю, большим прорывом для пополняемости доходной базы региональных бюджетов – закрепить на законодательном уровне норму о регистрации действующих на той или иной территории предприятий и организаций в налоговых органах этих территорий.

Автор в рецензируемой статье достаточно подробно описывает проблему доходов, пенсий и заработных плат в регионе [см.: 1, с.18]. Не могу не согласиться с мыслью о том, что если смотреть на уровень доходов не по данным Росстата, а в социально-экономическом разрезе (между богатыми и бедными), то можно заметить, что, например, заработная плата у какого-нибудь топ-менеджера крупной нефтяной компании будет во много раз выше, чем у преподавателя или врача. Справедливо ли это? Не думаю. Трудовых затрат и обязанностей у людей с такими профессиями не меньше, чем у менеджеров крупных фирм. Так как же с такими заработными платами, как у преподавателей, можно придерживаться здорового образа жизни, не питаясь всякими полуфабрикатами? Как обеспечивать высокое качество и эффективность своего интеллектуального труда?

Автором рассматриваемой статьи подробно освещена тема медицинских учреждений и их обслуживания населения на территории Ярославской области. Автор привел данные социологического исследования о том, что лишь 19% ярославцев устраивает текущее состояние медицинских учреждений и качество их обслуживания [см.: 1, с. 19]. Я, пожалуй, не соглашусь с этой оценкой. Так, например, для детей-инвалидов или пенсионеров, страдающих непростыми заболеваниями, в Ярославской области существует огромное количество реабилитационных центров, пансионатов, оснащенных современным оборудованием и высоким качеством лечения. К ним относятся: ЦРС «Полет», реабилитационный центр в поселке Скобыкино, Туношенский пансионат для ветеранов войны и труда, реабилитационный центр «Горизонт», ГБУЗ ЯО «Ярославский областной клинический госпиталь ветеранов войн – международный центр по проблемам пожилых людей «Здоровое долголетие».

Обратим свое внимание на рекомендации для региональной власти Ярославской области, высказанные в указанной статье. Во-первых, автором предложена оригинальная идея по поводу того, что стоит настойчивее убеждать депутатов Государственной думы РФ от Ярославской области, чтобы не поддерживали законопроекты, наносящие ущерб региональным бюджетам, и убеждали в этом коллег от других регионов [см.: 1, с. 22]. Не могу не согласиться с таким предложением, так как все-таки мы голосуем за данных людей с надеждой на то, что они будут вносить вклад в

социально-экономическое развитие нашей области извне, а не ухудшать и так тяжелую ситуацию в регионе, связанную с наполнением доходной части регионального бюджета. Конечно, и ситуация с федеральным бюджетом не оптимистичней, недаром, его даже называют «бюджетом катастрофы» [см., например: 2], но это тем более убеждает в необходимости более настойчивой работы с депутатами Государственной думы РФ от Ярославской области.

Во-вторых, Валерий Александрович Гордеев справедливо указывает на то, что необходимо расширить базу высокотехнологичных предприятий на территории Ярославской области, а для этого чиновники должны прогнозировать спрос на рынке, определяя, какого именно профиля требуются заводы, а также работать с инвесторами-олигархами, заинтересовывая их, доказывая, что тем самым они смогут приумножить свои денежные средства [см.: 1, с. 22]. Всё это благоприятно отразится на векторе социально-экономического развития, а также выведет промышленность Ярославской области на высокий по всем показателям уровень, который был во времена СССР. Со строительством новых высокотехнологичных предприятий решится ситуация с безработицей, возрастут доходы граждан, а, соответственно и расходы, что увеличит наполняемость доходной части бюджета Ярославской области, поскольку налог с прибыли предприятий составляют треть доходов его, позволит со временем покрыть долг перед коммерческими банками в размере нескольких десятков миллиардов рублей на конец 2019 года, и, конечно же, возрастут объемы экспортной части продукции в другие регионы РФ и страны СНГ.

В-третьих, автор предлагает активнее работать с экономическим советом, состоящим из руководителей ведущих предприятий, по поиску дополнительных, внебюджетных средств на социальную сферу [см. 1, с. 22]. Соглашусь с этим, следует привлечь средства из других фондов, капиталов на материальную поддержку наших граждан, повысить социальные пособия по безработице, проиндексировать пенсии пенсионерам, инвалидам и малоимущим. Ведь этого так не хватает на данный момент, в связи с ситуацией по COVID-19: многие люди потеряли свою работу, реальный и финансовый секторы экономики находятся еще в состоянии шока и долго будут восстанавливаться.

И, наконец, Валерий Александрович Гордеев акцентирует внимание на том, что необходимо каждому из 10 тысяч сотрудников областной администрации постоянно искать возможности пополнения регионального бюджета, руководителям департаментов обеспечить систему спроса за осуществление этой функции [см.: 1, с. 22]. Эту задачу ставит и губернатор Д. Ю. Миронов на совещаниях аппарата, но руководители подразделений так и не обеспечили требуемой системы спроса. И хотя к концу 2019 года удалось увеличить объем бюджета до 75 млрд рублей, то есть на 10 млрд больше прошлогоднего, но это была заслуга лишь самого губернатора, который обратился к федеральной власти за помощью для ликвидации катастрофы в бюджете Ярославля, да еще руководства департамента финансов. Проанализировав данную рекомендацию для областной администрации, полностью соглашусь с уважаемым автором.

Материал статьи имеет ярко выраженную авторскую линию, так как В.А. Гордеев, не просто анализирует научные положения из документов Правительства Ярославской области, статей из средств массовой информации и научных изданий, но и высказывает свою точку зрения как эксперт по экономике и финансам Общественной палаты Ярославской области.

Статья хорошо структурирована, написана четким и понятным языком, выводы логичны, литература соответствует заявленной тематике.

Таким образом, статья В.А. Гордеева «Региональные финансы поют грустные романсы (На примере Ярославской области)» имеет определенную научную значимость, может быть полезна студентам, аспирантам и докторантам, занимающимися вопросами регионального бюджета Ярославской области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гордеев В.А. Региональные финансы поют грустные романсы (На примере Ярославской области) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Экономика», 2020. – №1 (43). – С. 17-24. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/herald
2. Геннадий Зюганов: «Нельзя поддерживать бюджет, подталкивающий страну к коллапсу». Тезисы выступления на заседании Государственной Думы по проекту федерального бюджета // <https://kprf.ru/party-live/cknews/198066.html> (Дата обращения 28.10.2020)